ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРІАЛЫ
для ТРУДОВЪ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ.
Выпускъ XVI, часть 2-я.

А. КРЫМСКІЙ.

Исторія Персіи, ея литературы
и
ДЕРВИШЕСКОЙ ТЕОСОФІИ.

ЧАСТЬ II.

Отъ разложенія сельджукскаго царства до монголовъ.

— „Говорятъ, что персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ;—а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня“.
Гёте.

Третье, значительно измѣненное и дополненное изданіе,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МНОГОЧИСЛЕННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Москва—1912.
Типографія „Крестнаго Календаря“, Долгоруковская ул., д. № 33.
Литографія Ю. Венеръ, Рахмановскій переулокъ, домъ Грачева.

ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,

издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Вост. Яз., въ Москвѣ.

Выпускъ I: *Книги Паралипоменонъ* въ древнѣйшемъ армянскомъ перево[illegible]. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Г. Халатьянца*. (М. 1899). Цѣна 2 р.

Выпускъ II: Матеріалы по Казак-Киргизскому языку, собранные *И. Ла*[illegible] Москва, 1900, in 8⁰. Цѣна 1 р.

Выпускъ III: Очеркъ фонетики Еврейско-Татскаго нарѣчія, *Всев. Миллера*. Москва, 1900, in 8⁰. Цѣна 50 коп.

Выпускъ IV: Очеркъ литер. дѣят. казанскихъ татаръ, *Н. Ашмарина*, подъ [illegible] *А. Крымскаго*. Москва, 1901, in 8⁰. Цѣна 75 к.

Выпускъ V: Семитскіе языки и народы, *Т. Нельдеке*, въ обработкѣ *А. Крымскаго*. Ч. I. a) О семитскихъ языкахъ вообще. b) Языки еврейскій и арамейскій. Москва. 1903. Цѣна 1 р. 50 к.—Ч II. c) Очеркъ сирской литературы; d) Вавилоно ассирійская исторія и черты языка (М. 1910), Ц. 1 р. — ч. III: Южно-семитскіе языки и подробная исторія языка арабскаго, съ приложешемъ перевода двухъ главъ изъ ибнъ-Акыля и таблицей поправокъ къ „Руководству" М. Аттаи. М. 1912. Ц. 2 р. Изд. 2-ое.

Выпускъ VI: Грамматика персидскаго языка, сост. *Мирзою-Джафаромъ* при участіи академика *Ѳ. Корша*. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к. (складъ у О. Гербека, Черныш. п.).

Вып. VII: Морфологія Еврейско Татскаго нарѣчія. *В. Миллера*. М. 1901. Ц. 50 к.

Выпускъ VIII: Изслѣдованіе о 1001 ночи, ея составѣ, возникновеніи и развитіи. *I. Эструпа*, переводъ съ датскаго. Со вступительнымъ историко-литературнымъ очеркомъ странствующихъ восточныхъ повѣствовательныхъ сборниковъ, *А. Крымскаго*. М. 1905. Ц. 1 р 25 к. Продолженіе=вып. XXXVII.

Выпускъ IX: Балѣваръ и Іодасафъ. Грузинскій текстъ по рукопис. XI—XII вв., съ переводомъ и предисловіемъ издалъ *А. Хахановъ*. М. 1902. Цѣна 60 к.

Выпускъ X и XXV: Образчики персидской письменности съ X в. до нашего времени. Сост. *Мирза Абдулла Гаффаровъ*. Часть I Проза. М. 1913. (печатается): Часть II: Поэзія. М. 1906. Цѣна 3 р. 50 к.

Выпускъ XI: Дигорскія сказанія съ переводомъ и примѣч. *Вс. Миллера*. М. 1902. Ц. 1 р.

Выпускъ XII и XVIII: Исторія мусульманства, *А. Крымскаго*. Части I и II распроданы (М 1904), но все существенное изъ нихъ вошло въ вып. XV. Отдѣльно: вып. XVIII (=ч. IIб и вступл.)—75 к.-д) Прилож.: Переводы изъ Корана. Ц. 50 к. М. 1906. (2-е изд.); —ч. III: Новѣйшій исламъ. М. 1912. Ц. 60 к.

Выпускъ XIII: Источники для исторіи Мохаммеда и литература о немъ. *А. Крымскаго*. а) Отъ Орвы до ибнъ-Исхака съ ибнъ-Хишâмомъ. М. 1902. Ц. 50 к., б) Арабскій текстъ ибнъ Хишама. М. 1906. Цѣна 50 к. Литограф. русскій переводъ ибнъ-Хишама, съ изслѣд., изд. студентами. М. 1910. Ц. 2 р.

Выпускъ XIV: Армянскіе Аршакиды въ „Исторіи Арменіи" Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. *Г. Халатьянцъ*. М. 1903. Цѣна 3 руб. *Его же*: Армянскій эпосъ у Моисея Хоренскаго. М. 1896. Ц. 3 р.

Выпускъ XV: а) Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной, *А. Крымскаго*. Часть I–II. М. 1912. Цѣна 3 р. Изданіе 3 е. б) Арабская поэзія въ очеркахъ и образцахъ (съ приложеніемъ части арабскаго текста). М. 1906. (распр.). см вып. XXXV.

Выпускъ XVI: Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи. 3-е изд. съ прилож. многочисл. литературныхъ образцовъ въ русскомъ переводѣ, *А. Крымскаго*. Т. I; № 1: Отъ эпохи халифовъ до газневидовъ. Со вступительнымъ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы предмета (=№ 1-4), 1909. Ц. 75 к.; т. I, № 4 (лит.): Сельджуки; золотой вѣкъ перс. литературы (М. 1909). Ц. 1 р. 50 к.—т. II (лит.): Отъ сельджуковъ до монголовъ, съ общимъ очеркомъ исторіи суфійства М. 1912. Ц. 2 р.— т. III. Отъ монголовъ до настоящаго времени. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к. Изд. 3-ье.

Выпускъ XVII: Турецкія народныя пѣсни. Музыкальные тексты съ переводомъ и объясненіями, *Бор. Миллера*, и вступительнымъ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы предмета, *А. Крымскаго*. М. 1903. Цѣна 1 рубль.

Выпускъ XIX: Багратъ, епископъ Тавроменійскій, грузинскій текстъ по рукописямъ XI в., издалъ *А. Хахановъ*. М. 1904 г. Цѣна 1 рубль.

Выпускъ XX: Ossetica, *Всев. Миллера*. М. 1904. Ц. 75 к.

(Продолж. см. на 3-й стр. обложки.)

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРІАЛЫ
для ТРУДОВЪ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ.
Выпускъ XVI, часть 2-я.

А. КРЫМСКІЙ.

Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи.

ЧАСТЬ II.

Отъ разложенія сельджукскаго царства до монголовъ.

— „Говорятъ, что персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ;—а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня“.

Гёте.

Третье, значительно измѣненное и дополненное изданіе,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ МНОГОЧИСЛЕННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Москва—1912.
Типографія „Крестнаго Календаря“, Долгоруковская ул., д. № 33.
Литографія Ю. Венеръ, Рахмановскій переулокъ, домъ Грачева.

Оглавленіе II части.

II. Разложеніе сельджукскаго царства и эпоха тюркскихъ междоусобій (XII-й вѣкъ и начало XIII-го).

II. РАЗЛОЖЕНІЕ СЕЛЬДЖУКСКАГО ЦАРСТВА И ЭПОХА ТЮРКСКИХЪ МЕЖДОУСОБІЙ. (XII-й ВѢКЪ И НАЧАЛО XIII-го).

а) Распаденіе великой имперіи.

Послѣ смерти Низâм-аль-молька и Меликшâха (1092) сельджукское государство стало разлагаться. Съ запада приливали потоки крестоносцевъ. Въ Аламутѣ, на берегахъ Каспійскаго моря (1090), и въ Сиріи, на Ливанѣ (1102, 1126 и 1140), утвердилась исмаилитская секта ассасиновъ, болѣе полутораста лѣтъ державшая въ страхѣ всю Переднюю Азію. Среди членовъ султанской семьи, ихъ „атабековъ" (опекуновъ, или маіордомовъ) и намѣстниковъ отдѣльныхъ областей происходили кровавыя междоусобія.

Вслѣдствіе этого изъ рукъ сельджукской династіи начали ускользать ея владѣнія, прежде всего - неперсидскія: театръ крестовыхъ походовъ Сирія и сосѣдняя сѣверная Месопотамія, которую (съ Мôсуломъ) присоединилъ къ своимъ владѣніямъ ревностный врагъ крестоносцевъ, алеппскій атабекъ Зенгû; Малая Азія образовала особое сельджукское царство - Иконійское, которое просуществовало двѣсти лѣтъ, до временъ османовъ (1300); даже багдадскій халифъ послѣ смерти Меликшаха сталъ дѣлаться болѣе самостоятельнымъ и обнаруживать притязанія на Мидію.

А въ остальныхъ мѣстахъ великаго царства Меликшаха,

Литографія Ю. ВЕНЕРЪ, Москва.

т.е. въ западномъ и восточномъ Иранѣ, шли взаимныя междоусобія членовъ сельджукской династіи. И при этомъ жизнь персидскихъ земель западныхъ и центральныхъ и жизнь земель восточныхъ сложилась неодинаково.

б) ЗАПАДНЫЙ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИРАНЪ. Неглавные сельджуки-Кавурдиды въ Керманѣ (до 1198). Атабеки Мосульскіе (1127-1250), Фарсскіе (1148-1287), Луристанскіе (1148-1339) и Азербейджанскіе (1136-1225); о вассальномъ шахствѣ Ширванскомъ. Гибель послѣдняго царственнаго сельджука главной линіи - Тогрула III Иракскаго (1194); смуты въ Азербейджанѣ; грузинская царица Тамара (1203).

На западѣ и въ срединѣ Ирана только въ Кер мa нѣ потомки Кавурда (брата Алпъ-Арслана) пользовались самостоятельностью (до 1198 г.). Но это была не главная сельджукская линія.

Члены же главной, — такъ сказать, императорской, — сельджукской линіи подпали подъ власть атабековъ, и даже такіе энергичные султаны, какъ третій сынъ Меликшаха Мохаммедъ (1105-1118) и Масўдъ (1134-1152) не могли укротить своихъ могущественныхъ эмировъ, а со смертью Масўда, по выраженію ибнъ-аль-Асйра*), „умерло счастіе сельджукскаго дома". Именно: немедленно по его смерти возсталъ и сдѣлалъ себя самостоятельнымъ багдадскій халифъ**), и еще при его

---

*) Т.XI, 105, по изданію Торнберга.

**) Моктафій. Срв. В.Бартольдъ: „Теократическая идея и свѣтская власть въ мусульманскомъ государствѣ", СПБ. 1903, стр.14.

жизни п я т и атабекамъ удалось сдѣлать свою атабекскую власть наслѣдственной въ Мо́сулѣ, Фа̂рсѣ, Лу̂риста̂нѣ и А̂зербейджа̂нѣ:

1) Въ М о̂ с у л ѣ утвердилась династія З е н г и д о в ъ (съ 1127 г.), которая играла большую роль въ Сиріи во время крестовыхъ походовъ, пока Сала̂хедди̂нъ (Саладинъ) въ 1174 (окончательно же въ 1186) году не лишилъ ее тамъ значенія. Но въ Мо̂сулѣ зенгидская династія продержалась до временъ монголовъ (1250) *)

2) Въ Ф а̂ р с ѣ тюркменъ Сонкоръ, или Сункаръ (1148-1162) основалъ династію С а л г а р и д о в ъ**). Эта династія славна тѣмъ, что взлелѣяла, вѣкъ спустя, поэта Саʻдія,- незадолго до нашествія монголовъ***). Она продолжала существовать, въ качествѣ вассальной, цѣлыхъ полвѣка еще и при персидскихъ монголахъ (до 1287 г.). Поэтъ Саʻдій пережилъ ди-

---

*) Подробнѣе объ этой династіи, объ ея основателѣ ʻИма̂деддинѣ Зенгӣ (1127-1146), о врагѣ Іерусалимскаго королевства Нӯредди̂нѣ (1146-1174) и о выдвореніи зенгидской династіи Эйюбидами см. у меня во II части „Исторіи арабовъ".

**) Салгаръ былъ предокъ Сонкора. Онъ, со своей туркменской шайкой, былъ въ войскѣ султана-завоевателя Тогрулъ-бека.

***) Именно: у Сонкора былъ братъ, по имени Зенгӣ (не надо смѣшивать это лицо съ одноименнымъ атабекомъ мо́сульскимъ), а у Зенгӣ сынъ - Саʻдъ (1195-1226). Этому Саʻду служилъ еще отецъ поэта, а самъ поэтъ обязанъ былъ Саʻду своимъ воспитаніемъ,- оттого онъ и носитъ прозвище по его имени. Саʻдъ палъ при нашествіи монголовъ (1226), и дальнѣйшимъ покровителемъ Саʻдія былъ атабекъ Абӯ-Бакръ (1226-1260).

настію и при монголахъ, нѣсколькими годами.

3 и 4) Военачальникъ Сонкора, курдъ Абӯ-Ṭаһиръ Моҳаммедъ (1148-1203) основалъ династію атабековъ Большого Лӯристâна (1148-1339). Она называется Хâзâраспидской, по имени второго атабека этой династіи. Кромѣ Большого Лӯристâна, Хâзâраспиды распространяли свою власть на область Хӯзистâнъ, а иногда на Испаһâнъ, Шостеръ, Басру. Обыкновенно насчитываютъ двѣ луристанскихъ династіи, потому что Малымъ Луристаномъ управляла особая атабекская вѣтвь (XII-XVI в.).

5) Опекунство надъ султанами присвоила себѣ основанная въ Гянджѣ (нынѣшнемъ Елизаветполѣ) туркомъ Ильдегизомъ (1140-1172) и его сыномъ Мохаммедомъ Пеһливâномъ (1172-1186) династія атабековъ - Пеһливâнидовъ, или атабековъ Âзербейджâнскихъ (1136-1225). Атабеки-Пеһливаниды владѣли на сѣверѣ, кромѣ Азербейджана и Аррана, Арменіей и вассальнымъ персидскимъ шахствомъ Ширванскимъ (за Курою), „ширваншаховъ" котораго воспѣль Хâкâній*); а на востокѣ Персіи азербейджанскіе атабеки распоряжались отъ име-

---

*) О Ширванскомъ шахствѣ слѣдуетъ ниже особый экскурсъ, въ видѣ предисловія къ біографіи Хâкâнія (1106-1199). Предѣлы Ширванскаго шахства соотвѣтствовали приблизительно нынѣшней Бакинской губерніи съ частью Елисаветпольской; главный городъ Гянджа есть нынѣшній Елисаветполь. При грузинскомъ царѣ Давидѣ II (вступилъ 1098) Ширванъ короткую пору находился было подъ властью Грузіи, но вскорѣ свергъ съ себя эту власть, и ново-

ни султановъ Персидскимъ Ира̂комъ, съ Испаhа̂номъ и Реемъ, гдѣ пребывали якобы царственные сельджуки, имѣвшіе въ сущности только громкій титулъ султановъ. Такъ было дѣло при первомъ азербейджанскомъ атабекѣ Ильдегизѣ и его сынѣ Пеhлива̂нѣ. Преемникъ Пеhлива̂на, его братъ Кызылъ-Арсланъ (1186-1191), не довольствуясь званіемъ атабека, отнялъ всякую власть у послѣдняго Ира̂кскаго султана-сельджука Тогрула III (1177-1194) и, вмѣсто него, самъ принялъ отъ халифа титулъ султана (1191). Насладиться султанскимъ титуломъ Кызылъ-Арслану не пришлось: онъ былъ зарѣзанъ,- вѣроятно, ассасинами, и два его преемника должны были поудержать свое честолюбіе. Это однако не спасло главной сельджукской династіи: вскорѣ послѣ гибели Кызылъ--Арслана, въ 1194 году, обиженный имъ сельджукъ Тогрулъ III погибъ въ борьбѣ съ усилившимся Харезмскимъ шахомъ Тäкäшемъ, и съ нимъ угасло царство сельджуковъ въ Ира̂кѣ.

Послѣ гибели своихъ опекаемыхъ сюзереновъ, сама-то атабекская династія Пеhливанидовъ Азербейджанскихъ существовать, какъ сказано, продолжала. Но мы сказали такъ же, что блестящія ея времена миновали. Преемники султана-пеhливанида Кызылъ-Арслана (ихъ было два), послѣдніе представители династіи Пеhливанидовъ, успѣли сдѣлаться такими же ничтожными игрушками въ рукахъ своихъ рабовъ, какими нѣкогда были глав-

---

возникшая (ок. 1106) династія Ширваншаховъ стала въ вассальную зависимость къ азербейджанскимъ атабекамъ-Пеhливанидамъ.

ные сельджукиды въ рукахъ атабека Ильдегиза и его сына Пеһливана. Къ этой порѣ азербейджанскаго атабекскаго ослабленія относится внезапное, хотя и недолговременное возвышеніе Грузіи съ ея знаменитой царицей Тамарой (1184--1213), царствованіе которой считается лучшимъ періодомъ грузинской исторіи и образъ которой окутанъ фантастическими народными легендами*). Тамара успѣла отвоевать Тебрйзъ и рядъ другихъ пунктовъ въ Азербейджанѣ: битва 1203 года описана у грузинскихъ лѣтописцевъ самыми блестящими красками; повидимому и въ Малой Азіи, и въ Хорâсâнѣ съ почтеніемъ заговорили о славной иверской царицѣ. Сказаніе о ней затѣмъ попало и въ византійскую литературу, а оттуда, вѣроятно, около временъ Іоанна Грознаго, обработано было и по-русски: „Слово и дивна повѣсть Динары-царицы, како побѣди перскаго царя"**). По разсказамъ московскихъ лѣтописцевъ, царь Іоаннъ Грозный, завоевывая Казань, вспоминалъ исторію „премудрой и мужеумной царицы Иверской***).

---

*) См. у акад. А.Н.Веселовскаго: „Царица Тамара въ народной легендѣ и у Лермонтова" („Кавказъ" 1898, N.6 и N.7); А.Хахановъ: „Царица Тамара по народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ" (въ „Журналѣ для всѣхъ" 1900, N.7); М.Г.Джанашвили: „Царица Тамара" (Тифлисъ 1900).

**) Изобильные грецизмы русскаго сказанія о Динарѣ (т.е. Тамарѣ) доказываютъ, что оригиналъ для русскаго сказанія былъ греческій.

***) По словамъ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ" попа Іоанна

Просуществовали ослабѣвшіе пеһливаниды еще съ четверть столѣтія, до монгольской эпохи. Когда монголы Джингизъ-хана вторглись въ восточную Персію, внукъ Харезмшаха Тăкăша, по имени Джеля̂леддйнъ Мынгбурній, былъ вытѣсненъ вторгшимися монголами изъ своихъ хивинскихъ владѣній въ сѣверо-западную Персію. Онъ-то и покончилъ съ династіей азербейджанскихъ Пеһливанидовъ (1225) и самъ утвердился въ Азербейджанѣ для борьбы съ монголами.

в) В О С Т О Ч Н Ы Й И Р А Н Ъ. Султанъ-Синджаръ (1118-1157), какъ государь Хорасана и верховный глава Харезма, тюркской Трансоксаніи и Газневидскаго царства. Харезмшахъ накликаетъ въ Трансоксанію языческихъ тюрковъ-карахитаевъ и самъ отпадаетъ отъ Синджара, а отъ Газневидскаго царства отпадаетъ князь Гура. Вытѣсненные карахитаями изъ Трансоксаніи, гузы заливаютъ на полстолѣтія владѣнія Синджара и истребляютъ его династію. Гузовъ изгоняютъ изъ Газны гуриды, свергшіе Газневидское царство, и завладѣваютъ южной частью бывшаго Синджарова Хорасана, а къ остальнымъ его бывшимъ владѣніямъ стремится харезмшахъ.

Восточная Персія непосредственно послѣ смерти Меликшаһа не испытала такихъ бѣдствій и превратностей, какъ западная.

Въ Х о р а̂ с а̂ н ѣ утвердился четвертый сынъ Меликша̂ха, послѣдній дѣйствительно великій сельджукъ, храбрый, энергичный С и н д ж а р ъ (+ 1157), который постепенно успѣлъ, сверхъ своей прямой области - Хора̂са̂на, сдѣлаться

Глазатаго, царь Іоаннъ ІУ ссылался на царицу Динару въ своей увѣщательной рѣчи къ воинамъ при осадѣ (1552).

государемъ или верховнымъ сюзереномъ в с ѣ х ъ в о с т о ч н ы х ъ о б л а с т е й м у с у л ь м а н с к о й части А з і и (1118-1157), т.е. нынѣшняго Туркестана, Афганистана и сѣверной Индіи.

А именно. Съ 1097 г., когда Синджаръ еще не былъ султаномъ, а явился только юнымъ хорасанскимъ намѣстникомъ, отъ него зависѣли округи Б е л ь х ъ и Х е р â т ъ; намѣстникъ Хивы, или, по-тогдашнему, Хâрéзма (съ титуломъ „х â р е з м - ш â х ъ") Мохаммедъ (1097) управлялъ, пожалуй, довольно самостоятельно, но все же подъ верховной властью Синджара, какъ и царь С е д ж е с т â н а (Сйстâна) Тâджеддйнъ (1087-1164). Съ 1102 г. эмиры Синджара подчиняли ему турецкое ханство Т р а н с о к с а н с к о е (Бухару), которое даже при Меликшахѣ оставалось независимымъ. Наконецъ въ 1117 г., въ силу помощи, оказанной Синджаромъ газневиду Беhрâмшâhу (1117-1157), ц а р с т в о г а з н е в и д о в ъ (т.е. Афганистанъ, сѣверная Индія и вассальное горное княжество Гуръ, между Хератомъ и Газной, со старинной династіей Суріевъ) также стало подъ верховную, хотя и номинальную, власть Синджара, и только одинъ разъ (1135) Беhрâмъ попытался было открыто отрицать ленную зависимость газневидовъ отъ Синджара.

Спокойствіе всѣхъ этихъ Синджаровыхъ областей было нарушено, лѣтъ черезъ сорокъ послѣ смерти Меликъ-шаха, вторженіемъ новыхъ тюркскихъ ордъ изъ центральной Азіи въ ханства Кашгарское и Самаркандское. Пришельцы основали въ этихъ мѣстахъ тюркское не-мусульманское, языческое, царство Карахи-

тайское (1128). Оно первыя 10 лѣтъ было безвреднымъ, пока одинъ изъ Синджаровыхъ вассаловъ, государь сосѣдней Хивы́ („харезмшахъ") не вздумалъ впутать этихъ тюрковъ-язычниковъ въ свои вассальныя отношенія къ Синджару, послѣ чего произошла долгая революція во всемъ Синджаровомъ государствѣ.

Началась революція съ того, что въ 1138 г. харезмшахъ Атсызъ (1128-1156), сынъ вышеупомянутаго Синджарова вассала харезмшаха-Мохаммеда, рѣшилъ отложиться отъ Синджара. И вотъ, потерпѣвши пораженіе, онъ и призвалъ съ сѣверо-востока, изъ-за Яксарта (Сыръ-Дарьи́), этихъ новоосновавшихся карахитаевъ. Султанъ Синджаръ собралъ стотысячное войско. Оно съ юга перешло черезъ Оксусъ (Аму-Дарью́). Въ рѣшительной битвѣ съ язычниками (1141) Синджарово войско погибло, и вся Трансоксанія (Бухара́ и проч.,- конечно, безъ Хивы́) досталась карахитаямъ (т.н. „гуръ-ханамъ"), а въ своей Хивѣ́ (Харезмѣ) харезмшахъ Атсызъ остался лишь по имени ленникомъ сельджукида; сынъ же его, харезмшахъ Иль-Арсланъ (1156-1172), хотя получилъ свою инвеституру все еще отъ Синджара, но былъ ужъ вполнѣ независимымъ харезмшахомъ.

Такимъ образомъ отъ Синджара отпалъ Туркестанъ. Но и на югѣ его государства, въ области нынѣшняго Афганистана и сѣверной Индіи, тоже послѣдовала революція. Эти земли составляли, какъ мы помнимъ, вассальное Синджару Газневидское царство, у котораго имѣлся, какъ тоже было сказано, свой собственный вассальный князь Гура (а Гуръ - это

очень свободолюбивая горная область въ Афганистанѣ между Хератомъ и Газной). Жестокій газневидъ-сюзеренъ Беhрâмъ-шâhъ вздумалъ расправиться съ гуридскимъ княземъ,- и тогда наслѣдникъ и братъ казненнаго, новый гуридскій князь 'Алâэддйнъ (1149-1161) взялъ и страшно разорилъ и пожегъ (1150) весь округъ Газны, такъ что газневидъ Беhрâмъ принужденъ былъ перенести свою резиденцію въ Индію, въ Лаhоръ. Въ дѣло вступился верховный государь, Синджаръ; но въ сущности и Синджаръ ничего не могъ подѣлать противъ „Сожигателя міра" („Джеhâнъ-сўзъ",- такъ прозвали 'Алâэддйна). Правда, на нѣкоторое время 'Алâэддйнъ-Міросожигатель попалъ къ Синджару въ плѣнъ; но наступившая всеобщая смута освободила его, и онъ (ум.1161) пережилъ гибель Синджара.

А погибъ султанъ Синджаръ въ борьбѣ съ т у р к а м и-г у з а м и, которымъ плохо стало жить въ Туркестанѣ при новомъ государствѣ Карахитайскомъ. Синджаръ самъ позволилъ тюркамъ-гузамъ переселиться въ его владѣнія изъ Трансоксаніи, гдѣ они терпѣли притѣсненія отъ ея новыхъ хозяевъ, этихъ турокъ-карахитайцевъ,- и гузы, воспользовавшись разрѣшеніемъ, разлились дикими ордами по Хорасану, Афганистану и всюду. Начался слишкомъ 50-лѣтній періодъ неурядицъ: потомство Синджара въ Хорасанѣ было истреблено (1162), различные эмиры воевали между собою за власть въ сельджукской и газневидской областяхъ, разноплеменныя орды и войска тюркскія (гузскія и проч.), а съ юга - орды и войска афганскія, жгли и разоряли бывшее царство Синджара и довели его, т.е. вос-

точный Иранъ съ окраинами до такого же несчастнаго положенія, въ какомъ находился Иранъ западный изъ-за раздоровъ иракскихъ сельджуковъ, атабековъ и халифовъ. Нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія въ той картинѣ, которую нарисовалъ въ элегіи „Слезы Хорасана" поэтъ - Энвери, самъ хорасанецъ, въ самомъ началѣ гузскаго вторженія, ок. 1157 года:

„Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ свой престолъ утвердило злосчастіе, есть ли человѣкъ, которому улыбается судьба и котораго сопровождаетъ радость? Да, есть: трупъ, который опускаютъ въ могилу. Есть ли неоскорбленная женщина тамъ, гдѣ ежедневно совершаются столько ужасающихъ насилій? - есть: дѣвочка, которая только что вышла изъ чрева матери.

„Собираться въ мечети ужъ не можетъ нашъ вѣрный народъ: святыя мѣста мы должны были уступить самымъ презрѣннымъ животнымъ. Въ нихъ нѣтъ ни кровель, ни колоннъ. Всѣ моэззины избиты, каѳедры ниспровержены.

„Гдѣ взрослыя дѣти, утѣшеніе престарѣлыхъ матерей?- Ихъ нѣтъ. Но обнаруживать свою горесть теперь считается преступленіемъ, и страхъ сушитъ слезы на глазахъ, ужасъ подавляетъ вздохи, и мать не смѣетъ даже спросить, какъ умеръ ея сынъ......"

Подъ конецъ этого пятидесятилѣтняго періода неурядицъ, ко временамъ передъ вторженіемъ монголовъ, власть надъ разными иранскими областями оказалась сосредоточенною въ рукахъ двухъ государей, бывшихъ при Синджарѣ вассальными,- гурида и харезмшаха, и вотъ какъ это случилось.

Г у р и д ы возвысились раньше. Ихъ ближайшій сюзеренъ, послѣдній газневидъ Меликъ-Хосровъ (1160-1187), сдался имъ въ своей резиденціи Лаһорѣ и былъ казненъ, такъ что б ы в ш і я

газневидскія владѣнія, съ прибавленіемъ новыхъ индійскихъ областей, достались двумъ братьямъ-гуридамъ, племянникамъ покойнаго Сожигателя міра, номинальному государю Гіяседдину (1163-1203) и главному гуридскому дѣятелю Моъизеддину (иначе Мохаммеду Гури).Гузы, разумѣется, были изъ Газны изгнаны, и гуридами занята была съ юга часть Хорасана. Въ Индіи дѣйствовалъ рабъ гуридовъ, турокъ Котбеддинъ Эйбекъ. Этотъ „рабъ гуридскій", взявшій Деhли въ 1192 г., былъ гуридами провозглашенъ индійскимъ (деhлійскимъ) вице-королемъ; онъ явился впослѣдствіи (это мы еще увидимъ) основателемъ особой мусульманско-индійской династіи рабовъ. Гуридамъ подчинились также Седжестанъ, Бельхъ, Баміянъ и Хератъ.

Что касается Харезма, то онъ на первое мѣсто выдвинулся немного позже Гуридскаго государства, но распространилъ свою власть даже на западную Персію, и потому разсмотримъ его исторію въ особой, слѣдующей главѣ.

1) ВОЗВЫШЕНІЕ ХАРЕЗМА ВЪ ОБѢИХЪ ЧАСТЯХЪ ИРАНА И ПОЯВЛЕНІЕ МОНГОЛОВЪ (1218). Харезмшахъ-Такашъ (1172-1193) распространяетъ свои владѣнія отъ Хивы до возобновленнаго Багдадскаго халифата. Харезмшахъ Мохаммедъ II ибнъ-Такашъ, и вторженіе Гуридовъ; пораженіе Гуридовъ, переходъ части ихъ владѣній къ харезмшаху и возникновеніе индійско-мусульманской династіи „рабовъ Гуридскихъ". Мохаммедъ II-харезмшахъ присоединяетъ также Карахитайскую Бухару, а на западъ напираетъ на Багдадскаго халифа (1217-1218). Халифъ призываетъ монгольскія орды Джингизъ-хана на Иранъ.

Получившій свою инвеституру еще отъ Синджара, харезмшахъ Иль-Арсланъ (1156-1172) былъ уже вполнѣ независимъ; а послѣ распаденія царства Синджара Харезмъ имѣлъ силу претендовать на часть его земель, наводненныхъ гузами и расхищаемыхъ Гуридами. Сперва, однако, возвышеніе Харезма задерживалось борьбою сыновей Иль-Арслана, называвшихся Султâнъ-шâхъ и Т а к а ш ъ (въ 1172-1193). Послѣ смерти брата х а р е з м ш а х ъ - Т а к а ш ъ (1172-1200) безъ сопротивленія овладѣлъ главной бывшей областью Синджара Хорасаномъ, (—областью, къ которой стремились и гуриды съ юга), потомъ обратился дальше къ западу, гдѣ власть имѣли атабеки, изъ числа которыхъ Азербейджанскіе Пеһливаниды считались атабеками-руководителями выродившихся сельджукскихъ султановъ главной линіи, сохранившихся въ персидскомъ ʿИрâкѣ. Незадолго передъ этимъ отъ послѣдняго ирâкскаго сельджука Тогрула III уже отпалъ его руководитель, атабекъ-пеһливанидъ азербейджанскій Кызылъ-Арсланъ, и, хотя самъ погибъ (1191) но совершенно ослабилъ Тогрула III. Теперь Такашъ безъ особаго труда побѣдилъ Тогрула III и лишилъ его престола и жизни (1194) и захватилъ Персидскій ʿИрâкъ. Тогда же Такашу подчинилась и вся почти Мидія; слѣдовательно, онъ началъ царствовать на пространствѣ о т ъ Х а р е з м а (Хивы) почти д о г р а н и ц ъ нововозстановившейся области б а г д а д с к а г о х а л и ф а, а со стороны Хорасана и Афганистана имѣлъ сосѣдомъ сильное царство гуридское; прочіе сосѣди (атабеки въ Луристâнѣ, Фâрсѣ и Мóсулѣ, Карахитаи въ Бухарѣ и др.) были не сильны. Предстоя-

ло столкновеніе съ Гуридскимъ царствомъ.

Едва умеръ Такашъ и водарился его сынъ харезмшахъ Мохаммедъ II (1200-1221), вышеупомянутый гуридъ Гіяседдинъ, владѣтель Афганистана и почти уже всего полуострова Индустана (покореннаго рабомъ Котбеддиномъ Эйбекомъ и царскимъ братомъ Моыззеддиномъ), вторгся въ Хорасанъ и началъ съ харезмшахомъ Мохаммедомъ войну. Вскорѣ гуридъ Гіяседдинъ умеръ (1203), но войну противъ харезмшаха продолжалъ его братъ Моыззеддинъ (иначе Мохаммедъ Гури, 1203-1206), который и при жизни Гіяседдина былъ главнымъ дѣятелемъ и завоевателемъ. Однако борьба съ Харезмомъ оказалась для храбраго гурида труднѣе, чѣмъ завоевательная его борьба съ индусами. Войско гуридовъ погибло въ Харезмѣ (1204); шайкою гаккаровъ былъ убитъ Мохаммедъ Гури (1206). Послѣ этого гуридскія владѣнія оказались охвачены возстаніемъ; рабы-тюрки, служившіе у гуридовъ военачальниками, стали добиваться самостоятельности; харезмшахъ тоже вмѣшался въ ихъ дѣла; и въ результатѣ судьба индійскихъ и судьба ирано-афганскихъ земель Гуридскаго государства рѣшилась разно.

Именно, что касается Индіи, то въ числѣ прочихъ тюркскихъ „рабовъ гуридовъ" самостоятельнымъ себя объявилъ Котбеддинъ Эйбекъ Деһлійскій, а къ 1227 году индійское царство оказалось въ рукахъ уже другого бывшаго гуридскаго раба-тюрка — Алтытмыша, или Ильтутмыша, отъ котораго, собственно, здѣсь и начинается династія такъ называемыхъ „царей рабовъ" (мамлю-

ковъ), или „р а б о в ъ Г у р и д с к и х ъ" Она просуществовала до 1290 г.*).

Остальныя, н е и н д і й с к і я г у р и д с к і я в л а д ѣ н і я одно за другимъ доставались х а р е з м ш а х у; въ 1216 г. погибъ послѣдній изъ гуридовъ. Такимъ образомъ къ этому времени г о с у д а р с т в о х а р е з м ш а х а - М о х а м м е д а и б н ъ - Т ä к ä ш а достигло такихъ размѣровъ, какихъ н е и м ѣ л о и государство С и н д ж а р а. Еще отецъ его Тäкäшъ владѣлъ землями отъ Харезма до Багдадскаго халифата, а теперь, сверхъ Харезма и Хорасана, въ харезмшахское государство вошли бывшія Газневидскія (сѣверно-гуридскія) владѣнія, да вошла также и Трансоксанія (Бухара́), потому что и ее харезмшахъ Мохаммедъ II успѣлъ отнять (1207-1209) отъ тюрковъ-карахитаевъ; да и восточная Мидія также покорялась Харезму.

Но багдадскій халифъ Нâсыръ отказался признать харезмшаха Мохаммеда ибнъ-Тäкäша за султана. Раздраженный харезмшахъ велѣлъ собранію богослововъ перенести халифатъ съ рода 'Аббâса на родъ 'Алія, а самъ двинулъ войска на Багдадъ (1217-1218). Въ это время къ его восточнымъ границамъ подступили монголы Джингизъ-Хана и потребовали покорности; халифъ Нâсыръ послалъ

---

*) Это - первая мусульманская династія, правившая исключительно въ Индіи, безъ отношенія къ Ирану или Афганистану. Да и послѣ рабовъ гуридскихъ, до временъ Великихъ моголовъ, мусульманская Индія имѣла ужъ свои особыя мусульманскія династіи; всѣхъ числомъ было пять.

къ нимъ посольство, прося ихъ вторгнуться въ Харезмъ. Такъ началась ужасная для всего мусульманскаго міра катастрофа.

ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРІОДА МЕЖДОУСОБНАГО РАЗЛОЖЕНІЯ СЕЛЬДЖУКСКАГО ЦАРСТВА. (XII-й вѣкъ и начало XIII вѣка).

а) *Бѣглый общій очеркъ.*

Научная литература.

Вышеприведенный историко-политическій обзоръ событій показалъ намъ, что послѣ смерти Низâмоль-молька и Меликшâха и вплоть до монгольскаго нашествія Персія, распавшаяся на множество владѣній,— и самостоятельныхъ, и полусамостоятельныхъ, и сюзеренныхъ, и ленныхъ,— представляетъ собою сплошной театръ вооруженныхъ, военныхъ междоусобій. Для культуры и для науки это было, конечно, неблагопріятно. Развитіе науки значительно пріостановилось: съ легкой руки разочаровавшагося философа Газâлія (ум.1111) провозглашалось „крушеніе философовъ" (تهافت الفلاسفة) и оживленіе наукъ богословскихъ (إحياء علوم الدين); точная наука тоже ослабѣвала,- за исключеніемъ, развѣ, а с т р о н о м і и, безъ которой нельзя было бы заниматься астрологіей, и в р а ч е б н а г о и с к у с с т в а, всегда практически необходимаго. Разносторонній ученый схоластикъ и историкъ, Фахреддинъ Рейскій (1149-1209)*), сверхъ множества арабскихъ энциклопеди-

---

*) О Фахреддинѣ Рейскомъ см. уБроккельманна: „Gesch. der

ческихъ работъ, далъ и на персидскомъ языкѣ „С в о д ъ н а у к ъ". История.

Случайно даже исторія представляетъ у персовъ въ этотъ періодъ маловато замѣчательнаго, хотя, разумѣется, исторіографія можетъ успѣшно подвигаться и въ наиболѣе печальную пору. Такъ, выдающійся всеобщій арабскій историкъ ибнъ-аль-Асûръ жилъ подъ конецъ этой эпохи; онъ былъ арабъ и писалъ по-арабски; но по исторіи Персіи у него очень много главъ. Изъ числа историческихъ произведеній самихъ персовъ славнѣе другихъ тѣ историческія сочиненія, которыя писаны персами не по-персидски, а тоже по-арабски, какъ и трудъ ибнъ-аль-Асûра; сюда относятся крайне напыщенныя, риторико-историческія сочиненія Имâдеддûна Испаhâнскаго (1125-1201), бывшаго впрочемъ преимущественнымъ историкомъ извѣстнаго врага крестоносцевъ - Салâ[х]е[д]дûна, а о Персіи, о сельджукахъ, давшаго лишь одну книгу.

Прямо же на персидскомъ языкѣ написанъ въ эпоху разложенія сельджукскаго царства неизвѣстнымъ авторомъ всеобще-историческій „М о д ж м и л ь - э т - т е в â р î х в е л ь - к ы с е с" (= „Сводъ лѣтописей и разсказовъ"); составленъ онъ при Синджарѣ, въ 1126 году*). Не такъ еще давно онъ счи-

---

arab.Litt." I (1898), 508, **сноска.**

*) Далѣе я повторяю про „Моджмиль эт-тевâрîх" то самое, что уже говорилъ въ I части „Исторіи Персіи" (М. 1909, вып.1, стр. 5-6).

тался старѣйшей дошедшей до насъ исторіей изъ составленныхъ на персидскомъ, а не на арабскомъ языкѣ (не считая, конечно, персидскаго перевода исторіи Табаріевой X в.). Теперь однако, когда мы имѣемъ еще изъ XI вѣка сохранившуюся всеобщую исторію газнійца Гярдѣзія (ок. 1050)*), „Моджмиль-эт-тевâрîх" XII вѣка теряетъ, разумѣется, свою славу старѣйшей персидской исторіи. Однако для науки этотъ трудъ далеко не безполезенъ. Важенъ онъ не столько исторіей мусульманскихъ династій, которая (не исключая исторіи сельджуковъ и самого султана Синджара) изложена очень кратко, а важенъ главами объ Индіи**), о тюркахъ***), равно какъ главами о староперсидскихъ доисламскихъ государяхъ Ирана****). Въ послѣднемъ пунктѣ пособіемъ для неизвѣстнаго автора этой персидской всеобщей ис-

---

*) О Гярдѣзіи см. въ „Исторіи Персіи", ч.I, вып.1 (М.1909), стр. 3-4, и вып. 4-ый (М. 1909), стр. 209-210.

**) См. Reinaud: Fragments arabes et persans inédits relatifs à l'Inde (Пар. 1845), стр. 1-54. Это оттискъ изъ Journal Asiatique 1844, т.IV, стр. 131-184.

***) Отрывки издалъ В.Бартольдъ въ своей диссертаціи: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія" (СПБ. 1898 = = ч.I, стр. 19-20).

****) Извлеченія изъ „Моджмиля", относящіяся къ староперсидской исторіи, издалъ съ французскимъ переводомъ Ж.М о л ь въ „Journal Asiatique", 3-я серія, тт. XI и XII (=1841 г., февраль, стр. 136-178; мартъ, стр. 258-301; апрѣль, стр. 320-361) и т. XIV (= 1842); далѣе въ 4-ой серіи т.I (= 1843). Моль не включилъ въ свои извлеченія тѣхъ главъ, которыя раньше его въ „Journ.Asiat." изложилъ К а т р м е р ъ = 3-я серія, т.VII (1839, янв., стр. 5-31). Огла-

торіи служила, также, небольшая писанная по-арабски всеобщая „Исторія" Хамзы Испаханскаго (961 г.), у котораго былъ въ рукахъ арабскій, ибнъ-аль-Мокаффинъ, переводъ староиранской „Книги Владыкъ", сдѣланный, вѣроятно, персомъ Мусой Кисравіемъ (б.м. ок. 850 г.) и до насъ не дошедшій*).

Другое, тоже очень интересное явленіе изъ персидской исторіографіи XII вѣка - это тогдашній переводъ на персидскій языкъ (съ арабскаго) болѣе стараго труда Н е р ш â h й: „Исторія Бухары"**). Нершâhій написалъ свой трудъ по-арабски, а жилъ онъ еще въ сâмâнидскій періодъ (ум. 959) и преподнесъ свою „Исторію Бухары" саманидскому (бухарскому) государю Нӯху I ибнъ-Несру (943-954)***); арабская Нершâhіева „Исторія

вленіе „Моджмиля" см. у Моля въ т. XI (1841, февр.), стр. 143-144.

*) Извѣстно, что ибнъ-аль-Мокаффинымъ арабскимъ переводомъ староиранской „Книги Владыкъ" (Ходâй-нâме́) пользовался обширно Ṭа́барій (ум. 923) и сохранилъ намъ его довольно недурно въ своихъ огромныхъ дословныхъ эксцерптахъ. Въ сравненіи съ большими, обстоятельными главами Ṭа́баріа, тѣ - выразимся - крохотныя свѣдѣнія, которыя сохранилъ намъ Хамза Испаханскій, заимствовавшій ихъ не изъ ибнъ-аль Мокаффы, прямо миніатюрны. Однако для сличенія важны и они. (Книжку Хамзы издалъ съ латинскимъ переводомъ Готтвальдтъ, Лейпц. 1858). Въ этомъ отношеніи, т.е. ради цѣлей сличенія съ Ṭа́баріемъ, небезполезенъ и „Моджмиль эт-тевâріх". См. у меня въ „Исторіи Сасанидовъ", 2-е изд. (М. 1905), стр. 9 и 227.

**) Ниже я здѣсь повторяю про Нершâhй и персидскую изъ него передѣлку все то, что уже сказано въ первой части „Исторіи Персіи", вып. 1 (М. 1909), стр. 6-7.

***) Срв. въ „Исторіи Персіи", ч. I, вып. 4 (М. 1909), стр. 197-198.

Бухары" трактовала „о состояніи Бухары, о ея достоинствахъ, прелестяхъ, обо всемъ, что есть въ Бухарѣ и ея окрестностяхъ изъ удобствъ жизни и что вообще до нея относится", - словомъ, была чисто свѣтскаго характера, безъ религіозныхъ тенденцій, хотя при этомъ и приводились хадîсы о превосходствѣ города, вложенные въ уста Пророку Мохаммеду и его сподвижникамъ. Эта арабская книга Нершахія написана была „очень краснорѣчивымъ слогомъ", т.е. крайне вытіевато. И вотъ теперь, спустя полтораста слишнимъ лѣтъ, когда люди „большей частью не питали склонности къ чтенію арабскихъ книгъ", нашелся на родинѣ Нершаhîя персидскій писатель аль-Кубавій, который въ 1129 году перевелъ Нершаhîеву книгу, по просьбѣ своихъ друзей (т.е. безъ поднесенія царственному лицу или вельможѣ-меценату), на персидскій языкъ. Такъ какъ въ арабскомъ подлинникѣ были сообщенія, „чтеніе которыхъ возбуждаетъ скуку", то Кубавій при переводѣ сократилъ книгу, отчасти же дополнилъ новыми свѣдѣніями. На этомъ дѣло не кончилось. Еще лѣтъ 50 спустя (въ 1178 г.), одинъ бухарецъ сократилъ и персидское сокращеніе Кубавія, для поднесенія тогдашнему главѣ бухарскаго д у х о в е н с т в а, бывшему и правителемъ Бухары; а впослѣдствіи еще одинъ, неизвѣстный для насъ авторъ, приписалъ къ этой персидской передѣлкѣ труда Нершаhîя продолженіе, доведенное до времени монгольскаго вторженія. И въ такомъ видѣ Нершаhîева книга дошла до насъ*).

---

*) Русскій переводъ изданъ подъ редакціей проф. В.Бартольда:

Несравненно ценнѣе тѣ историческія персидскія произведенія этого періода (XII нач. XIII вв.), которыя касаются не общей исторіи, а спеціально и с т о р і и л и т е р а т у р ы Въ этой области мы имѣемъ два замѣчательныхъ произведенія „Четыре статьи" Низâмîя ʻАрŷзія Самаркандскаго, законч. ок. 1155 г., и „Сердцевину талантовъ" ʻОвфія (до 1236г.), т.е. сводъ біографій персидскихъ поэтовъ, старѣйшій дошедшій до насъ.

Низâмîй ʻАрŷзій Самаркандскій*) составлялъ свой историко-литературный сборникъ долго приблизительно между 1110-1155гг. и, для собиранія свѣдѣній, много поѣздилъ по разнымъ городамъ сѣверной Персіи. Напр. для свѣдѣній о Фирдовсіи онъ побывалъ въ родномъ городѣ поэта Тŷсѣ и посѣтилъ его могилу. Сборникъ озаглавленъ „Ч е һ â р - м е ḳ â л é" (= Четыре статьи); на самомъ же дѣлѣ тамъ статей много, а четыре — отдѣла. Объ историческомъ достоинствѣ сообщеній Низâмія ʻАрŷзія Самаркандскаго мы можемъ судить напримѣръ по тому, что его статья о Фир-

---

Мухаммедъ Наршахи, Исторія Бухары, перевелъ съ персидскаго Н.С.Лыкошинъ (Ташкентъ, 1897). - Краткая характеристика - въ „Туркестанѣ" В.Бартольда, стр. 15-16. Персидскій текстъ изданъ Шеферомъ (Пар. 1892).

*) Прозвище „ʻАрŷзій" عروضى значитъ „знатокъ просодіи". Этимъ прозвищемъ Низâмій Самаркандскій отличается у историковъ литературы отъ Низâмія Гянджи́нскаго, автора романтической „Пятерицы", о которомъ рѣчь будетъ ниже.

довсіи, какъ скоро была опубликована*), перевернула всѣ господствовавшія представленія о жизни этого поэта; да и вообще „Чеһâр мекâле" является, по оцѣнкѣ ея издателя и переводчика Эдв.Брауна „однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ прозаическихъ произведеній на персидскомъ языкѣ,— произведеніемъ, которое бросаетъ гораздо больше свѣта, чѣмъ всякая иная изъ извѣстныхъ книгъ, на внутреннюю жизнь персидскихъ и среднеазіатскихъ дворовъ въ XII вѣкѣ нашей эры" **).

Не менѣе цѣненъ и другой, чуть-чуть болѣе поздній, писатель того же рода, но ужъ спеціальнѣе біографическій — Мохаммедъ ʿО в ф і й, или, по другому выговору ʿАуфій عوفى (до 1236 г.). Онъ жилъ въ Индіи, въ Пенджабѣ, но много путешествовалъ; бывалъ и въ Бухарѣ, и въ Харезмѣ. У ʿОвфія -

---

*) На статью Низâмія ʿАрўзія Самаркандскаго о Фирдовсіи обратилъ впервые вниманіе Этé въ „Z.D.M.G." 1894, а затѣмъ ее проницательно использовалъ Нёльдеке 1895 и слѣд. См. у насъ въ „Исторіи Персіи", ч.I, вып. 4 (М.1909, стр.227.)

**) Edw. Browne: A literary history of Persia, т.II (1906), стр. 336; тамъ подобраны и біографическія свѣдѣнія о Низâміи-ʿАрўзіи (стр. 336-340). Полный персидскій текстъ „Чеһâр мекâле" былъ отлитографированъ сперва въ 1305 = = 1888 г. въ Техранѣ; Браунъ, отчасти на основаніи этого некритическаго изданія, отчасти на основаніи рукописей далъ свой англійскій переводъ „The four discourses" (1899, отт. изъ іюльской и октябрьской книги „Journ. of the R.Asiat. Soc." 1899), а въ прошломъ году выпустилъ критическое печатное изданіе персидскаго текста въ серіи „Gibb Memorial". У Мирзы Абдуллы Гаффарова въ печатающем-

два главныхъ труда: одинъ - литературный, другой - тѣснѣе историческій. Первый трудъ - старѣйшая антологія персидскихъ поэтовъ, какая дошла до насъ, съ ихъ біографіями на языкѣ персидскомъ, но подъ арабскимъ заглавіемъ: „Л о б â б а л ь- - а л ь б â б" = „Сердцевина талантовъ", что приблизительно значитъ „Квинтессенція талантовъ"*). Второй трудъ того же ʿОвфія, составленный ок. 1228 г., тоже антологія, но ужъ историческая: „Сборникъ анекдотовъ и собраніе блестящихъ разсказовъ" = „Д ж â м и ʿ о л ь - ḥ и к â й â т", (опять,по обычаю, заглавіе арабское), гдѣ кромѣ анекдотовъ есть глава историческая и географическая**). Сборникъ анекдотовъ ʿОвфія

ся I томѣ „Образцовъ персидской письменности" даны будутъ интересные отрывки изъ „Чеḥâр мекâле".

*) По рукописи, обзоръ содержанія „Лобâб аль-альбâб" давно уже былъ данъ N.Bland'омъ: „On the earliest Persian biography of poets by Muhammad ʿAufî" въ лондонскомъ „Journal of the Royal Asiatic Society", т.IX (1848), стр.112 и слѣд. Въ новѣйшее время трудъ ʿОвфія изданъ критически и полностью Эдв.Брауномъ: The Lubábu l'Albáb of Muhammad Awfí edited in the original persian by E.G.Browne, 2 тт., Лейденъ 1903-1907 (второй томъ вышелъ раньше перваго) въ серіи: Persian Historical Texts. Новѣйшій персидскій тезкиратный компиляторъ Ризâ-кулû-хâнъ въ своемъ сводѣ „Маджмаʿ оль-фосаҳâ" (Техранъ 1295 = 1878; 2 тт.) очень широко использовалъ ʿОвфія. Въ „Образцахъ персидской письменности" Мирзы Абдуллы Гаффарова, т.I (печатается) помѣщены будутъ отрывки и изъ ʿОвфія.

**) „Джâмиʿ оль-ḥикâйâт" ʿОвфія не издано. Объ этомъ сочиненіи см.статью В. Б а р т о л ь д а: „Новое мусульманское (= персидское) извѣстіе о русскихъ" въ „Запискахъ Восточ-

бываетъ иногда интересенъ не только для персидской исторіи, но и для другихъ областей. Даже для исторіи руссовъ можно тамъ уловить (какъ это сдѣлалъ В.Бартольдъ) очень небезынтересныя свѣдѣнія. ʿОвфій разсказываетъ, что, когда руссы приняли христіанство, они не успокоились на этой религіи: часть ихъ, черезъ посредство харезмскихъ (т.е. хивинскихъ) миссіонеровъ, приняли исламъ, и замѣчательно, - говоритъ ʿОвфій, -даже принявшіе исламъ руссы не перестали ѣсть свинину (и, конечно, пить вино) „Царь русскій носитъ титулъ بولادمير Бўладимîр, какъ туркестанскій царь носитъ титулъ хâкâнъ, а болгарскій — владавецъ بلطوار". Эти слова ʿОвфія — единственный случай, что у восточныхъ историковъ упоминается имя „Владимірь", и повидимому даже въ его русско-полногласной формѣ „Володимирь"*): у арабоязычныхъ писателей, изданныхъ Гаркави**), нѣтъ нигдѣ имени Владимірь. Указаніе ʿОвфія, что „владимірь" есть т и т у л ъ, а не личное имя, свидѣтельствуетъ, вѣроятно, что

наго Отдѣленія", т. IX (= 1895), стр. 262-267; суть этого извѣстія мы ниже излагаемъ. Дополнительныя замѣчанія о сборникѣ ʿОвфія см. у В.Бартольда въ его „Туркестанѣ" 1900, стр. 37; въ томѣ I (1898) изданы нѣкоторые отрывки историческаго характера.

*) Впрочемъ насчетъ полногласія сомнѣніе можетъ и вызываться. Возможно вѣдь, что форма „Бўлâдимîр" подсказана была восточному писателю смысловымъ пріуроченіемъ къ словамъ „бўлâд" (= сталь) и „демîр" (= желѣзо).

**) А. Гаркави: Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, Спб. 1870.

востокъ зналъ нѣсколькихъ русскихъ государей съ именемъ Владиміръ и пріучился считать это имя за титулъ, т.е. что востоку извѣстенъ бывалъ не только Владиміръ Святой, но, должно быть, и Владиміръ Мономахъ (который и въ русскихъ былинахъ смѣшивается съ Владиміромъ Святымъ), пожалуй, и Владимірко Галицкій.

О „Житіяхъ святыхъ" 'Аттâра (1119-1230) мы скажемъ ниже, въ рубрикѣ „Аскетическая литература".

Романтическая поэзія.

По отношенію къ поэзіи XII-ый вѣкъ часто называется вѣкомъ романтическаго эпоса, потому что тогда жилъ второй послѣ Фирдовсія великій эпическій поэтъ Персіи, шейхъ Низâмій Гянджійскій (1141--1203). Низâмій - авторъ замѣчательной „Пятерицы" поэтическихъ любовныхъ романовъ, которая вызвала и продолжаетъ вызывать на востокѣ у персовъ, турковъ и другихъ мусульманскихъ народовъ рядъ дальнѣйшихъ романтическихъ подражаній на тѣ же сюжеты, что обработаны Низâміемъ, и въ томъ же мечтательно-романтическомъ любовномъ духѣ. Ниже однако, послѣ знакомства съ біографіей Низâмія*), намъ придется увидѣть, что истинная основа его романтическихъ произведеній — не любовная и не свѣтская.

Впрочемъ, еще и до Низâмія, Ам'акъ Бухарскій

---

*) Біографіи Низâмія и переводамъ образцовъ изъ него отведена у насъ, ниже, особая глава.

(ум. 1149), придворный поэтъ одного изъ илекъ-хановъ, обработалъ любовный сюжетъ: „Юсифъ и Золейха", затронутый еще Фирдовсіемъ.

Положена была тогда же основа и прозаическимъ романамъ (сборникъ „Китâб-и Семекъ-Іяръ", около 1189 г.).

Панегирическое стихотворство, какъ характерная черта литературы XII-нач. XIII вв

Но несравненно болѣе, чѣмъ романтическимъ эпосомъ, персидская поэзія XII в. занималась темами хвалебными, и я скорѣе характеризовалъ бы этотъ періодъ, какъ панегирическій.

Спора нѣтъ, хвалебная поэзія имѣла солидныхъ представителей и до XII вѣка: Фирдовсій, напр., писалъ панегирикъ Махмӯду Газневидскому; преемниковъ Махмӯда Газневидскаго восхваляли Абуль-Фереджъ Рӯнî Лаhорскій и Месʿӯдъ ибнъ-Сеʿдъ ибнъ-Сельмâнъ (+ ок. 1121) (состояли при газневидскомъ султанѣ Ибраhимѣ, 1059-1099); Фехреддîнъ Горгâнî (ок. 1048) былъ самымъ раннимъ восхвалителемъ сельджуковъ. Но въ XII вѣкѣ, при дворахъ многочисленныхъ соперничающихъ государей (по происхожденію - преимущественно тупыхъ тюрковъ), этотъ льстивый родъ поэзіи нашелъ себѣ особенно благопріятную почву.

Чрезвычайно много стихотворцевъ-льстецовъ появилось у сельджукскаго великаго султана - Синджара (1118-1157) и у отложившагося отъ сельджуковъ харезмійскаго шаха Атсыза (1128-1156) Таковы, напр., у Синджара придворный

„царь поэтовъ" князь Мо'ызэй (погибъ въ 1147 г.), смѣнившій его знаменитый Энверй (ум. 1191) и другіе, а у харезмшаха - Эдйбъ-Сâбиръ (погибъ въ 1145 г.), его ученикъ Джовһерй (бухарскій золотыхъ дѣлъ мастеръ) и прочіе, - въ томъ числѣ Решйдъ Ветвâтъ (ум. 1182). Положеніе этихъ придворныхъ панегиристовъ бывало всегда чрезвычайно опаснымъ: высокій почетъ и „царство надъ поэтами" легко смѣнялись тяжкой опалою, и конецъ ихъ не разъ бывалъ даже трагическимъ. Синджаровъ „царь надъ поэтами", эмиръ-Мо'ызэй своимъ государемъ былъ застрѣленъ (1147), но это, положимъ, нечаянно*); у харезмшаха Атзыса его панегиристъ Эдйбъ Сâбиръ вызвалъ подозрѣніе, что онъ шпіонъ Синджара и что одна старуха перенесла въ подошвѣ башмака къ Синджару записку Эдйба о посланныхъ противъ него харезмскихъ убійцахъ, - за это Эдйбъ-Сâбиръ былъ по приказу Атсыза утопленъ въ Сыръ-Дарьѣ. Опасность грозила панегиристамъ и въ случаѣ побѣды одного властителя надъ другимъ. Харезмшахскій восхвалитель Ветвâтъ велъ стихотворную перестрѣлку съ Синджаровымъ восхвалителемъ Энверîемъ и, удачными стихами противъ интересовъ Синджара, вызвалъ у С. озлобленіе. По-

---

*) Образцы изъ творчества М о'ы з з і я имѣются (по догадкѣ) въ „Redekünste" Хаммера (1818), стр. 77-79, въ статьѣ о Мо'ыззіѣ; у Пицци: „Storia", т. I (1894), стр. 153-154, а самая статья о Мо'ыззіѣ въ I, 88-89; у Browne: „A liter. hist.", II (1906), стр. 327-330. У Эте въ „Grundriss"-ѣ свѣдѣнія о немъ въ т. II (1896), стр. 260-261. Поэзія Мо'ыззія - не только панегирическая, но и мистическая. Три его пѣсни изданы въ „Persische Grammatik" Залеманна и Жуковскаго (Берл. 1889), стр. 33-35.

томъ Ветвâтъ попалъ къ Синджару въ плѣнъ и съ великимъ трудомъ избѣгъ казни, не нарушивши притомъ вѣрности своему государю. Это впрочемъ ему не помѣшало вскорѣ подвергнуться временной опалѣ и у Атсыза. Другiе поэты-панегиристы, въ случаѣ побѣды одного государя надъ другимъ, просто мѣняли своего патрона. Такъ было дѣло при столкновенiи Синджара съ Газною. Въ Г а з н ѣ панегиризмъ тоже процвѣталъ. Газневидскаго шаха Беhрâма восхваляли стихи Хасана изъ Газны (ум. 1169), равно какъ его современника ʻАбдоль-Весîʻ Джебелî (ум. 1160). А когда Газну (1135) усмирялъ султанъ Синджаръ, хвалы перешли на побѣдителя *).

Наиболѣе извѣстный панегиристъ XII вѣка - это упомянутый восхвалитель султана Синджара (впрочемъ, и другихъ лицъ) Эвхеддйнъ Э н в е р î (ум.1191). У него - неисчерпаемый запасъ удачныхъ сравненiй, гиперболъ, образовъ и эпитетовъ, припасенныхъ и для Синджара и для другихъ владѣтельныхъ особъ. У него кромѣ одъ есть и элегiи. Патрiотическая элегiя его по случаю плѣна султана Синджара у гузовъ, извѣстная у орiенталистовъ подъ заглавiемъ „Слезы Хорасана", почти не напмщена **).

Его противникъ, упомянутый харезмшахскiй восхвалитель

---

*) Диванъ ʻАбдоль-Весîʻ Джебелîи отлитографированъ въ Лахорѣ 1862.

**) Энверîю ниже отводится особая глава, съ образцами.

„Летучая мышь" В е т в а̂ т ъ*), тоже очень знаменитъ, хотя далеко не однѣми одами, напыщенными, вычурными**). Решй̂дъ (или Решй̂деддй̂нъ) Ветва̂тъ (род. ок. 1095, если не раньше, ум. дряхлымъ 1182)***) былъ не только придворный харезмійскій панегиристъ (харезмшаха Атсыза, въ интересахъ котораго онъ, какъ сказано, состязался со сторонникомъ Синджара Энверіемъ), но былъ онъ и секретарь-дипломатъ (Атсызова сына, харезмшаха Иль-Арслана 1156-1172), составлявшій отъ имени своего государя письма къ другимъ государямъ (напр., сохранившееся къ багдадскому халифу, и пр.). Онъ же обработалъ „Сто изреченій четырехъ халифовъ", съ арабскаго; популярность пріобрѣли только „Сто изреченій 'Алія"****). Главная же извѣстность

---

*) Почему-то принято у историковъ персидской литературы переводить „Ветва̂т" черезъ „Ласточка". См. у Хаммера „Redekünste" (1818), стр.119; у Пицци: „Storia" I (1894), стр.94; у Эте́ въ „Grundriss" II (1896), стр. 259; у Эдв.Брауна: „A liter. hist." II (1906), стр. 330. Вѣроятно, они основываются на сбивчивомъ показаніи словаря Фрейтага. Но по-арабски „ватва̂т" وطواط слово слишкомъ обычное и значитъ „летучая мышь", „нетопырь". Поэтъ получилъ это прозвище за свой малый ростъ и невзрачность.

**) Оды Ветва̂та впрочемъ интересны — отсутствіемъ трафаретнаго выдуманнаго вступленія: онъ сразу, энергично, приступаетъ къ дѣлу, къ восхваленію. Образцомъ могутъ служить переведенныя у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр.120, или у Пицци: „Storia", I (1894), стр.155-156.

***) Броккельманнъ въ „Geschichte der arabischen Litteratur" I (1898), стр.275, относитъ кончину Ветва̂та къ 509=1115 г. На какомъ основаніи?!

****) Флейшеръ (Лейпц.1837) издалъ „Сто изреченій 'Алія" и

Ветвâта - въ томъ, что онъ же и установитель для „Ars poëtica": ему принадлежитъ авторитетное руководство по піитической реторикѣ и разсужденіе о теоріи поэзіи: „Сады волшебства" = „Хедâик-ос-сыхр"*), за которое иные оріенталисты (начиная съ Хаммера 1818, стр. 34 и 119) называютъ его персидскимъ Буало. Положимъ, эта піитическая реторика Ветвâта не оригинальна; полагаютъ, что онъ использовалъ такую же книгу своего предшественника Феррохія, современнаго Фирдовсію**), да были у Ветвâта и другіе предшественники. Но только, ихъ труды до насъ не дошли, а Ветвâтова обработка пріобрѣла широкую распространенность и авторитетность.

Третье выдающееся тогда имя среди панегиристовъ - Х â к â н і й (ум. въ 1199), „Пиндаръ востока", по выраженію Хаммера***). По степени извѣстности у потомства, онъ можетъ состязаться съ Энверіемъ. Хâкâній, сынъ плотника ширванскаго, былъ пѣвцомъ закавказскихъ шаховъ ш и р в а н с к и х ъ (вассаловъ азербейджанскаго атабекства), прославленныхъ также тестемъ Хâкâнія - Абуль-'Эля, поэтомъ Фелекîемъ и другими.

по-арабски, и по-персидски.

*) Издана „Ars poëtica" Ветвâта въ Tehrâнѣ 1272 = 1855; 1302 = 1885 при диванѣ Кâанй. Содержаніе ея по-англійски изложено у Эдв.Брауна, т.II (1906), 20 и слѣд.

**) Эте въ „Grundriss"-ѣ II, 225; Эдв. Браунъ II (1906), 20. О Феррохіѣ (ум.ок. 1037) см. у насъ въ „Исторіи Персіи" I, вып. 4 (1909), стр. 298-299.

***) „Redekünste" 1818, стр. 129.

Оды Хâкâнія, такъ нравящіяся Востоку, страдаютъ вычурностью больше даже, чѣмъ оды Энверія. Отъ вычурности сравнительно свободны его поэма „Тохфет-оль-Иракейн" (о пилигримскомъ путешествіи Хâкâнія въ Мекку и назадъ) и короткія эпиграммы въ видѣ четверостишій „робâ'ї" *).

Сюзерены ширваншаховъ, атабеки азербейджанскіе, которымъ тоже преподносилъ свои панегирики Хâкâній, больше восхвалены ученикомъ Хаканія Моджироддиномъ Бейлекâніемъ (ум. 1198), соперникомъ Хâкâнія Эсиромъ Эхсикетіемъ (ум. 1211) и - опять очень громкое имя - Зеhйромъ Фâрьябіемъ (род.ок. 1156, ум. 1201)**) Зеhйру Фâрьябію впослѣдствіи Са'дій ставилъ въ грѣхъ его чрезмѣрныя преувеличенія: тотъ превращаетъ восхваляемыхъ имъ государей почти въ боговъ, они у него надѣляются прямо сверхчеловѣческими качествами и силами. Стихотворенія Фâрьябія очень цѣнились персами, хотя достать диванъ лѣтъ триста спустя считалось уже дѣломъ не лег-

---

*) О Хâкâніи см. ниже отдѣльную статью, съ предпосланнымъ экскурсомъ о Ширванскомъ шахствѣ.

**) Соображенія о времени рожденія Зеhйра Фâрьябія см. у Эдв.Брауна: „A liter. hist.", т.II (1906), стр. 416. Въ главѣ, посвященной Зеhйру, Браунъ даетъ много переводовъ изъ него (II, 412 - 425) по рукописному дивану, хотя и Брауну извѣстно было литографированное изданіе дивана, сдѣланное Навалемъ Кашоромъ въ Лакно; также Калькутта 1245 = 1829; новѣйшее изданіе 1324 = 1909, Техранъ, шейха Ахмеда Ширазскаго (372 стр., при чемъ 6 стр. введенія). У стараго Хаммера въ „Redekünste" (1818) плохенькими нѣмецкими стихами переведены очень интересные образцы изъ

кимъ. Донынѣ бродитъ двустишіе:

دیوانِ ظهیرِ فاریابی
دَرْ کَعْبَه بِدُزْدْ اگْر بیابی

т.е. „Диванъ Зеhŷра Фâрьâбія уворуй даже въ Кабѣ, если най-дешь"*).

Испаhанскихъ правителей восхваляли Джемâледдйнъ и его,

Зеhŷра - Фâрьâбія, стр. 131-134, въ томъ числѣ очень извѣстная „Жемчужная касŷда". Она же, вмѣстѣ съ другимъ образцовымъ стихотвореніемъ, дана итальянскими стихами у Пицци: „Storia", т.I (1894), стр. 166-167. У Эте́ въ „Grundriss"-ѣ, II (1896), 269, отведено Зеhŷру лишь нѣсколько строкъ.

*) Браунъ (II, 412) тоже процитировавши этотъ стишокъ, затрудняется сказать что-либо о его происхожденіи. Но вѣдь это стихъ изъ довольно извѣстной сатиры противъ эклектика Джâмія ХУ в., который подражалъ почти всѣмъ классическимъ писателямъ Персіи (Фирдовсію, Низâмію, Энверію, Садію, Хâфизу и др.). По мнѣнію зложелателей, это было обкрадываніе; но подражаній Зеhŷру Фâрьâбскому, т.е. „обкрадыванія" его, у Джâмія еще не было. Злые языки насмѣшливо объясняли это тѣмъ, что рукописи дивана Зеhŷра Джâмій еще не успѣлъ раздобыть; и когда прошло извѣстіе, что Джâмій собирается ѣхать на богомолье, противъ него была пущена сатира съ упомянутымъ двустишіемъ. Сатира эта имѣется, напримѣръ, во введеніи къ техранскому изданію Зеhŷрова дивана 1324 = 1909 г , и такъ какъ издатель во введеніи вообще упоминаетъ „Маджмаʿ оль-фосахâ" Ризâ-кŷлй-хâна, то можно думать, что и стишки противъ Джâмія онъ взялъ оттуда же. Впрочемъ, мирза Абдулла Гаффаровъ сообщаетъ мнѣ, что стишки эти знаетъ почти каждый грамотный персъ, и что, напримѣръ, онъ лично усвоилъ ихъ еще съ дѣтства.

богатый воображеніемъ, сынъ Кямâледдúнъ (уб.монголами въ 1237 г.).

И т.д., и т.д.

Произведенія остроумія: басня; сатира; пасквиль; макâма.

Рука объ руку съ панегириками, обыкновенно у однихъ и тѣхъ же поэтовъ, шла и с а т и р а.

Надо помнить, что восточная сатира - это не та объективная сатира, чуждая личностей, которую мы видимъ, напримѣръ, въ баснѣ. Конечно, басня тоже на востокѣ имѣетъ успѣхъ,- и въ ту эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, мы можемъ указать, положимъ, такое явленіе, какъ новый персидскій переводъ „Калúлы и Димны" - Несроллâha, сдѣланный ок.1145 при газневидѣ Веhрâмѣ*). Но мы имѣемъ въ виду особую, пасквильно-ѣдкую сатиру, которую мы находимъ, напримѣръ, у вышеупомянутыхъ Эн-

---

*) Сильв. д е - С а с и: Notices et extraits, 1818, т.X; Р ь ё: Catalogue of persian mss. Британскаго музея,стр. 745-746; Э д в. Б р а у н ъ: A liter.hist.,II (1906), стр.349. Литографир. изд. Техранъ 1282=1865; 1304 = 1887; 1305 = 1888. Этотъ персидскій Наçраллâhовъ переводъ XII вѣка послужилъ основою для той стихотворной обработки, которая лѣтъ четыреста спустя сдѣлана была Вâизомъ Кâшифîемъ и озаглавлена „Энвâри Соhейлî" (= „Свѣточи созвѣздія Канопа"; см. о ней въ „Исторіи Персіи", ч.III, изд.1906, стр.28). А „Энвâр-и Соhейлî" получила широчайшую всемірную извѣстность, потому что была переведена на множество азіатскихъ и европейскихъ языковъ (см.таблицу ея распространенія у меня въ VIII выпускѣ „Трудовъ по востоковѣ-

верія и Хâкâнія: они - панегиристы, но они же при случаѣ и безпощадные пасквилянты, съ очень грязнымъ языкомъ.

У Сузенія же Самаркандскаго (ум. 1174) и многихъ трансоксіанцевъ (къ числу которыхъ относится авторъ „Аистовой касыды", ученикъ Сузенія Абу-Али Шетренджй самаркандецъ, Лâми бухарецъ и др.) мы встрѣчаемъ даже пародію и травестію. Цинизмъ, порнографія, не отсутствующія и у Энверія съ Хâкâніемъ - примѣняются тутъ ужъ безъ всякаго стѣсненія. У Сузенія безстыдство доходитъ до такихъ предѣловъ, что даже восточные историки литературы (ʻОвфій XII-XIII в., Довлетъ-шâhъ ХУ в.), которые вообще не боятся быть циничными, совѣстятся цитировать Сузенія. ʻОвфій впрочемъ прибавляетъ, что милосердный Господь авось помилуетъ Сузенія, потому что старый грѣшникъ передъ смертью покаялся и составилъ кое-какія покаянныя, нравственныя стихотворенія.

Къ произведеніямъ остроумія XII вѣка относятся также „Мäкâмâт-и Хäмîдî", т.е. персидскія „макâмы", числомъ 24, которыя составилъ кâдый Хамйд-ед-дйнъ Бельхскій (ум.1164) въ подражаніе извѣстнымъ арабскимъ макâмамъ Хамадâнія (ум.1008) и Харирія (ум. 1122)*). Кâдый Хамйдеддйнъ былъ пріятель Эн-

---

дѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ Инст.Вост.Яз.", стр.LXXVIII--LXXIX).

*) Изданы „Мäкâмâт-и Хäмîдî" въ Индіи не разъ: Каунпоръ 1268 = 1852; 1269 = 1853; Лакно 1879; есть и техранскія изданія. Обзоръ содержанія - у Рьё въ описаніи персидскихъ рукописей Британскаго музея, стр.747. Срв. у Этé въ „Grund-

верія, и тотъ высоко цѣнилъ стиль „Макâмат-и Хамîдî". Нѣкоторыя изъ нихъ составлены въ формѣ „монâзере", т.е. тенцонной*); такова 9-я макâма: „Сонннтъ и еретикъ", или 20-ая: „Врачъ и звѣздочетъ".

Пессимистическая и подвижническая литература XII-го ВѢКА.

Наряду со всей этой мірской тщетой и лестью с ў ф і и приглашали къ аскетическому отреченію отъ міра, къ пренебреженію вельможами и царями, къ мистическому соединенію съ пантеистическимъ божествомъ.

XII-ый вѣкъ далъ (если не считать вышеупомянутаго шейха Низâмія съ его умѣло замаскированной аллегорической романтикой) двухъ великихъ ўфійскихъ поэтовъ: шейха С е н â й (ок.1048-1141) и шейха Ф е р й д е д д й н а ʻА т т â р а (1119-1230)**). Первый изъ нихъ Сенâй, авторъ пантеистической поучительной поэмы: „Садъ истины" (1130) и мистическихъ лирическихъ произведеній, послужилъ неисчерпаемымъ источникомъ заимствованій для послѣдующихъ персидскихъ поэтовъ (между прочимъ и для Хафиза XV вѣка), но у широкой публики онъ менѣе популяренъ, чѣмъ тѣ поэты, которые изъ

---

riss"-ѣ II (1896), стр. 228, и у Эдв. Брауна: „A liter. hist." II (1906), стр. 346-349.

*) О жанрѣ „монâзере" срв. у насъ ч. I, вып. 4 (1909), стр. 204.

**) Про обоихъ - и про Сенâія, и про ʻАттâра - будетъ рѣчь ниже, въ особыхъ статьяхъ, посвященныхъ каждому.

него заимствовали многое; и знаменитый ʿАттâръ несравненно популярнѣе, чѣмъ Сенâй. Онъ этого, впрочемъ, заслуживаетъ и силою своего таланта.

ʿАттâръ былъ не только талантливъ, но и замѣчательно плодовитъ и писалъ до глубокой старости (а погибъ онъ, глубокимъ старикомъ, при нашествіи Джингизъ-хановыхъ монголовъ); писалъ онъ и высоко-художественныя мистическія поэмы (въ числѣ ихъ - „Бесѣду птицъ"), и прозаическіе трактаты. Чрезвычайно важны, а прежде были еще важнѣе его «Тезкирет оль-овлійâ» (تذكرة الاوليا) – антологическія „Житія святыхъ сӯфіевъ"; эти „Житія" остаются и до сихъ поръ существеннымъ пособіемъ для изученія исторіи суфійства, хотя въ послѣднее время европейскими учеными начинаютъ ужъ издаваться самые источники, которыми пользовался ʿАттâръ для своихъ „Житій"*). Такъ-какъ значительная часть святыхъ сӯфіевъ были вмѣстѣ съ тѣмъ писателями, то трудъ ʿАттâра имѣетъ значеніе и для исторіи литературы.

Въ ряду мистико-пессимистическихъ поэтовъ мы часто находимъ тѣхъ же, кто занимался панегириками и сатирами. Льстивые восхвалители, они въ минуты рефлексіи умѣли отдаться мистицизму и горькому пессимистическому вздыханію о суетѣ міра сего. Примѣры - извѣстные панегиристы Синджара: Моʿыззій

---

*) Такъ, напр., проф. Жуковскій издалъ старѣйшее Житіе Абу-Саʿйда Мейhенскаго (основателя дервишескаго монастыря въ Хорасанѣ), которое ʿАттâръ приводитъ въ видѣ выписокъ.

(уб. 1147) и смѣнившій его Энверій (ум.1191).

Общее заключеніе о литературѣ XII вѣка.

Слѣдовательно: съ одной стороны - интересы обстановки мелкихъ властелиновъ, губящихъ страну своимъ деспотизмомъ и усобицами, придворная лесть, раболѣпіе, соединенное съ ревнивой завистью и къ властелинамъ и къ соперникамъ, напускной поэтическій восторгъ передъ малѣйшими дѣяніями султановъ, князей и ихъ вельможъ, обращеніе музы „въ такую дѣвку, которую завсегда изнасильничать можно" (по энергическому выраженію Ломоносова касательно современной ему русской поэзіи); съ другой стороны - реакція всему этому, сознаніе всеобщаго разоренья, усталость и тоска отъ придворной и вообще свѣтской суеты, аскетическій „суфійскій" призывъ къ независимости и отреченію отъ міра,- вотъ два главныхъ теченія литературы XII вѣка. Сплошь да рядомъ оба эти теченія превосходно совмѣщаются въ одномъ и томъ же индивидуумѣ, который, такимъ образомъ, то громогласно и торжественно умиляется передъ малѣйшими подвигами или доблестями своего владыки, то лирически изливаетъ передъ собою свою душевную пустоту и стонетъ о бренности и ничтожествѣ всего земного.

Такъ же и эпосъ романтическій (которымъ тоже прославился XII вѣкъ), съ его, казалось бы, интересами любовными, т.е. свѣтскими, жизнерадостными, легко примыкаетъ - иногда къ суфійскому, аскетическому направленію, иногда же и къ панегиристическому.

Чтобы имѣть правильное впечатлѣніе отъ дальнѣйшаго хода исторіи персидской литературы, намъ нужно сперва остановиться на исторіи суфійства и въ закругленномъ, законченномъ очеркѣ выяснить это направленіе, которое впредь дѣлается уже господствующимъ,- дать сразу его полную исторію. чтобы ужъ впредь не останавливаться на частичныхъ ея моментахъ.

Кромѣ того, мы остановимся еще на нѣсколькихъ отдѣльныхъ поэтахъ XII вѣка: начавшемъ съ панегиризма патріархѣ суфійскихъ поэтовъ Сенâîѣ, отбросившемъ науку и перешедшемъ на панегирики Энверîѣ, ширванскомъ панегиристѣ Хâкâнîѣ*), ширванскомъ эпическомъ романтикѣ и, одновременно, суфійскомъ шейхѣ Низâмîѣ, наконецъ на ʿАттâрѣ, знаменующемъ переходъ къ монгольскому періоду и погибшемъ какъ разъ при нашествіи монголовъ.

б) СУФІЙСТВО. 1) ИСТОРІЯ ЕГО.

Неоднородность выработавшагося термина „суфійство". Аскетизмъ, мистицизмъ и пантеизмъ, какъ составныя, но не всѣ совмѣстно обязательныя, части его. Невѣрная картина своего происхожденія и своей начальной исторіи, начертанная историками-сӯфіями.

Сӯфійство, или суфизмъ (по-арабски „тасáввоф" = تَصَوُّف)— понятіе, имѣющее не всюду одинаковое содержаніе. Въ западно-исламскомъ мірѣ оно означаетъ обыкновенно лишь просто „ми-

---

*) Біографіи Хâкâнія будетъ предпосланъ экскурсъ о Ширванскомъ шахствѣ.

стицизмъ". Въ восточно- же - исламскомъ мірѣ (т.е. персидскомъ и персидско-индійскомъ) подъ суфійствомъ обыкновенно понимается пантеистическая теософія, чрезвычайно близкая и къ индійскому буддизму, и къ греческому неоплатонизму. И при этомъ суфизмъ не фигурируетъ какъ особая, противомусульманская секта. Напротивъ: сочетаясь обыкновенно со строгой аскетической внѣшностью, суфизмъ почти всегда мирно уживался съ мусульманской религіей, несмотря на свою —суфійскую—пантеистичность и рѣзкую ея — исламскую—деистичность. Больше того: суфизмъ пользовался даже почтеніемъ правовѣрныхъ тогда, когда ереси, гораздо менѣе опасныя для истинной чистоты ислама, терпѣли жестокое гоненіе. Во всѣхъ областяхъ духовной жизни цѣлаго мусульманскаго востока,- въ религіозной догматикѣ, философіи, этикѣ, литературѣ, поэзіи,- вездѣ суфизмъ произвелъ самое сильное вліяніе, а въ Персіи - онъ возобладалъ надъ всѣмъ.

Откуда же взялось суфійство? Какая его первоначальная исторія? Какъ оно сумѣло вкрасться въ исламъ и, являясь совершенно особой религіей, сумѣло добиться себѣ полныхъ правъ гражданства и даже переработать оффиціальный исламъ по своему?- На это отвѣтъ дается только европейской наукой, и первоначальная исторія суфійства, насколько она выяснена европейскими изслѣдователями, значительно отличается отъ той, которую намъ рисуютъ сами суфіи. У всѣхъ мистиковъ всѣхъ странъ и народовъ замѣчается обыкновенно наклонность согласовать свое ученіе съ общепринятой позитивной религіей

окружающаго ихъ общества; такъ и у ҫӯфіевъ есть стремленіе пріурочить свои идеи къ Ḳорâну. Потому они желаютъ какъ-нибудь придать мистико-пантеистическія тенденціи прежде всего самому основателю ислама Моẍаммеду и для этой цѣли пользуются поддѣльными преданіями (—обычай, свойственный всѣмъ мусульманамъ), равно какъ стараются истолковывать Ḳорâнъ аллегорически. Еще болѣе они навязываютъ такія тенденціи ʻА л і ю : ему они приписываютъ изреченія*), стихи**) и длинныя рѣчи въ суфійско-пантеистическомъ духѣ***), въ которыхъ развѣ очень и очень немногое можетъ принадлежать самому ʻАлію****).

---

*) Изреченія ʻАлія издалъ и перевелъ Г.Флейшеръ, Лейпц. 1837. Старое эльзевирское изданіе, Лейденъ 1629.

**) Старое изданіе такихъ якобы ʻАліевыхъ стиховъ (ديوان) съ латинскимъ переводомъ Кайперса - Лейд. 1745. Новыя изданія „Дîвâна" - Бӯлâḳъ 1251 = 1835; Каиръ 1276 = 1859, 1311 = 1894; Бомбей 1883; и др.

***) Есть печатное изданіе этихъ мнимо-ʻАліевыхъ рѣчей: „Неhж оль-балâге" (= Пути велерѣчія), Бейрутъ 1885; 4 тт. комментированное изданіе - Каиръ 1327 = 1910 и слѣд. Съ рукописи ХУIII столѣтія, которая порядочно отличается отъ печатнаго изданія, сдѣланъ русскій переводъ болѣе интересныхъ главъ Г.А.Муркосомъ въ „Юбилейномъ сборникѣ въ честь В.Ѳ.Миллера" (М. 1900 = Труды Этногр. Отдѣла, т.ХIУ), стр. 240-253.

****) См. И.Гольдціэръ: Abhandlungen zur arabischen Philologie, т.I (Лейд. 1896), стр. 126; Transactions of the IX-th congress of orientalists, II, 115 (Лонд. 1893); Journal Asiatique 1849 (4-я серія), т.13, стр.7. По

Вотъ, положимъ, отрывки изъ такихъ, очевидно, не-'Аліевыхъ рѣчей*) съ достаточно выразительнымъ пантеистическимъ настроеніемъ:

„Богъ непостижимъ, неопредѣлимъ, неописуемъ; нельзя приписать Ему никакого свойства, ибо любое свойство есть уже нѣчто такое, что мыслится отдѣльно отъ того, къ чему оно прилагается; приписывать Богу свойства значило бы отступать отъ единобожія.... Даже когда говорится, что Богъ дѣйствуетъ, то Его дѣйствованіе нельзя разумѣть въ смыслѣ движенія.... Богъ существуетъ, но не потому, чтобы появился; Богъ есть налицо, но не потому, чтобы Его раньше не было. Онъ - существо единое, которому ничье присутствіе не можетъ доставить прибыли, и ничье отсутствіе не можетъ причинить убыли.... Въ Немъ нѣтъ преемственности состояній такъ, чтобы Онъ былъ первымъ, не будучи послѣднимъ, или чтобы Онъ былъ внутреннимъ, не будучи наружнымъ... Онъ не пребываетъ въ своихъ твореніяхъ такъ, чтобы можно было сказать, что Онъ въ нихъ существуетъ, и не отдѣляется отъ нихъ такъ, чтобы можно было сказать, что Онъ отдаленъ отъ нихъ.... Богъ сотворилъ міръ безъ размышленія, безъ попытокъ, безъ движенія и безъ душевныхъ волненій....."

А вотъ мнимая 'Аліева рѣчь объ аскетическихъ задачахъ человѣка въ этомъ мірѣ:

„О, почитатели Бога! Любимѣйшій Богу изъ всѣхъ есть тотъ, которому Богъ помогаетъ въ борьбѣ противъ себя самого (противъ своихъ страстей): такой человѣкъ облекается печалью и страхомъ, а въ сердцѣ его свѣ-

---

всему вѣроятію, авторъ поддѣлокъ - потомокъ 'Алія, шерифъ Мортадâ, или Мортезá (مرتضى) (ум. въ Багдадѣ 1044), о которомъ см. у Брокельманна въ „Geschichte der arabischen Litteratur", т. I (1898), стр. 405-406.

*) Привожу, со своими поправками, извлеченія изъ перевода Г. А. Муркоса, хотя его переводъ - скорѣе пересказъ, чѣмъ буквальный переводъ.

тить огонь истины. Онъ запасается необходимымъ запасомъ для своего дня (для жизни), а потому считаетъ далекое - близкимъ, и трудное - нетяжелымъ, наслаждается питіемъ чистой и вкусной воды изъ обильнаго для него источника и ходитъ по прямому пути. Онъ снимаетъ съ себя покровы страстей, отрѣшается отъ заботъ, исключая одной, (т.е. заботы о своемъ спасеніи), вслѣдствіе чего не ослѣпляется и не вступаетъ въ общество людей, преданныхъ страстямъ. Онъ отпираетъ двери истины и запираетъ двери нечестія (буквально: становится ключемъ для дверей истины и замкомъ для дверей нечестія), видитъ и знаетъ свой путь и по нему ходитъ, знаетъ, что ему полезно и что вредно. Онъ держится какъ бы самою прочною нитью и опирается какъ бы на солнечномъ свѣтѣ вѣры. Посвящая себя Богу, онъ правильно судитъ о каждой вещи, зная ея происхожденіе и конецъ. Это - свѣтильникъ во мракѣ, ключъ для разрѣшенія недоумѣній, для предотвращенія опасностей и для наставленія на прямой путь. Онъ говоритъ толково, любитъ молчать, и молчаніе обратится ему во благо. Вѣруетъ въ Бога искренно и ведетъ себя передъ Нимъ такъ, что становится какъ бы рудникомъ Его земли. Онъ предается справедливости и первымъ дѣломъ считаетъ отрѣшеніе отъ страстей; рекомендуя правду, онъ самъ первый творитъ ее. Онъ всячески старается дѣлать добро и всѣми средствами стремится къ нему. Онъ во всемъ слѣдуетъ писанію, принимая оное за наставника, имама и спутника".

А понимать „писаніе", т.е. Коранъ, каждый легко вѣдь можетъ по своему.

Если суфіи не конфузятся приписывать тонкія пантеистическія и упадочно-аскетическія идеи 'Алію, бывшему, какъ мы знаемъ изъ подлинной исторіи, совсѣмъ еще первобытнымъ варваромъ, то не удивительно, что и прочимъ, ужъ и болѣе культурнымъ, почтеннымъ или святымъ мусульманамъ I вѣка хиджры они стараются приписать такія идеи, какія выработались въ

самомъ даже суфизмѣ попозже.

Но все это, всѣ эти поддѣлки, совершаются суфійскими историками съ видомъ такой авторитетности, съ такою якобы научною цѣлью изнадныхъ ссылокъ, что даже нѣкоторые европейскіе историки вдавались въ обманъ. Такъ, изъ болѣе извѣстныхъ европейскихъ изслѣдователей принималъ на вѣру эти суфійскія показанія ученый первой четверти 19-го столѣтія Толукъ*). Трудами послѣдующихъ оріенталистовъ выяснено, что терминъ „суфійство", возникшій болѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ Мохаммеда, первоначально былъ приложенъ не къ мистицизму и не къ пантеизму, а просто къ аскетизму (зоhд زُهْد).

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ СУФІЙСТВА НА СТАРО-АРАБСКОЙ И ХРИСТІАНСКО-СИРІЙСКОЙ ПОЧВѢ: Аскетизмъ у доисламскихъ и начально-халифатскихъ арабовъ, какъ результатъ вліянія христіанъ. Хасанъ Басрійскій (642-728) и его школа. Первый монастырь мусульманскихъ подвижниковъ въ Сиріи (ок. 750) и появленіе термина „суфій". Сочетаніе, у нѣкоторыхъ мусульманъ-аскетовъ, аскетизма съ мистицизмомъ; возможность здѣсь христіанскаго вліянія; Рâбіʿа (ум. 753). Отчасти не отъ христіанъ ли Сиріи I вѣка хиджры идутъ начатки и суфійскаго пантеизма?

Аскетизмъ, подъ христіанскимъ и отчасти еврейскимъ (эссейскимъ) вліяніемъ, извѣстенъ былъ среди арабовъ еще до Мохаммеда.

Въ самой Аравіи аскетизмъ практиковался сектой ханй-

---

*) Fr. Aug. Tholuck: а) Ssufismus sive theosophia Persarum pantheistica (Берл. 1821) и б) Blüthensammlung aus der morgenländischen Mystik (Берлинъ 1825).

фовъ. А кромѣ того многимъ, даже совсѣмъ прозаическимъ арабамъ приходилось присматриваться къ знаменитому христіанскому подвижничеству Синайскаго полуострова, когда они отправлялись съ караванами изъ Хиджâза въ Сирію и Египетъ. Не разъ арабскіе караваны останавливались и на привалъ возлѣ пещеры какого-нибудь христіанскаго анахорета, гдѣ была по близости вода, и пользовались его услугами. Вступая съ такимъ подвижникомъ въ разговоръ или просто издали глядя на рядъ обителей, усѣивавшихъ Синайскій полуостровъ, конечно, и наиболѣе безпечный бедуинъ долженъ бывалъ хоть на минуту задуматься, къ чему мучатъ себя и измождаютъ свою плоть эти люди. А какъ подвизались эти люди, мы хорошо знаемъ изъ Синайскаго Патерика:

„Авва Силуанъ, если вынужденъ бывалъ выйти изъ кельи, всегда закрывалъ лице свое кукулемъ и говорилъ: Зачѣмъ мнѣ смотрѣть на этотъ временный свѣтъ, отъ котораго нѣтъ мнѣ никакой пользы? (гл. III, N.32).

„Старецъ, увидя одного смѣющагося, сказалъ ему: Передъ небомъ и землею мы должны отдать Богу отчетъ во всей своей жизни,- и ты смѣешься! (III, 40).

„Старецъ сказалъ: Какъ тѣнь свою мы вездѣ съ собою носимъ, такъ мы должны плакать и имѣть въ себѣ сокрушеніе, гдѣ бы ни находились. (III,41)*).

---

*) Замѣчу при случаѣ, что самое слово „монахъ" (срв. арабскій корень ناح = نوح) означаетъ по-сирски „плачущій", „сѣтующій". См. „Творенія аввы Исаака Сиріянина"(= аскета второй половины VII в.)", Сергіевъ Посадъ, 1893, стр. 104-105. Производство этого слова отъ греческаго μόνος, какъ оно ни общепринято, я считаю совершенно невозможнымъ.

„Однажды авва Ахила пришелъ въ келью аввы Исаіи, въ скиту, и засталъ, что онъ что-то ѣстъ. Онъ клалъ на блюдце соль, растворяя ее водою; но, увидя старца, онъ спряталъ блюдце. Старецъ, замѣтивъ, что онъ спряталъ блюдце за корзину, говоритъ ему: Скажи мнѣ, что ты ѣлъ?- Прости мнѣ, авва!- отвѣчалъ Исаія: - рѣзалъ я вѣтви, чтобы плесть корзину, и почувствовалъ жажду; взялъ я въ ротъ кусокъ съ солью, но горло мое засохло отъ жажды, и кусокъ не прошелъ. Потому я принужденъ былъ влить въ соль немного воды, чтобы такимъ образомъ можно было мнѣ вкусить. Но прости мнѣ.... - Тогда старецъ сказалъ: Пойдите, посмотрите, какъ Исаія ѣстъ похлебку въ скиту. Если хочешь ѣсть похлебку, то ступай въ Египетъ (IУ,10).

„Авва Даніилъ говорилъ про авву Арсенія, что онъ проводилъ всю ночь во бдѣніи. Когда же къ утру, по естественному закону, преодолѣвалъ его сонъ, то авва говорилъ сну: „Иди, злой рабъ!" - и, вздремнувши сидя, тотчасъ вставалъ (IУ, 2).

„Авва Арсеній говорилъ, что монаху, если онъ подвижникъ, довольно уснуть одинъ часъ (IУ, 3).

„Про авву Эвладія передаютъ, что онъ двадцать лѣтъ провелъ въ Келліяхъ - и ни разу не поднялъ глазъ своихъ вверхъ, чтобы посмотрѣть даже на кровлю церковную (IУ, 16).

„Когда аввѣ Макарію случалось быть съ братіею, онъ полагалъ себѣ за правило: если будетъ вино, выпей для братіи; но за одинъ стаканъ вина (ποτηρίον) не пей цѣлый день воды. Поэтому, когда братія для успокоенія давала ему вина, старецъ съ радостью принималъ вино, чтобы мучить себя. Но ученикъ его, зная дѣло, говорилъ братіи: Ради Господа не давайте ему, иначе онъ будетъ мучить себя въ кельѣ (IУ, 29)................"

Такъ какъ въ Аравіи у ханифовъ практиковался аскетизмъ, то и самъ Мохаммедъ, по ханифскому обычаю, предавался подвижничеству на горѣ Хырâ подъ Меккою, и, какъ извѣстно, первое свое видѣніе, призвавшее его къ пророческой дѣятельности, Мо-

хаммедъ имѣлъ именно послѣ аскетическихъ подвиговъ. Но это было еще до выступленія его въ качествѣ проповѣдника.

Потомъ Пророкъ формально запретилъ подвижничество: «لا رهبانية في الإسلام»*).

Однако въ Коранѣ оказалось такъ много пессимизма и страха передъ грознымъ, карающимъ Богомъ, что аскетизмъ не могъ быть убитъ этимъ запрещеніемъ. При этомъ много содѣйствовалъ развитію монашескихъ наклонностей среди горячихъ почитателей Корана постоянный, живой примѣръ христіанъ-сирійцевъ: въ одной ихъ области (въ самой Сиріи) халифы-Омейяды утвердили свою столицу, въ другой области (нижней Месопотаміи и сосѣдней части Персіи) арабы основали свои важные города; умственному вліянію сиріянъ арабы I-го вѣка хиджры поддавались въ самой сильной степени. Въ Сиріи (точнѣе Палестинѣ) выдѣлялся подвижниками, напримѣръ, монастырь св.Савы, гдѣ, разумѣется, всѣ знали „Лѣствицу" недавно еще скончавшагося (б.м. въ 606 году) святого Іоанна Лѣствичника Синайскаго, съ ея постепенными стадіями умерщвленія своего „я" и приближенія къ Богу; въ Месопотаміи во второй половинѣ VII вѣка, при Омейядахъ, подвизался въ числѣ прочихъ св.Исаакъ Ниневійскій, творенія котораго, съ ихъ теоріею степеней божественнаго познанія, чрезвычайно похожи на суфійскія, и подвижничество котораго было замѣчательно. Примѣръ славныхъ христіанскихъ подвижниковъ,

---

*) A. Sprenger: Das Leben und die Lehre des Mohammad, т.I, 389; Alfr. von Kremer: Geschichte der herrschenden Ideen des Islams (1868), стр. 101.

презрѣвшихъ міpcкую суету и заключившихся въ себѣ самихъ, былъ особенно заразителенъ не для индифферентной арабско-бедуинской массы омейядскаго халифата, но для мохаммеданъ искренно-вѣрующихъ, потому что, если безпрестанныя междоусобныя войны и волненія омейядскаго періода давали к а ж д о м у непосредственно почувствовать всю бренность и непрочность земныхъ благъ, то жестокія гоненія, которымъ подвергались со стороны скептиковъ-омейядовъ и с т и н н ы е мусульмане, прямо заставляли послѣднихъ закалиться самоотреченіемъ для борьбы съ житейскими невзгодами.

Въ теченіи I в. хижры проявленіе мусульманскаго подвижничества носило болѣе или менѣе спорадическій характеръ: аскетизму, случайнымъ образомъ, предавались отдѣльные праведники,—иногда, пожалуй, соединяясь даже въ небольшую общину*). Дѣйствительнымъ же основателемъ исламскаго монашества считается современникъ упомянутаго великаго сирскаго христіанскаго аскета Исаака Ниневійскаго**) богобоязненный Х а́ с а н ъ Б а ç р і й с к і й (род. 642, ум. 728)***),

---

*) По крайней мѣрѣ кажется, что такая община устроилась подъ руководствомъ Овейса Карнй еще въ 659 г.

**) Объ аввѣ Исаакѣ Ниневійскомъ и времени его жизни см. у меня въ „Очеркѣ сирской литературы", помѣщенномъ во II части „Семитскихъ языковъ и народовъ" (М.1910), стр.192.

***) О Хáсанѣ Баçрійскомъ см. у меня подробнѣе въ „Исторіи арабовъ", ч.II; тамъ же въ части I-ой (1912), стр. 142.

возлѣ котораго сгруппировалась цѣлая школа ревностныхъ „правовѣрныхъ". Среди нихъ было въ большомъ ходу сообщенное пріятелемъ Мохаммеда Абу-Хорейрою изреченіе Мохаммеда: „Если бы вы вѣдали то, что вѣдаю я, вы бы разучились смѣяться и много бы плакали"; - „Кто читаетъ Коранъ и вѣритъ въ него", говорилъ Хасанъ, „тотъ всегда будетъ полонъ страха въ этомъ мірѣ и часто будетъ плакать".- „Когда Хасанъ идетъ,- разсказывалъ одинъ очевидецъ,- то онъ имѣетъ такой видъ, будто только-что вышелъ изъ глубины могилы; когда онъ присядетъ, то такъ и кажется, что онъ ждетъ удара мечемъ по шеѣ; когда попроситъ огня, то глядитъ съ такимъ видомъ, какъ будто самъ онъ только и созданъ, что для огня". Со временъ Хасана Басрійскаго исламскій аскетизмъ теряетъ характеръ случайности, онъ съ тѣхъ поръ можетъ считаться за явленіе уже прочно установившееся, обоснованное на почвѣ мусульманскаго вѣроученія и умѣло-приноровленное къ предписаніямъ Корана, съ пессимизмомъ котораго онъ находился-таки и въ дѣйствительной связи.

Число подвижниковъ сравнительно быстро возрастаетъ; живутъ они преимущественно въ Іерусалимѣ и Дамаскѣ,- и вотъ лѣтъ черезъ 20 послѣ смерти Хасана, ок. половины VIII в., у нихъ возникаетъ въ Сиріи*) свой первый монастырь. Есть свѣдѣніе**), что этотъ монастырь былъ выстроенъ на сред-

---

*) Въ Дамаскѣ, а по другимъ свѣдѣніямъ - въ Рамлѣ, т.е. въ Палестинѣ.

**) Правда, довольно позднее: у Джамія, который, впрочемъ, могъ его заимствовать изъ стараго источника.

ства одного эмира-христіанина, заинтересовавшагося случайно, на охотѣ, бесѣдою съ двумя встрѣчными мусульманскими подвижниками. Приблизительно тогда же появляется и имя صوفى „ç ӯ ф і й". Вѣдь названіе, которымъ обозначался до сихъ поръ аскетъ у арабовъ, было زاهد „зâhидъ" (= воздержный), а теперь, около половины VIII в., для этого создается еще новый, только что названный терминъ „çӯфій"; буквально это значитъ „шерстяной", „сермяжникъ", т.е. „облеченный во власяницу или власяное рубище" (впослѣдствіи по-персидски это слово такъ и переводится: پشمينه или پشمينه پوش); аналогичный эпитетъ для подвижниковъ давно уже существовалъ у сирійскихъ христіанъ*). Рубище (خِرْقَة х ы р ḳ ä) играетъ у çӯфіевъ символическую роль древнееврейской пророческой милоти. Однако, хотя, по преданію, рубище носилъ еще Х̣асанъ Басрійскій**), и хотя одежда изъ грубой шерсти („çӯф")

---

*) Арамейское (искаженное): „Барадей", прозвище Іакова, давшаго начало іаковитскому толку монофизитовъ (ум.578), значитъ въ переводѣ почти то же, что и арабское „çӯфій". Собственно онъ назывался по-сирски „Бурдеáна" потому, что его одежда состояла изъ „барда'ты", или грубаго сермяжнаго плаща, которой онъ никогда не снималъ до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не истрепывалась въ лохмотья (Land: Anecdota Syriaca, II, 375).

**) Газâлій сообщаетъ, что Х̣асанъ съ восторгомъ говорилъ о прежнихъ подвижникахъ, которые лѣтъ по 50-60 не снимали съ себя платья. См. Их̣йâ, т.III, стр.23 и т.IУ, стр. 274 (по изд. 1279 г.). Помнится, что онъ имѣлъ въ виду и ветхозавѣтныхъ, и христіанскихъ подвижниковъ. Къ

считалась одной изъ типичныхъ принадлежностей подвижничества во времена халифа Омара II (717-720)*), тѣмъ не менѣе почему-то лишь Абу-Хâшимъ Куфійскій (ум. въ 767 или 771 г.), человѣкъ, въ сущности совсѣмъ мало выдающійся въ исторіи развитія суфійства, впервые получилъ прозвище „çӯфій". Точный смыслъ, который придавался этому термину въ моментъ его возникновенія, былъ такой: çӯфій - это есть строго-правовѣрный мусульманинъ, „вѣрнѣйшій блюститель сунны"**), умерщвляющій изъ набожности свою плоть; иными словами, по этому опредѣленію, çӯфій - это правовѣрный мусульманскій монахъ.

Однако почти одновременно съ возникновеніемъ этого термина начинаетъ вкрадываться въ суфійство новый чуждый элементъ: у нѣкоторыхъ çӯфіевъ присоединяется къ аскетизму еще и м и с т и ц и з м ъ, экстатическое единеніе съ Бо-

---

къ сожалѣнію, не имѣю времени быстро провѣрить свою прежнюю ссылку, потому что тотъ экземпляръ Ғазâліева „Ихйâ" (изд. 1312 г.), который есть сейчасъ въ библіотекѣ нашего Института, имѣетъ другую пагинацію.- Утвержденіе же çӯфіевъ, что первую суфійскую хырку носилъ ʿАлій, что она потомъ перешла къ Хасану Баçрійскому, а потомъ къ Джонейду,- не заслуживаетъ вниманія.

*) Срв. въ „Табаķâтахъ" ибнъ-Саʿда (ум. 840), т.У, стр. 225: 4 про аскета Зійâда ибнъ-Абӣ-Зійâда. Также см. у Гольдціэра: „Vorlesungen" (1910), стр.152.

**) Таково выраженіе о первыхъ çӯфіяхъ у имâма Ķошейрія, написавшаго трактатъ („рисâле") о суфизмѣ въ 1045 году. О Ķошейріи и о его „Рисâле" мы еще сдѣлаемъ отмѣтку ниже.

гомъ. Введеніе мистическаго элемента можно приписать отчасти вліянію того же сирійскаго христіанства, которое содѣйствовало своимъ примѣромъ возникновенію аскетизма въ исламѣ. У христіанскихъ аскетовъ истязаніе своей плоти служило, вѣдь, сплошь да рядомъ, лишь средствомъ для впаденія въ экстазъ (наитіе, изступленіе), въ состояніи котораго человѣкъ получаетъ отъ Бога непосредственное „вѣдѣніе",; вѣдѣніе это достигалось извѣстными, постепенными „стадіями"*). Да и помимо христіанскаго воздѣйствія, появленіе мистицизма у мусульманскихъ подвижниковъ можетъ быть приписано даже просто тому обстоятельству, что ç̣уфійскій аскетизмъ былъ усвоенъ не только мужчинами, но и женщинами, которыя, вмѣсто ужаса передъ Богомъ, внесли въ суфійство необходимѣйшій элементъ мистицизма - любовь. Первымъ своимъ мистикомъ суфіи называютъ современницу Ḫа́сана Баç̣рійскаго الرابعة Р â б і ю (ум. въ 753 г.), по словамъ которой „любовный пылъ къ Богу сожигаетъ сердце". Рâбіʿа подвизалась вмѣстѣ съ другими женщинами-мистиками въ Іерусалимѣ; ей приписываютъ много любовныхъ стиховъ, обращенныхъ къ Божеству, и въ томъ числѣ одно,

---

*) Срв., напр., въ писаніяхъ вышеупоминавшагося (стр. 46) св. Исаака Сиріянина (второй половины УII вѣка), его „Слова́" о трехъ степеняхъ „вѣдѣнія", съ начертаніемъ подробной программы мистическаго „пути", по которому можно дойти и до высшаго „вѣдѣнія". См. „Творенія аввы Исаака Сиріянина. Слова подвижническія" Сергіевъ Посадъ, 1893, стр.124-139 (= Слова́ 25-ое по 29-ое). Общеизвѣстны ступени тоже упомянутой „Лѣствицы" Іоанна Синайскаго („Лѣствичника").

гдѣ крайне рѣзко выражено сочетаніе религіозной эротики съ половою:

„Я Т е б я сдѣлала въ своемъ сердцѣ собесѣдникомъ,
„А тѣло свое предоставила тому, кто желаетъ быть со мною.
„Такимъ образомъ тѣло мое находится съ моимъ товарищемъ.
„А Другъ моего сердца - въ моемъ сердцѣ."*)

Слѣдующей стадіей развитія суфизма былъ бы п а н т е и з м ъ. Мерксъ**) думаетъ, что и пантеизмъ возникъ у мусульманъ на христіанско-сирійской почвѣ. Сирія еще въ языческую эпоху любила александрійскій неоплатонизмъ, съ его ученіемъ о Единомъ первоначалѣ, объ эманаціи міра изъ Божества, пред- и послѣ-существованіи душъ, экстатическомъ созерцаніи Первоначала, какъ средствѣ для возсоединенія съ Нимъ; самый періодъ исторіи неоплатонизма съ IV вѣка извѣстенъ подъ названіемъ сирійскаго. Потомъ, съ VI вѣка по Р.Х., неоплатоническія произведенія сирійца Стефана баръ-Судайлй (510) ***), подъ авторитетнымъ для христіанъ име-

---

*) Ибнъ-Халликâнъ, т.I (Бýлâкъ 1310 = 1893), стр. 182 = Вюстенф. N.230 = англ. Слэнъ I, 516.

**) A.Merx: Idee und Grundlinien einer allgemeinen Geschichte der Mystik (Хейдельбергъ 1893), стр.18 и слѣд.

***) См. Фрозингамъ (Frothingam): Stephen bar Sudaili. Лейденъ 1886. Стефанъ жилъ сперва въ Эдессѣ, но когда противъ монофизитовъ было воздвигнуто правительственное гоненіе, онъ, по вѣроисповѣданію монофизитъ, тоже подвергся изгнанію и переселился въ Палестину.

немъ писаній св.Діонисія Ареопагита (точнѣе - его учителя Іероѳея), ревностно изучались и комментировались христіанами въ Скиѳополѣ Палестинскомъ, такъ что неоплатоническія идеи, хоть бы и подъ христіанской окраской, могли сдѣлаться извѣстными для мусульманъ даже въ I вѣкѣ хижры. Да и самое имя „ç̂уфй" Мерксъ*) производить изъ греч. σοφοί, хотя это филологически недопустимо**). Близокъ къ воззрѣнію Меркса Р.Никольсонъ (издатель „Житій Святыхъ" ʻАттâра) и его учитель Эдв.Браунъ***); только, они вліяніе александрійскаго неоплатонизма на суфизмъ выводятъ изъ самой же Александріи, т.е. прямо изъ Египта, и философское формулированіе суфійства приписываютъ египетскому ç̂уфію Зӯ-н-нӯну (ум. 859)****), къ которому намъ еще придется вернуться не разъ.

Но гораздо основательнѣе, между прочимъ и по хронологическимъ соображеніямъ, доводы тѣхъ изслѣдователей, которые*****) пантеистическую стадію развитія суфизма приписываютъ уже персамъ.

---

*) какъ и прежде него Хаммеръ въ своей Geschichte der schönen Redekünste Persiens (1818), стр. 364.

**) См. Нёльдеке въ Zeitschr. d. Deutsch.Morg.Gesch., 1894, т.48, стр. 45-48.

***) Edw.Browne: A liter. history of Persia, т.II (1906), стр. 521.

****) О Зу-н-нӯнѣ см.у Броккельмана: Gesch.der arab.Litter., I (1898), стр.198-199.

*****) Къ нимъ относятся Сильв.де-Саси, Дози, Кремеръ и др.

РАЗВИТІЕ СУФІЙСТВА ОТЪ АББАСИДОВЪ ДО ЭПОХИ СЕЛЬДЖУКОВЪ ПРИ ВОЗДѢЙСТВІИ ИНДОПЕРСИДСКИХЪ ИДЕЙ: Пантеизмъ въ суфійствѣ есть, въ общемъ, явленіе болѣе позднее, проникшее въ него въ VIII–IX в. подъ вліяніемъ индо-персидскихъ ересей шіитства; возможность также пантеистическаго вліянія отъ греко-сирской переводной философіи VIII–IX вѣка. Суфійскія недоразумѣнія III (= IX) вѣка; правовѣрные западно-халифатскіе аскеты типа Бишра Босоногаго, восточные аскеты типа Джонейда Багдадскаго (ум. 910) и еретическіе пантеисты типа Бестâмія (ум. 873) съ Халлâджемъ (уб. 922). Попытки суфіевъ III–IV в. разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ научно-теоретически; сказавшаяся разница между теченіемъ западнымъ — арабскимъ и восточнымъ — персидскимъ. Персидскій дервишескій монастырь начала V (= XI) в., съ буддійскими чертами, Абу-Сейда ибнъ-абиль-Хейра, одного изъ первыхъ достовѣрно-сохранившихся персидско-суфійскихъ поэтовъ, вполнѣ типичнаго для всей послѣдующей суфійской поэзіи у персовъ (967–1049); предшественники его: Бâбâ-Кýhû Шûрâзскій (ум. 1050), Фирдовсій (ум. ок. 1020). Подведеніе итоговъ суфійства тогда же въ нач. V (= XI) вѣка (Кошейріемъ, Джоллâбіемъ) даетъ такую систему суфійства, съ которой могутъ быть согласованы ужъ и всѣ позднѣйшія суфійскія произведенія. Мода въ XI–XII в. на принадлежность къ суфійству.

Съ воцареніемъ Аббасидовъ (750) центръ политической и умственной жизни халифата былъ перенесенъ изъ Сиріи на востокъ, въ Месопотамію, ближе къ Ирану. Подъ управленіемъ аббасидовъ въ халифатѣ воскресла старая богатая культурная жизнь сасанидскаго Ирана, только подъ одеждой арабскаго языка. Персы-мусульмане сдѣлались главными работниками и руководителями во всѣхъ отрасляхъ духовной жизни халифата (не исключая и богословія) и внесли въ нее, подъ мусульманской внѣшностью, свой собственный прежній духъ.

Въ моментъ завоеванія Персіи арабами, въ ней, при

оффиціальномъ господствѣ зороастризма, чрезвычайно были распространены ереси буддійскаго и вообще индійскаго характера, ютившіяся преимущественно въ сѣверо-восточной и сѣверной Персіи (Хорасанѣ съ Бактріей, Азербейджанѣ и др.). Со введеніемъ въ Персіи мусульманства религіозное ея броженіе продолжалось подъ исламской оболочкой, прежняя религія Ирана воскресала или сохранялась подъ болѣе или менѣе измѣненными формами въ различныхъ толкахъ шіизма. А шіизмъ бывалъ очень неодинаковыхъ оттѣнковъ*). Въ то время какъ зейдиты и т.п. умѣренные шіиты мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ мусульманъ-соннитовъ, индо-персидскія идеи дали содержаніе наиболѣе радикальнымъ шіитскимъ толкамъ. Въ силу своего буддійскаго настроенія, поддерживаемаго и внѣшними причинами**), сектанты этого оттѣнка питали склонность къ аскетической жизни. Замѣчая, что въ исламѣ вырабатывается свой аскетизмъ - суфійство, они охотно вступали въ ряды суфіевъ. Конечно, не всѣ персы, усвоившіе суфизмъ, принадлежали къ еретическимъ толкамъ: напротивъ, первоначально суфизмъ, распространяясь по Персіи,

---

*) Связный очеркъ исторіи шіитства отъ его первыхъ моментовъ до нашей поры—данъ мною въ III части „Исторіи Персіи" (1906), стр. 300-326 и сл.

**) Такъ, Хорасанскую область, которая отнынѣ для историка суфійства дѣлается особенно интересной, терзали при Аббасидахъ военныя волненія и экономическія бѣдствія, которыя не давали людямъ жить спокойно и счастливо.

не могъ, конечно, провозгласить отъ имени суфіевъ такія неправовѣрно-мусульманскія идеи, которыя шли бы въ разрѣзъ съ идеями западнаго суфійства, выработавшагося въ Сиріи. Но долго остаться мусульманско-правовѣрнымъ суфійство, распространяясь среди персовъ, не могло. Его (т.е. аскетическую и мистико-аскетическую жизнь и внѣшность) вѣдь усвоивали и шіиты-пантеисты персидско-буддійскаго направленія; подъ его благочестивой (позволимъ себѣ сказать, „монашеской" и „мистико-монашеской") наружностью любили выступать и такіе враги ислама, какъ миссіонеры реформированныхъ (864) шіитовъ-исмаилитовъ*), которые, при своей выдающейся агитаторской (конечно, своекорыстной, политической) энергіи, много содѣйствовали популярности и извѣстности суфійства, какъ формы, въ разныхъ слояхъ общества и въ разныхъ мѣстностяхъ халифата; и вообще подъ суфійской внѣшностью (скажемъ: „подъ монашеской рясой-рубищемъ") появился во всемъ халифатѣ цѣлый рядъ всякихъ еретиковъ. Своею численностью неправовѣрные су̂фіи (преимущественно персы) быстро начали превосходить су̂фіевъ-правовѣрныхъ, т.е. западно-исламскихъ (преимущественно арабовъ).

Впрочемъ, черезъ посредство сирійцевъ Месопотаміи, хлынула тогда еще и другая сильная пантеистическая струя, которая, если не по своему тогдашнему теченію, то по своему

---

*) О нихъ вообще и о ихъ поразительной системѣ подпольной пропаганды см. у меня экскурсъ въ „Исторіи арабовъ", ч.II.

прежнему, первоначальному происхожденію можетъ быть названа струей западною: это — г р е к о - ф и л о с о ф с к а я, неоплатоническая.

Неоплатоническія идеи проникали въ исламскій міръ, конечно, не однимъ месопотамскимъ путемъ, а нѣсколькими разными. Выше мы ужъ даже отмѣчали возможность неоплатоническаго вліянія на суфійство со стороны Сиріи съ П а л е с т и н о ю, въ видѣ писаній якобы учителя Діонисія Ареопагита (т.е. на дѣлѣ —Стефана баръ-Судайлѝ); равнымъ образомъ имѣли мы случай отмѣтить, что нѣкоторые новые изслѣдователи (Никольсонъ, Браунъ) готовы улавливать еще одинъ путь неоплатоническаго вліянія на суфійство — черезъ е г и п е т с к а г о суфія Зу-н-нӯна (ум. 859), къ которому мы и еще разъ возвратимся. Но подобныя догадки — какъ-ни-какъ лишь догадки, хотя бы и вѣроятныя; а м е с о п о т а м с к о е неоплатоническое вліяніе на исламскій міръ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Месопотамскіе христіане-сиріяне (несторіане преимущественно) служили очень живыми и энергичными переводчиками греческой науки и философіи; подъ Багдадомъ при аль-Ма̂мӯнѣ (813-833) была изъ нихъ даже оффиціально учреждена переводческая палата, „домъ мудрости"*). Въ теченіи VIII-IX вѣка переводчики-сиріяне перевели съ сирскаго языка на арабскій многія произведенія греческихъ нео-

---

*) „Бейт аль-хикме". Объ этомъ подробнѣе см. у меня въ I части „Исторіи арабовъ и арабской литературы" (1912), стр.135-146.

платониковъ. Между прочимъ, для аль-Мамунова преемника, халифа аль-Мотасема, оказались переведены около 835 года IУ-УI „Э н н е а д ы" П л о т и н а, подъ именемъ толкованій Порфирія на Аристотеля, или „Аристотелевой теологіи" („ŝаулўжіâ Аристўтâліс"). Онѣ, Плотиновскія неоплатоническія „Эннеады", довѣрчиво усвоивались въ качествѣ авторитетной, подлинной „теологіи" великаго Аристотеля всѣми, кто интересовался философіей.

Называть это неоплатоническое теченіе преимущественно западнымъ не будетъ правильно, потому что, пожалуй, наибольшее количество людей, интересующихся философіей, особенно вскорѣ, къ X вѣку, окажется какъ разъ въ восточныхъ частяхъ халифата: при дворахъ новообразовавшихся, самостоятельныхъ персидскихъ князей-владѣтелей, независимыхъ отъ впавшаго въ клерикальную реакцію багдадскаго халифата (таковы Саманиды-бухарцы, западно-персидскіе Бовейhиды и др.). Разумѣется однако, что и въ западныхъ земляхъ мусульманской Азіи философскія идеи распространялись успѣшно,- и опять-таки особенно ужъ вѣкъ спустя, въ X вѣкѣ, когда клерикальные багдадскіе халифы должны были всецѣло отдаться въ руки шіитамъ-Бовейhидамъ и потерять всякую силу для реакціонныхъ репрессій: Багдадъ сталъ тогда въ X в. опять философскимъ очагомъ, Басра и не переставала имъ быть („Вѣрные друзья" - энциклопедисты X в.), а въ сѣверной Месопотаміи и въ Алеппской Сиріи водворилась въ X в. династія Хамданидовъ, покровительствовавшая, напримѣръ, философу аль-Фâрâбію, аристотелизмъ котораго смѣшанъ

былъ съ плотиновскимъ неоплатонизмомъ. Впрочемъ, заговоривши о томъ, что было въ X в., мы забѣгаемъ впередъ: покамѣстъ нужно намъ помнить только, что въ IX вѣкѣ, т.е. въ III вѣкѣ хиджры, были переведены на арабскій языкъ IY-YI „Эннеадъ" Плотина, идеи которыхъ поразительно близки даже въ терминологіи и въ образахъ, къ тѣмъ идеямъ, которыя мы вскорѣ увидимъ въ суфійствѣ, хотя главный вторгшійся въ суфійство элементъ былъ индійско-иранскій.

Примѣчаніе. Напомню главное содержаніе IY-YI „Эннеадъ" Плотина.

По ученію Плотина (онъ былъ однимъ изъ первыхъ неоплатониковъ, 204-269 по Р.Х.), источникъ всего есть первоначальное Единое (ἕν). Это Единое было и есть ἀγαθόν = добрымъ, благимъ. Изъ этого благаго Единаго проистекаетъ все: а именно, отъ преизбыточества своей силы Единое испускаетъ отъ себя отблескъ, или отраженіе (εἰκών), - все равно, какъ солнце испускаетъ изъ себя лучи,- и въ этомъ основной законъ всего.

Такъ, этотъ отблескъ, отраженіе, стремится назадъ (ἐπιστρέφεται) къ своему перво-источнику, чтобы его увидѣть; - черезъ эту „ἐπιστροφή" отраженіе становится νοῦς'омъ = разумомъ (см. Энн. Y, 1, 6 и 7).

Хотя νοῦς единъ, но въ немъ заключены „идеи", входящія въ него какъ субстанціальныя части: онѣ въ своей совокупности образуютъ единый νοῦς, подобно тому какъ наука образуетъ теоремы въ своемъ единствѣ. „Идеи" - это истинно Сущее и истинно Живущее, τὸ ὃ ἐστι ζῶον или ἡ οὐσία.

Отъ νοῦς'а (разума), въ видѣ отблеска или отраженія, проявляется душа, ψυχή; душа заключается въ умѣ такъ, какъ самъ онъ заключается въ Единомъ.

А что же такое матерія? И матерія истекла изъ Единаго, но надо отличать матерію, заключенную въ „идеяхъ", отъ матеріи, заключенной въ предметахъ

чувственно постигаемыхъ. Отличаясь отъ матеріи „идей" своимъ пространственнымъ объемомъ и плотностью, чувственная матерія есть однако „не - сущее", μὴ ὄν , - она принимаетъ образъ, форму, только при посредствѣ высшихъ силъ, которыя отъ нея самой не происходятъ. Міръ поэтому есть призракъ.

Въ человѣкѣ есть душа, и есть матеріальное тѣло, какъ субстратъ (ὑποκείμενον) для души. Являясь поэтому существомъ чувственнымъ, человѣкъ сдѣлался чуждъ единому Божеству, и задача его - возвратиться къ Божеству.

Какимъ путемъ? Такой путь для него прежде всего добродѣтель. Добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы уподобиться Богу (θεῷ ὁμοιωθῆναι ,- срв. Эннеаду I, 2, 1), а для этого необходимо очищеніе отъ чувственности, философское размышленіе и —въ особенности наконецъ— непосредственное экстатическое (восторженное) созерцаніе Первоначала и единеніе съ Нимъ (ἔκστασις, ἅπλωσις, ἁφή); значитъ, экстазъ —главный путь и главная цѣль.

Ну, а какъ добиться этой высшей цѣли, этого восторженнаго поднятія къ единому, истинно Благому, истинному Добру?

Обыкновенное мышленіе - такого вознесенія не дастъ, потому что для единенія съ Богомъ требуется болѣе высокая способность. Предварительной ступенью къ способности восторженнаго вознесенія будетъ, конечно, служить и обыкновенное мыслительное познаніе идей (срв. путь къ ἀφορμῶ); но лишь затѣмъ человѣкъ можетъ достичь высшей своей цѣли: познанія самого Добра, или, лучше сказать, прикосновенія самого Добра (ἡ τοῦ ἀγαθοῦ εἴτε γνῶσις εἴτε ἐπαφή),- а при достиженіи этой цѣли душа пренебрегаетъ даже мышленіемъ, потому что мышленіе есть еще движеніе (κίνησις); а она хочетъ быть недвижимой, какъ недвижимо Единое (Эннеада VI, 7, 25 и 26). Слѣдовательно, нужна другая,особая способность, чтобы взглянуть на Бога; очищеніе отъ земной чувственности, умерщвленіе плоти, можетъ ей содѣйствовать.

Когда намъ удастся взглянуть на Бога, то цѣль

наша достигнута: мы обрѣли покой, всякая дисгармонія прекращена, мы скружаемъ Бога въ божественномъ хороводѣ (χορεία ἔνθεος; у ç̂уфіевъ этотъ пунктъ очень любимъ) и видимъ, какъ Божество есть источникъ жизни, источникъ νοῦς'а (разума), принципъ бытія, причина всего добраго, корень души,- и мы наслаждаемся полнымъ блаженствомъ (Энн. VI, 9, 8 и 9); въ этомъ состояніи для насъ исчезаетъ разница между добромъ и зломъ. Такое восторженное созерцаніе не есть „смотрѣніе" (θέαμα), это - другой родъ познанія, это именно - ἔκστασις, ἅπλωσις, ἀφή, (Эннеада VI, 9, 11).

Навсегда пребыть въ такомъ блаженномъ, восторженномъ состояніи мы не можемъ: такъ какъ мы не совсѣмъ отрѣшились отъ земного, то мы легко возвращаемся назадъ къ земному,- и созерцаніе Всевышняго Божества только изрѣдка дается въ удѣлъ наилучшимъ, добродѣтельнымъ и мудрымъ, божественнымъ и блаженнымъ людямъ (Эннеада VI, 9, 10 и 11). Философъ, давшій біографію Плотина, Порфирій (см. главу 23), свидѣтельствуетъ, что въ теченіи шести лѣтъ, которыя онъ провелъ при Плотинѣ, Плотинъ достигъ экстатическаго единенія съ Божествомъ четыре раза.

Весь III вѣкъ хиджры (815-912), особенно же его вторая половина, это - эпоха суфійскаго броженія и очень существенныхъ внутреннихъ *суфійскихъ недоразумѣній*. Вѣдь что мы видимъ?-

а) Съ одной стороны безцвѣтное имя „суфій" (= сермяжникъ) прилагается къ *правовѣрнѣйшимъ мусульманскимъ аскетамъ*, быть можетъ, и вовсе чуждымъ мистицизма, каковы, напр., Бишръ Босоногій (ум. 841), другъ имâмовъ Мâлика и ибнъ-Ха̂нбаля; таковъ Мо-

хâсибій изъ Басры (ум. 857) *); таковъ Сеhль Тостерскій (ум. 896), горячій почитатель Хáсана Басрійскаго, и др.-

б) Съ другой стороны „сŷфіями" въ III в. хиджры называются аскеты - м и с т и к и, не дошедшіе однако до пантеистическихъ воззрѣній,—по крайней мѣрѣ, до сознательныхъ, и во всякомъ случаѣ искренно желающіе быть правовѣрными мусульманами. Къ такимъ, повидимому, долженъ быть относимъ даже пресловутый Зŷ-н-нŷнъ (ум. 859), египетскій теософъ, современникъ Мохâсибія: Зŷ-н-нŷнъ зналъ мистическіе экстазы (хâль), зналъ греческую александрійскую науку и оккультистическую алхимію**),но что касается стороны исламско-догматической, то на судѣ халифа Мотаваккиля Зŷ-н-нŷнъ былъ признанъ за безупречнаго***). Другой такой же типъ, совмѣщавшій мистичность съ мусульманской догматикою - Сиррій Сáкатый въ Багдадѣ (ум.867-870):

---

*) Къ литературѣ о Мохâсибіи - добавить библіографическія данныя у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litter." I (1898), стр.198. D.S.Margoliouth: „Notice of the writings of al-Ḥârith al-Muḥâsibî, the first ṣûfî-author" - въ трудахъ (Transactions) 3-го международнаго съѣзда по исторіи религій (Оксфордъ 1908), I, 292 и слѣд.

**) Срв. о Зŷ-н-нŷнѣ библіографическія свѣдѣнія у Броккельманна, I (1898), стр. 198-199.

***) И поэтому мнѣ представляется чистымъ увлеченіемъ вышеупоминавшееся стремленіе Никольсона и Эдв.Брауна (A liter. hist., т.II, 1906, стр. 521-522), видѣть въ Зŷ-н-нŷнѣ подлиннаго основателя пантеистической (плóтиновской) суфійской теософіи.

онъ, совершенно какъ принято въ уставѣ буддійскихъ монаховъ, требовалъ, чтобы ҫӯфіи весною отправлялись бродить нищими по міру*), и читалъ проповѣди въ Багдадѣ о мистическомъ единеніи съ Богомъ; но онъ желалъ также мусульманскаго рая съ хӯріями. Его ученикомъ былъ знаменитый Джонейдъ Багдадскій (ум. въ 910 г.): это - правовѣрный богословъ-законовѣдъ шафіитскаго толка, заслужившій всеобщее почтеніе современныхъ ему строгихъ мусульманъ; но кажется, что въ то же время онъ иногда былъ склоненъ къ пантеизму и не всегда умѣлъ удачно сочетать пантеистическія тенденціи съ коранскимъ деизмомъ. Къ суфійству такого же типа принадлежалъ многочисленный кругъ сотоварищей и учениковъ Джонейда. Таковы: Ха́санъ Тонӯхій (ум. 869) — который ввелъ публичное и регулярное преподаваніе суфійства въ мечетяхъ Багдада**); Мохаммедъ Са́дафій (ум. 879), - онъ былъ глава багдадскихъ суфіевъ и излагалъ въ мечетяхъ суфійство съ его любовно-мистической терминологіей, и онъ же пользовался уваженіемъ имâма ибнъ-Ханбаля; Абӯ-Сайдъ Харрâзъ (ум. 899), - шейхъ суфійской общины, дававшій теоретическія правила, ка́къ дойти до соединенія съ Божествомъ. Особенно интересенъ суровый ученикъ Джонейда Ровеймъ (ум. 916), который опредѣлялъ суфійство, какъ нестяжательность, и предостерегалъ своихъ друзей отъ суфіевъ-еретиковъ. И многіе

---

*) „Весна наступила", говорилъ Сиррій ҫӯфіямъ, „и деревья одѣлись листвою.... — пора вамъ итти бродить по свѣту".

**) Мечети всегда служили и служатъ мусульманскимъ богословамъ для катехизаціи.

другіе.

в) Съ третьей стороны ç̂уфіями называютъ себя въ III в. хижры вполнѣ сознательные п а н т е и с т ы, доходившіе даже до отождествленія своей личности съ Богомъ. Таковъ былъ св.шейхъ Бâязӣдъ Тейфŷръ э л ь - Б и с т â м і й, внукъ бывшаго мага изъ прикаспійскихъ краевъ (послѣ долгихъ гоненій ум. въ 875 г.) *). Такимъ считается и Х а л л я̂ д ж ъ, нервно воскликцавшій: „я - Богъ!" أنا الحق; онъ былъ мучительно казненъ за это (въ 922 г.) **); заслуживаетъ упоминанія и Шельмеганӣ, который былъ сожженъ за отождествленіе себя съ Богомъ (934) ***); и др. Къ Корану эта послѣдняя группа суфіевъ относилась или вовсе равнодушно, считая его не выше еврейской Торы, христіанскаго Евангелія и вообще книгъ всякой другой позитивной религіи, или умудрялась вычитывать въ Коранѣ проповѣдь пантеизма; - впрочемъ, печальная участь Бистâмія, Халля̂джа и мн. др. научила ç̂уфіевъ-пантеистовъ выска-

---

*) Къ литературѣ о Бâязӣдѣ Тейфŷрѣ Бистâміѣ, сверхъ моего „Очерка развитія суфійства" (1895, стр. 41-42), добавить можно: a) Эдв.Браунъ: „A literary hist. of Persia", I (1902), 426-428, 352; - b) R.Nicholson: „A literary history of the Arabs" (1907), 391; c) Ign.Goldziher: „Vorlesungen über den Islam" (1910), 193-197.

**) По другимъ свѣдѣніямъ (по „Фиhристу" X в., по ʿАрӣбову дополненію къ Табарію, и по др.), впрочемъ, оказывается, что Халля̂джъ, этотъ великій суфійскій святой, можетъ быть подозрѣваемъ въ шарлатанствѣ, въ оккультистическихъ фокусахъ и т.п. Срв.у Эдв.Брауна: A liter.history, I (1902), 428-437.

***) Шельмегâній титуловался „бâб" = „врата", - тѣмъ самымъ

зываться не прямо, а особымъ условнымъ мистико-аллегорическимъ языкомъ, который для непосвященныхъ былъ теменъ и не внушалъ подозрѣній въ нечестіи. Къ сожалѣнію, мы многое объ этой пантеистической группѣ суфіевъ III в. должны заключать лишь на основаніи своихъ догадокъ и сбивчивыхъ позднихъ показаній разныхъ суфійскихъ историковъ, потому что подлинныхъ несомнѣнныхъ произведеній, напр. Халлâджа или Бисţâмія, мы въ рукахъ не имѣемъ; а цитаты и пересказы ихъ словъ, хотя бы они передавались вѣрными учениками (напр. дервишами ордена Нäкшбендіййе, выросшаго изъ Тейфŷровыхъ идей лѣтъ 500 послѣ его смерти), могутъ, конечно, очень несовпадать съ идеями самого учителя.

Повидимому сами сŷфіи сознавали хаотическую неоднородность суфійства въ III в. Г. и чувствовали необходимость выяснить себѣ поточнѣе, чтó же такое есть „тасáввоф". Въ теченіи второй половины III в. и въ началѣ IУ в.Г. былъ данъ рядъ теоретическихъ опредѣленій касательно сути суфійства. Конечно, каждая группа т.н. сŷфіевъ толковала суфійство по-своему, и когда практика обнаружила, что суфіевъ-аскетовъ, которые совершенно были бы чужды даже мистицизма, оказывается гораздо меньше, чѣмъ суфіевъ другого оттѣнка, то въ арабскомъ языкѣ

терминомъ, который особое значеніе и славу получилъ въ 19-мъ вѣкѣ у т.н. „бабидовъ". См. разсказъ о казни Шельмеґâнія у ибнъ-аль-Асйра (ум. 1232) подъ 322 = 934 г. (т.УIII, стр.100--102 по егип. изданію 1290 = 1873 года).

послѣ III в. хижры термины „сӯфій" и „заҺидъ" перестали быть синонимами: обыкновенныхъ мусульманскихъ подвижниковъ не называютъ съ тѣхъ поръ суфіями, а просто заҺидами, слово же „суфизмъ" пріобрѣтаетъ съ тѣхъ поръ особое спеціальное значеніе: „мистицизмъ", или „теософія". Само собою ясно, что и при такомъ, болѣе спеціальномъ пониманіи этого термина не могла быть достигнута однородность въ суфійской средѣ: понятіе мистицизмъ и понятіе пантеистическая теософія - не всегда вѣдь одно и то же, и не чувствовать этого различія суфіи не могли. Оттого, какъ мы ужъ видѣли, къ IУ-му вѣку хижры выяснилось, что даже въ мистическомъ суфійствѣ есть развѣтвленіе по крайней мѣрѣ на два параллельныхъ теченія: одно теченіе - арабское, или правильнѣе западное (это — мистики-деисты довольно правовѣрнаго типа джонейдитовъ; они - арабы и арабизованные персы), и другое — индо-персидское, или восточное (это — мистики-пантеисты, еретическаго типа Бистâмія, Ḥаллâджа и т.п.). Это выяснившееся различіе такъ и не уничтожилось и въ послѣдующей исторіи суфійства, да оно ощущается вплоть и до настоящаго времени, хотя, разумѣется, мистицизмъ какъ всегда, такъ и теперь продолжаетъ служить связующимъ звеномъ для обѣихъ вѣтвей.

Еще къ самому началу III вѣка хиджры, именно къ 815-816 г. Хр., не такъ давно относили, какъ важный фактъ въ исторіи суфійства, основаніе перваго персидскаго суфійскаго монастыря дервишей, съ опредѣленнымъ уставомъ въ Хорâсâнѣ, и основателемъ называ-

ли знаменитаго шейха А б ŷ - С а̒ й д а и б н ъ - А б й-
- л ь - Х е й р а Хорâсâнскаго (Хâверâнскаго). Держалось это мнѣніе въ наукѣ довольно долго, но оно было основано на недоразумѣніи; а историческій шейхъ Абŷ-Са̒йдъ, авторъ прославленныхъ суфійскихъ четверостишій („робâî"), жилъ въ IV (= X) вѣкѣ, именно въ 967-1049 годахъ. Абу-Са̒йдъ дѣйствительно основалъ въ Хорасанѣ знаменитое дервишеское общежитіе, въ уставъ котораго входило періодическое странствіе по міру*) и другія особенности, близкія къ уставу странствующихъ буддійскихъ монаховъ**); но, только, его монастырь не былъ въ Персіи первымъ***). Эпохальнымъ имя Абŷ-Са̒йда Хорâсâнскаго (точнѣе: Мейhенскаго) является въ томъ отношеніи, что къ нему пріурочивается в о з н и к н о в е-

---

*) См. Альфр. фонъ-Кремера: „Culturgeschichtl. Streifzüge", Лейпц. 1873. Также въ его „Herrschende Ideen" (1868), стр. 66-67.

**) Слово „дервîш" значитъ „нищій",—по крайней мѣрѣ въ общепринятомъ употребленіи этого слова. Что же касается основной его этимологіи, то она не выяснена съ достовѣрностью. Срв. Paul Horn: „Grundriss der neupersischen Etymologie", N.559.

***) Ошибка о 815 годѣ идетъ еще съ XVII вѣка. Именно, еще путешественникъ XVII вѣка Шарденъ допустилъ эту ошибку, и вслѣдъ за нимъ Толукъ, де-Саси и рядъ другихъ ученыхъ относятъ основаніе перваго персидскаго дервишескаго монастыря въ Хорасанѣ къ 815-816 году и называютъ основателемъ его — Абŷ-Са̒йда ибнъ-Абйль-Хейра Хâверâнскаго, который такимъ образомъ долженъ являться особымъ лицомъ этого имени, не тѣмъ Абу-Са̒йдомъ, который жилъ двѣсти

ніе достовѣрной суфійской литературы, тѣснѣе - персидской суфійской поэзіи, общеизвѣстнаго намъ типа мистической персидской поэзіи, уже съ ея любимыми пріемами и идеями.

Правда, не такъ еще далеко то время, когда оріенталистамъ плохо были извѣстны знаменитыя аскетическо-философскія „робâй" (четверостишія) Абŷ-Саʻйда*), въ силу чего принято было повторять, что, несмотря на буддійскую внѣшность (въ образѣ жизни) и на страстную проповѣдь мистическаго, экстатическаго единенія съ Богомъ, суфійство самого Абу-Саʻйда было еще, сравнительно, правовѣрнымъ въ мусульманскомъ смыслѣ, т.е. не содержало въ себѣ буддійско-пантеистическихъ

лѣтъ спустя, въ X-XI вѣкѣ и составилъ общеизвѣстныя, знаменитыя „робâʻі". См.Шарденъ (изд.Лянгле), т.IУ, стр.553; Толукъ: Ssufismus (1821), стр. 59 (съ прибавленіемъ ссылки на географію Ķазвûнія); де-Саси — въ Journal des Savants 1821, стр. 725-ая; Дози: Essai, стр.320; Кремеръ: Gesch. der herrsch. Ideen (1868), стр. 66. Не удивительно, что и я въ свое время отдалъ дань этой же ошибкѣ и, въ своемъ „Очеркѣ развитія суфійства" (стр.29), повторилъ, что первый персидскій дервишескій монастырь въ Хорâсâнѣ былъ основанъ ок. 815 г.

*) Робâʻй - тотъ литературный жанръ, на которомъ лѣтъ сто спустя послѣ Абŷ-Саʻйда пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность Хейŷмъ (ум. 1123), имѣющій теперь вліяніе на нынѣшнюю Европу и Америку. Въ Персіи очень популярны также тѣ „робâʻй", которыя составлялъ современникъ Абу-Саʻйда Бâбâ-Тâhиръ Голышъ Хамаданскій, частью на литературномъ персидскомъ языкѣ, частью на мѣстномъ Рейскомъ говорѣ. (Умеръ Бâбâ-Тâhиръ послѣ 1058 г., о чемъ см. у Брауна II, 1906, стр.260,

воззрѣній и не слишкомъ рѣзко отличалось въ этомъ отношеніи отъ суфійства западнаго, арабскаго. Можетъ быть, эта мысль поддерживалась тѣмъ соображеніемъ, что Абӯ-Саʿидъ Хорâсâнскій былъ духовнымъ наслѣдникомъ знаменитаго багдадскаго сӯфія Джонейда, удачно мирившагося съ оффиціальными мусульманскими догматами. Но теперь, когда много „четверостишій" Абӯ-Саʿйда лежатъ у насъ передъ глазами для непосредственнаго чтенія*), нельзя сомнѣваться, что онъ былъ яркій пантеистъ**). Въ своихъ „робâʿй" Абӯ-Саʿйдъ является однимъ изъ первыхъ достовѣрно-сохранившихся персидскихъ суфійскихъ поэтовъ, уже всецѣло подходящихъ какъ по формѣ (по особому мистико-эротическому и мистико-гедоническому языку и пріемамъ), такъ и по идеямъ къ позднѣйшимъ прославленнымъ персидскимъ поэтамъ (Сенâію, Хеййâму, ʿАттâру, Джелâледдйну Рӯмію и прочимъ). Мы говоримъ: „о д и н ъ изъ первыхъ", а не просто „первый", потому что имѣемъ въ рукахъ новооткрытые диваны нѣкоторыхъ

въ противность Этé въ „Grundriss"ѣ II, 1896, 223, который принималъ дату смерти Голыша лѣтъ на 40 раньше).

*) Библіографію четверостишій Абӯ-Саʿйда см. въ нашей „Исторіи Персіи" ч.I, вып. 4 (1909), стр. 213. На стр. 317--338 данъ русскій переводъ нѣкоторыхъ его четверостишій и отрывки изъ его старѣйшей біографіи, гдѣ тоже попадаются цитируемыя „робâʿй".

**) „представитель к р а й н и х ъ (extrem) пантеистическихъ идей", характеризуетъ Абу-Саʿида Никольсонъ въ „Enzyklopädie des Islâm", т. I, вып. 2 (Лейд. 1908), стр. 111.

современниковъ Абӯ-Саӣда того же направленія, среди которыхъ отмѣчается, напримѣръ, рѣдкій диванъ пѣснопѣній о Единствѣ — шейха ʿАлія Бâбâ-Кӯһӣ Шӣрâзскаго (ум. 1050)*). И у Фирдовсія нѣкоторыя лирическія мѣста въ „Книгѣ Царей" очень близки къ суфійскому типу.

Во второй четверти V-го (= XI-го) вѣка, около тѣхъ годовъ, когда умеръ Абӯ-Саӣдъ, было сдѣлано подведеніе итоговъ суфійства въ систематической формѣ двухъ научныхъ трактатовъ по исторіи суфійства съ изложеніемъ его доктринъ и обзоромъ разныхъ его толковъ. Одинъ трактатъ - „а р - Р и с â л е" имâма К о ш е й р і я 1045-го года**), другой — „Раскрытіе сокровеннаго" имâма Д ж о л л я̂ б і я 1057-го года***). Оба сочиненія даютъ намъ уже такую систему, съ ка-

---

*) См. у Этé въ „Grundriss"-ѣ II (1896), стр. 273, гдѣ онъ довольно подробно характеризуетъ стихи шейха ʿАлія Бâбâ-Кӯһӣ Шӣрâзскаго на основаніи рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

**) Издана الرسالة въ Бӯлâкѣ 1284 (= 1867), Каирѣ 1304 (= 1886). Краткій нѣмецкій обзоръ Алліоли (1835) имѣется въ библіотекѣ нашего Лазаревскаго Института (N.6206 кат.): „Ueber die Risalet des Koschairi". Это оттискъ изъ „Denkschriften" баварской Академіи Наукъ. Срв. библіографію у Брокельманна: „Gesch. der arab.Litter." I (1898), стр. 432-433.

***) По-арабски: كشف المحجوب. Существуетъ некритическое литографированное Лахорское изданіе; но печатное критическое петербургское изданіе, которое давно уже изготовилъ проф. В.А.Жуковскій, до сихъ поръ не выпущено въ свѣтъ; повидимому, проф. Жуковскій думаетъ снабдить его обстоятель-

кою могутъ быть согласованы и всѣ позднѣйшія суфійскія произведенія.

Дальнѣйшая исторія развитія суфійства уже не представляетъ рѣзкихъ скачковъ: наиболѣе существенныя черты того облика, какой обрисовался въ суфійствѣ (обѣихъ вѣтвей) III-IУ вѣка хиджры, вполнѣ сохраняются и правильно развиваются въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. Вкратцѣ дальнѣйшая исторія суфійства такова. Въ силу множества разныхъ причинъ (практическаго удобства житейскаго аскетизма, желанія найти въ мистицизмѣ или пантеизмѣ отдыхъ отъ сектантскихъ споровъ и узкой ортодоксальной догматики, и т.п., и т.п.)*), суфійство съ XI в. (по Р.Х.) распространилось въ самыхъ широкихъ кругахъ мусульманскаго общества, и въ это время, по словамъ Ġазâлія,—писателя, про котораго намъ еще придется говорить (ум. 1111),- вошло даже въ моду быть или казаться сўфіемъ, напримѣръ носить суфійскую хырку́ (рубище), хотя бы и изъ дорогихъ матерій. Однако при этомъ широкомъ распространеніи

нымъ введеніемъ, и лишь въ такомъ видѣ оно выйдетъ изъ-подъ спуда. Тѣмъ временемъ успѣлъ появиться англійскій переводъ Р.Никольсона, сдѣланный на основаніи Лахорскаго изданія и старыхъ рукописей: „The Kashf al-Mahjúb, the oldest Persian treatise on súfiism by ʿAli b. ʿUthmán al-Jullábi al-Hujwiri", Лейденъ 1911 (= XУII томъ Gibb Memorial Series). Стр. XXIУ + 443.

*) См. объ этихъ причинахъ подробнѣе — мой „Очеркъ развитія суфизма", стр. 31-37.

суфизма исторія суфизма западнаго и суфизма восточнаго шла по-прежнему неодинаково, и мы коснемся исторіи каждой вѣтви особо, въ отдѣльности.

ЗАПАДНЫЙ СУФИЗМЪ СЪ XI ВѢКА ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ: Дружба западнаго суфійства съ мусульманскимъ клерикализмомъ и помощь въ борьбѣ даже противъ суфійства восточнаго. Имамъ Газâлій (1059-1111), „доказательство ислама", и его вліяніе на фиксированіе мистицизма въ оффиціальной мусульманской догматикѣ. Дальнѣйшія новшества въ этомъ духѣ среди западнаго исламскаго міра: заимствованіе дервишескихъ радѣній изъ восточнаго суфійства и культъ юродивыхъ святыхъ. Развитіе западно-суфійской литературы; поэтъ ибнъ-аль-Фâрыдъ (1185-1235); преобладаніе прозаиковъ; „Мекканскія откровенія" андалусца ибнъ-Арабû (1164-1240), Макдисій (ум. ок.1279); энциклопедистъ Соютый (ум. въ 1505 г.); Шаˆрâній (ум.1565) и яркій утилитаризмъ его проповѣди подвижничества. Вліяніе Османской имперіи на распространеніе идей персидскаго суфійства среди мусульманъ запада. Возможность сильнаго персидскаго вліянія на арабскій суфизмъ и въ болѣе новую пору (ˆАбдальганû, ум.1730); но въ общемъ арабскій суфизмъ трезво-ортодоксаленъ.

Западный суфизмъ продолжалъ и послѣ III-IV вѣка хиджры ладить съ общепринятой мусульманской догматикой и мусульманскимъ духовенствомъ,— какъ это дѣлалъ, напр., Мохаммедъ Абӯ-Тâлибъ аль-Меккû, по прозвищу „Мекканскій проповѣдникъ"(ум. 996), которому принадлежитъ „Пища сердецъ по примиренію съ Возлюбленнымъ и изложеніе мистическаго пути, ведущаго къ единенію съ Нимъ"*). Надо помнить, что въ это время въ мусульманскомъ мірѣ канонически была провозглашена клерикальная

---

*) Изд. въ Каирѣ, 2 тт. 1310 (= 1893).

реакція; фактически она не была сильна, потому что халифъ не имѣлъ никакой власти (съ 945 г. онъ, въ Багдадѣ, былъ плѣнникомъ шіитовъ-Бовейһидовъ, а халифатъ на дѣлѣ управлялся многими султанами и князьями),- тѣмъ не менѣе оффиціальный исламъ принципіально проповѣдывалъ обскурантную клерикалистическую реакцію. И вотъ мы видимъ, что ṣӯфіи западнаго типа не только скрѣпляютъ авторитетъ правовѣрнаго духовенства своимъ строгимъ образомъ жизни, но и прямо помогаютъ ему бороться съ раціоналистами и даже съ восточными ṣӯфіями. Такъ, ибнъ-Машâде (ум. 1023) заявлялъ, что люди, вѣрующіе, напримѣръ, въ отождествленіе съ Богомъ, не смѣютъ называться ṣӯфіями.

Высшій образчикъ тѣснаго единенія западнаго суфійства съ оффиціальной ортодоксальностью—имâмъ Ġ а з â л і й (1059-1111), воспитавшійся уже во времена сельджукской правовѣрной имперіи. Онъ употребилъ всѣ усилія своего блестящаго философскаго ума, чтобы теоретически примирить ḳорâнскую, строго деистическую ортодоксальность съ суфійскимъ экстатическимъ мистицизмомъ (даже Ḥалляджа Ġазâлій пытается оправдать). Казалось бы, что со строго-канонической мусульманской точки зрѣнія Ġазâліевы стремленія должны бы быть сочтены за еретическія; а между тѣмъ въ исторіи мусульманскаго суннизма произведенія Ġазâлія эпохальны: они явились окончательной формулировкой и подведеніемъ итоговъ мусульманскаго правовѣрнаго богословія.

Ġазâлій носитъ прозвище: حُجَّةُ ٱلْإِسْلَامِ „Доказательство ислâма", и про него говорится, что, если бъ Ḳорâнъ исчезъ, то

все равно исламъ могъ бы быть прекрасно возстановленъ по произведеніямъ Ĝазâлія. Однако, кто сдѣлаетъ научно-историческое сопоставленіе ислама первыхъ вѣковъ съ исламомъ Ĝазâлія*), тотъ найдетъ между обоими исламами глубокую разницу: строго положительная, антропоморфически-грубоватая, но зато аподиктически-непоколебимая религіозная система первыхъ вѣковъ обратилась въ болѣе спиритуалустическую, но зато мистически неопредѣленную, мечтательно-неуловимую, туманно-аллегорическую, и наряду съ требованіемъ обязательной разсудочно-механической вѣры въ коранскіе догматы и въ коранскія предписанія былъ прямо допущенъ принципъ: необходимо вѣрить сердцемъ. Оттого въ дальнѣйшемъ ходѣ западно-исламской жизни мы видимъ послѣ Ĝазâлія рядъ явленій, аналогичныхъ съ явленіями жизни восточнаго мусульманскаго міра, гдѣ суфійствомъ исламъ былъ рѣзко искаженъ.

Такъ, на почвѣ того ислама, который былъ фиксированъ Ĝазâліемъ, западно-мусульманскій міръ допустилъ себѣ усвоить изъ восточнаго міра д е р в и ш е с т в о съ его изступленными радѣніями, и шейхъ-алъдрецъ Абу-Ма́дъянъ Тлемсе́нскій (ум. 1193) считался такой же славой запада, какъ ʻАбдоль-Ḳâдиръ Гӣлянскій —славой востока **). На такой почвѣ и всякіе поло-

---

*) Срв. Kremer: Gesch. der herrsch. Ideen (1868), 100-101. Новая монографія о Ĝазâліи - Carra de Vaux (Пар. 1902).

**) Библіографію ихъ обоихъ см. у Броккельманна: Gesch. der arab. Litt.I (1898), стр. 438 и 435-436; т. II (1902), стр. 702, про Абу-Ма́дъяна.

умные мечтатели не разъ бывали приняты за с в я т ы х ъ, бесѣдующихъ съ Богомъ, пріобрѣтали цѣлый кругъ почитателей, и ихъ могилы дѣлались мѣстомъ паломническаго поклоненія. На такой почвѣ процвѣла и особая, значительная вѣтвь арабской (т.е. западно-исламской) л и т е р а т у р ы, со многими выдающимися талантами или, хоть, знаменитыми именами.

Правда, той п о э т и ч е с к о й силы, какою отличился суфизмъ персидскій, суфизмъ западный не пріобрѣлъ и далъ только одного великаго арабско-суфійскаго лирическаго поэта — египтянина мамлюкскихъ временъ ʻОмара и б н ъ - - а л ь - Ф â р ы д а (1181-1235); онъ — авторъ экзальтированныхъ пѣсенъ о винѣ и о любовныхъ страстныхъ наслажденіяхъ (что надо понимать аллегорически)*).

Но зато арабскій суфизмъ сумѣлъ дать много писателей п р о з а и ч е с к и х ъ (тогда какъ персидскихъ сӯфіевъ-прозаиковъ почти что нѣтъ).

Изъ числа такихъ арабскихъ суфіевъ-прозаиковъ выдѣляется святой Мохйыддûнъ и б н ъ - ʻА р а б і й (род. въ Мурсіи 1164, ум. подъ Дамаскомъ 1240). Этотъ крайне плодовитый арабско-суфійскій писатель**) въ своихъ многотомныхъ „الفتوحات المكية"

---

*) См. о немъ у меня въ „Арабской поэзіи" (1906), стр.334-345, гдѣ данъ также переводъ знаменитой его пѣсни о таинственномъ винѣ.

**) Перечень лишь заглавій занимаетъ у Броккельманна въ Geschichte der arab. Litteratur семь страницъ мелкой печати (т. I, 1898, стр. 441-448).

=„Мекканскихъ откровеніяхъ" *) предложилъ цѣлую энциклопедію мистицизма. По своему символу вѣры онъ вполнѣ ортодоксаленъ**) и противъ пантеистическаго воззрѣнія о возможности отождествиться человѣку съ Богомъ выражается съ достаточнымъ неодобреніемъ; однако его мистическія откровенія и экстатическія бесѣды со всѣми умершими святыми (преимущественно съ Іисусомъ Христомъ) полны неудержимо фантастическихъ подробностей о загробномъ мірѣ, сокровенныхъ вещахъ и т.д. и даже наводятъ изслѣдователя на мысль о полубезсознательномъ обманѣ***). Заслуживаетъ вниманія младшій его современникъ ʿИззеддûнъ М а́ к д и с і й (Моķаддасій), умершій, вѣроятно, въ 1279 г.; онъ составилъ правовѣрное по внѣшности арабское подражаніе пантеистической ʿАттâровой „Бесѣдѣ птицъ" подъ заглавіемъ كشف الأسرار عن حكم الطيور والأزهار гдѣ цвѣты и птицы своими качествами служатъ свидѣтельствомъ бытія и мудрости Творца****). Къ числу правовѣрныхъ мистиковъ

---

*) По Броккельманну оказывается (т.I, 1898, стр. 442), будто „Мекканскія откровенія" не изданы. Но я самъ лично пользовался каирскимъ изданіемъ.

**) Онъ даже зâhиритъ, т.е. врагъ преданій, искажающихъ коранскую догму.

***) Кремеръ: Ideen (1868), 102 сл.; Гольдціэръ: Ẓâhiriten (1884), 185.

****) Изданіе Ма́кдисіевыхъ „Птицъ и цвѣтовъ" съ франц.переводомъ: Les oiseaux et les fleurs, trad. p. G. de Tassy, Пар. 1821; есть и египетскія изданія безъ перевода. По-нѣмецки перевелъ Пейперъ: Stimmen aus dem Morgenlande, Гиршб. 1850, стр. 165-265. Срв. библіографію еще у Броккельманна: Gesch. d. ar. Litt. I (1898) 451.- По-русски

арабскаго суфійства относится также врагъ философской логики, но прославленный полигисторъ и энциклопедистъ другихъ наукъ египтянинъ С о ю̂ т ы й (ум. 1505), мистическій аскетизмъ котораго, сказать кстати, не помѣшалъ ему проявить болѣзненную учено-честолюбивую заносчивость*). Очень подходитъ къ типу старо-арабскаго суфійства и вообще къ духу трезвыхъ арабовъ знаменитый Ш а̊ʿр а̂ н і й (ум. 1565); ему принадлежитъ много теоретическихъ и историческихъ сочиненій о суфій-

---

есть обзоры или рецензіи этого сочиненія, данные по случаю франц. перевода Гарсена де Тасси: - а) Нравственныя аллегоріи арабскаго писателя Аз-Еддина Елмокаддези — „Благонамѣренный" 1824, ч.27 (стр. 312-323); - б) Птицы и цвѣты. Нравственныя аллегоріи —рец. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1824, N.88; - в) подъ тѣмъ же заглавіемъ —въ „Московскомъ Телеграфѣ" 1826, ч.9 (N.11, стр. 204-219; N.12, стр. 280-301).

*) Онъ очень охотно выставлялъ на видъ всѣмъ, что Богъ его сподобилъ изучить семь научныхъ отраслей, и не преминулъ, понятно, распространиться объ этомъ и въ своей хвастливой автобіографіи. Ша̊ʿра̂ній (который въ своемъ біографическомъ словарѣ „Табака̂т" посвятилъ Сою̂тыю въ концѣ особую главу) сообщаетъ, что Сою̂тый руководился правиломъ Кора̂на: „Повѣдай о милостяхъ твоего Господа", и собственно лишь поэтому любилъ показывать людямъ свои знанія и свое превосходство въ наукѣ, но люди не понимали истинныхъ побужденій праведнаго подвижника и говорили: „У этого человѣка огромное самомнѣніе". Надо замѣтить, что и Шаʿра̂ній написалъ про себя такую самоупоенную автобіографію, которая заткнетъ за поясъ, пожалуй, самого Сою̂тыя; но, дѣйствительно, Сою̂тый былъ выдающійся ученый и талантъ.

ствѣ. Онъ былъ искреннимъ мистикомъ, но мистицизмъ не дѣлалъ его равнодушнымъ къ исламу, а наоборотъ — позволялъ находить мусульманство единымъ, несмотря на его четыре богословскихъ толка. Общественныя убѣжденія Шаʿранія — демократическія, и по поводу аскетизма онъ высказываетъ ту мысль, что многочисленные тяжелые поборы, налоги и вымогательства со стороны египетскаго (тогда ужъ османскаго) правительства и высшаго духовенства (улемовъ) дѣлаютъ для египетскаго феллâха обыкновенную мірскую жизнь невыносимой, и потому въ суфійскомъ аскетизмѣ, нестяжательности и отреченіи отъ суетъ міра египтянинъ (временъ Сулейкана Великолѣпнаго) долженъ видѣть для себя не потерю благъ, а какъ разъ обратно — большую практическую жизненную выгоду. Подавленный податями, поборами и налогами, онъ — по словамъ Шяʿрâнія — не можетъ не воскликнуть: يَا فَرَحَ مَنْ لَا لَهُ مُلْكٌ = "О, какая радость тому, у кого нѣтъ владѣнія!" *).

Популяризаціи идей суфійства персидскаго среди арабовъ содѣйствовало, начиная съ 16-го вѣка, основаніе О с м а н с к о й и м п е р і и, которая включила въ свои предѣлы также территорію арабскаго племени, тогда какъ въ литературномъ отношеніи рабски подчинилась Персіи. Иногда даже нѣкоторые султаны (особенно Мурадъ III, 1574-1595) прямо на-

---

*) См. выписки изъ „Водопойнаго моря البَحْرُ المَوْرُودُ изд. и перев. Кремеромъ съ рукописи, въ Journ. Asiat. 1868, февр.- мартъ; въ печатн. египп. изданіяхъ все, что компрометтируетъ улемовъ, исключено.

саждали дервишество на западѣ, строя дервишескіе монастыри въ Каирѣ и др.*).

Что арабское суфійство, несмотря на его отчужденность отъ восточнаго по вопросамъ мусульманской догматики, всегда еще остается способнымъ (въ лицѣ отдѣльныхъ индивидовъ) сливаться съ восточнымъ, видно изъ примѣра поздняго суфія ʿА б д о л ь - Ѓ а н ӣ Н â б о л ь с ӣ (= Сихемскаго) (ум. 1730), мистическаго поэта и автора извѣстныхъ толкованій къ стихамъ ʿОмара ибнъ-аль-Фâрыда**); вліяніе персидскихъ идей у него черезчуръ ясно***). Однако въ общемъ можно установить какъ фактъ, что трезвый, склонный къ сомнѣнію умъ арабскаго сýфія обыкновенно не даетъ его мистицизму уклониться отъ о р т о д о к с а л ь н о с т и; мистическаго вдохновенія у него такъ мало, что бóльшая часть арабскихъ суфійскихъ произведеній (это я ужъ отмѣтилъ выше) — прозаическія разсужденія, а не поэтическія произведенія, въ противность тому, что мы видимъ у персовъ.

---

*) Кремеръ: Gesch. der herrsch. Ideen (1868), 262-263.

**) Съ комментаріями ʿАбдаль-Ѓанîя диванъ ибнъ-аль-Фâрыда былъ издаваемъ въ Марсели 1853 (= Парижъ 1855), въ Каирѣ 1289, 1306, 1310, и пр., - см. у меня въ „Арабской поэзіи" (1906), стр. 337-338. Составить представленіе объ этихъ комментаріяхъ и ихъ духѣ можно и по отрывку, переведенному на русскій языкъ у Холмогорова въ „Очеркѣ ист. араб. литер." (1882), стр. 316-320, изъ толкованій на „Хамріййе".

***) Срв. Кремера: Abdalghany's Reisen въ Sitz.-Ber. der Wiener Akad. 1850, дек.

ВОСТОЧНЫЙ СУФИЗМЪ СЪ XI ВѢКА ДО СЕФЕВИДОВЪ: Онъ проникаетъ всѣ явленія идейной жизни Ирана. Общественныя бѣдствія поры тюркскихъ междоусобій и монгольскаго погрома содѣйствуютъ суфійскому процвѣтанію въ Иранѣ; главные дервишескіе ордены. Талантливая персидская литература XI-XVI вв. — сплошь подъ суфійскимъ вліяніемъ. Вліяніе персидской литературы и культуры на возникшую Турцію. Общій характеръ тогдашнихъ персидской и османской литературъ. Чтобы лучше понять ихъ воздѣйствіе на восточный міръ, надо ближе вникнуть въ основы суфійской теологіи и морали.

Какъ ни велико вліяніе суфизма на западѣ исламскаго міра съ XI вѣка, оно не сравнится съ тѣмъ, какое, на востокѣ, одновременно имѣлъ суфизмъ персидскій. Онъ продолжалъ быть неправовѣрнымъ (сдѣлался развѣ болѣе сдержаннымъ въ выраженіяхъ, потому что печальная участь черезчуръ откровеннаго Ḫаллâджа, Бистâмія, Шельмеѓáнія и прочихъ не могла не быть поучительнымъ урокомъ),- и тѣмъ не менѣе съ XI вѣка суфизмъ этотъ проникъ ужъ во всѣ проявленія духовной жизни Ирана (нѣсколько позже — и завоеванной мусульманами Индіи, а еще позже — и Турціи).

Сильнѣйшей причиной суфійскаго усиленія въ Иранѣ было наступленіе эпохи разорительнаго нашествія тюрковъ (Маḫмŷда Газневидскаго, сельджуковъ) и полуторавѣковыхъ междоусобій разложившейся Сельджукской имперіи, а еще болѣе существенной причиной — всепогромное нашествіе монголовъ и періодъ ихъ владычества. Характерный симптомъ для исторіи развитія суфизма — тотъ, что въ XII-XIII вѣкѣ, т.е. какъ разъ въ кровавую эпоху междоусобнаго разложенія сельджукской имперіи и въ

безпросвѣтную эпоху монгольскаго лихолѣтья, возникли всѣ важнѣйшіе дервишескіе ордены. А важнѣйшіе дервишескіе ордены вотъ какіе*):

Ḳâдиріййе, - дервиши, ведущіе начало отъ ʿАбдоль-Ḳâдира Гилâнскаго (1078-1166).

Рифâʿыййе - отъ Аҳмеда Рифâʿî (ум. 1182).

Ŷнисійй - отъ Ŷниса ибнъ-Мосâйда (ум. 1222).

Чиштіййе - отъ Моʿйнеддина Сиджзî Чиштî (род. 1142, ум. въ Эджмîрѣ 1236).

Соһрâвердіййе - отъ ʿОмара Соһрâвердія (1145-1234)**).

Мевлевіи - отъ Джелâледдîна Рŷмî (1207-1273). Этотъ орденъ еще называется „вертящимся". Онъ никогда не могъ привиться у арабовъ.

Шаз̤иліййе: - отъ тунисца Шâз̤алî (ум. 1258).

Накшбендіййе отъ Пîръ-Моҳаммеда Беһâддîна Накшбендî (ум. 1389; основ. въ 1319?). Орденъ накшбендіевъ развился изъ остатковъ дервишества „тейфŷріййе", т.е. сторонниковъ шейха

---

*) У Этé въ „Grundriss"-ѣ (1896) можно найти болѣе полный перечень (II, 364 и слѣд.). Въ библіографическомъ отношеніи больше даетъ Броккельманнъ: „Gesch. der arab. Litter." I (1898), стр. 435 и слѣд.

**) Не надо смѣшивать (какъ это дѣлаютъ даже восточные авторы) этого ʿОмара Соһрâвердія съ иллюминатомъ-неоплатоникомъ Яҳьею Соһрâвердіемъ (казн. 1191), который тоже является главою дервишескаго ордена и о которомъ рѣчь пойдетъ ниже. Про ʿОмара Соһрâвердія см. Grundriss II, 292; Броккельманнъ I (1898), 440.

Бâязйда Тейфŷра Бистâмія (ум. 875)*), но теперь главный патронъ — св. Пйръ-Беhâддйнъ Накшбендй. Его могила**) - у Бухарй.

Саадіййе отъ Саʿеддйна Джибâвія (1335).

Сверхъ нихъ есть еще много другихъ дервишескихъ орденовъ, но они менѣе распространены, и потому я о нихъ говорить не буду, хотя между ними есть очень замѣчательные съ исторической точки зрѣнія. Отмѣчу еще, развѣ, орденъ „просвѣтленныхъ", основанный совершенно яснымъ неоплатоникомъ-шіитомъ философомъ Яхъею Соhрâвердіемъ, который погибъ (1191) очень печально. Родомъ онъ персъ, и значительную часть своей жизни провелъ въ Персіи, но конець жизни протекъ у него въ Сиріи, и казнь его состоялась тамъ же. Въ Алеппо донынѣ показывается гробница, гдѣ похороненъ „шейхъ-мактŷль" (= казненный шейхъ)***).

Эти дервишескіе ордены могли казаться ортодоксамъ, особенно если они распространялись и на западѣ, отвратительно

---

*) О Бâязйдѣ Тейфŷрѣ см. выше, стр.64.

**) См. про могилу Беhâддйна Накшбендія и легенды о ней - у И. Гольдціэра: „Muhammedanische Studien", т. I (1889), стр. 257, въ статьѣ о поклоненіи святымъ. Библіографическія данныя о немъ — у Броккельманна, т. II (1902), стр. 205.

***) Не надо смѣшивать этого радикала Яхъю Соhрâвердія съ основателемъ умѣреннаго толка дервишей ʿОмаромъ Соhрâвердіемъ (ум. 1234); того мы назвали нѣсколько выше (стр.81). Что же касается этого неоплатоника шіита

еретическими, могли подвергаться даже дѣятельному преслѣдованію (я только что упоминалъ про казнь Соhрâвердія въ Ḫалябѣ) и все-таки распространялись съ неслыханной быстротой всюду, среди широкихъ массъ народа; самый образъ жизни бродячихъ дервишей, не сидящихъ взаперти въ монастыряхъ, содѣйствовалъ повсемѣстной популяризаціи ихъ ученія.

Прочное господство въ восточно-мусульманскомъ мірѣ суфизмъ завоевалъ себѣ еще тѣмъ, что составилъ собою главное содержаніе и украшеніе персидской литературы, столь богатой первоклассными талантами. Таланты, которыми блещетъ персидская литература, дѣйствительно велики, и они не могутъ не покорять персовъ суфизму. Достаточно намъ вспомнить, напримѣръ, такія имена ṣӯфіевъ-поэтовъ: Хеййâмъ, которому даже въ Европѣ и въ Америкѣ создался прямой культъ (суфійство Хеййâма, конечно, имѣетъ свои особыя отличія), Сенâій, Низâмій, ʿАттâръ, Джелâледдӣнъ Рӯмій, Саʿдій, Ḫâфизъ, Джâмій, равно какъ характернѣйшій изъ позднѣйшихъ суфійскихъ поэтовъ Индіи — Фейзій съ его гимнами свѣту солнца. Могъ ли

Яḫъи Соhрâвердія, отъ котораго ведутъ начало дервиши-нӯрбехшіййе, т.е. „просвѣтленные", или иллюминаты, то онъ, находясь въ Ḫалябѣ (Алеппо), свои убѣжденія высказывалъ черезчуръ явно, и правовѣрные добились въ 1191-мъ году его казни отъ Малика Зâhира, сына султана Салâхеддӣна (Саладина). См. Кремеръ: Ideen (1868) стр. 89-100, въ частности о дервӣшахъ нӯрбехшіййе 90 (сноска); Броккельманнъ: Gesch. der arab.Litter.I (1898), 437-438, о нӯрбехшіййе и о сохранившихся произведеніяхъ Яḫъи Соhрâвердія; Edw.Browne: A literary history of Persia, т.II(1906), стр.493-497 про обоихъ Соhрâвердіевъ (бѣглс).

и можетъ ли персъ, читая такихъ могучихъ поэтовъ (ниже которыхъ считалъ себя даже Гете) не поддаться обаянію ихъ идей?

Когда образовалось Османское государство (1300), оно сразу подчинилось въ умственномъ отношеніи персидской литературѣ и наукѣ. Поэтому и въ немъ, несмотря на его суннизмъ и неоднократное противодѣйствіе духовенства, среди народныхъ массъ распространилось дервишество, а вся турецкая литература проникнута теософіей, какъ и въ Персіи*).

Отличительные признаки литературы персидской, какъ и ея слѣпой подражательницы - турецкой, это - глубина и высота содержанія, сказывающаяся особенно въ идеѣ о необходимости чистоты сердца, въ призывахъ къ вѣрѣ внутренней, а не наружной, въ побужденіяхъ къ подавленію эгоистическихъ страстей; и при этомъ - художественная образность, блескъ и богатство поэтическихъ красокъ. Одни изъ суфійскихъ поэтовъ сильны своимъ прочувствеованнымъ лиризмомъ; другіе удачно и образно, путемъ притчъ, разсказовъ и остроумныхъ разсужденій, доказываютъ правильность суфійскихъ воззрѣній и популяризуютъ суфійскія доктрины. Для полной оцѣнки произведеннаго ими вліянія на общество, надо намъ точнѣе познакомиться съ системой ученія суфіевъ, и притомъ не прозаиковъ, а именно поэтовъ, потому что вѣдь ихъ

---

*) См. любого изъ писателей, характеризованныхъ у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы" (М. 1910).

вліяніе и было самое сильное*).

Конечно, такъ какъ поэтическое изложеніе не есть научное разсужденіе, то изложенъ суфизмъ у персидскихъ (и турецкихъ) поэтовъ не въ видѣ рѣзко-очерченной, непоколебимой философской догматики, а напротивъ - хоть и въ стройной, но въ причудливо-неопредѣленной системѣ; у разныхъ суфійскихъ поэтовъ только главныя черты доктринъ одинаковы, а въ подробностяхъ, въ истолкованіяхъ, замѣчается разнообразіе. Попытаемся все-таки дать общій очеркъ суфійской системы востока.

ТЕОЛОГІЯ, ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ТЕОРІЯ И ЭТИКА, ПРОПОВѢДЫВАЕМЫЯ СУФІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ XI-XVI В.: Пантеистическія представленія о Божествѣ. Необходимость возсоединенія съ Божествомъ и подготовительныя стадіи. Стадія „соблюденія закона". Ṭäриķäтъ; старцы и мюрйды. Экстазъ и стадія мäрифета; равенство добра и зла. Хаķйķäтъ и отождествленіе съ Богомъ.

Теологія восточнаго суфійства (персидскаго, индійско-персидскаго и турецкаго), это —обыкновенныя пантеистическія представленія о Богѣ, Который есть Все во Всемъ, Который содержится въ мірѣ и въ Которомъ міръ содержится, изъ Котораго міръ истекъ и въ Котораго міръ обратно втечетъ. Міръ (матерія) есть, такимъ

---

*) Суфійскихъ прозаиковъ персидская литература знаетъ, къ тому же, крайне мало; изъ нихъ старѣйшіе и важнѣйшіе - Ķошейрій и Джоллâбій XI в., о которыхъ мы упоминали выше и къ которымъ вернемся при обзорѣ источниковъ. Изъ нихъ Джоллâбій сдѣлался для всѣхъ доступенъ путемъ изданія лишь очень недавно.

образомъ, эманація Божества, и самъ по себѣ онъ имѣетъ лишь призрачное существованіе: его видимое разнообразіе въ формахъ и краскахъ — обманъ нашихъ чувствъ; это разнообразіе - такое же кажущееся, какъ разнообразіе разноцвѣтнаго игрушечнаго деревца, тонко вылѣпленнаго изъ воску: два-три нажима теплымъ пальцемъ, обращающіе эту хрупкую игрушку въ единообразную сѣрую массу, могутъ воочію показать каждому наблюдателю, что разнообразіе формъ, очертаній и цвѣтовъ того воскового дерева было лишь мнимое. Словомъ, міръ единъ, какъ едино Божество.

Божество разлито во всемъ мірѣ въ видѣ Всемірной Души; въ человѣкѣ есть ея часть, и высшее счастье человѣка - отрѣшиться отъ личнаго „я", порожденнаго матеріей тѣла, погрузиться въ созерцаніе Божества (это называется مُرَاقَبَة мо-рâкабе = буддійское дҺйâна), расплыться въ Немъ, словно капля въ океанѣ (فنا фенâ = буддійское нûрвâна) и, такимъ образомъ, в о з с о е д и н и т ь с я с ъ Н и м ъ (إتّحاد иттихâдъ, тавхûдъ). Для достиженія этого идеала у сӯфіевъ рекомендуются постепенныя с т а д і и, или ступени (مَنَازِل манâзиль), - все равно какъ и у неоплатониковъ, буддистовъ, христіанскихъ аскетовъ-сиріянъ и пр. Такихъ стадій или ступеней обыкновенно насчитываютъ въ суфійской практикѣ лишь четыре (по ʻАттâру — 7, по другимъ — еще больше).

П е р в а я с т а д і я — ш ä р î ʻ ä т ъ شريعت (ة) (= „законъ"), т.е. ревностное, точнѣйшее исполненіе всѣхъ предписаній исповѣдываемой позитивной религіи; для мусуль-

манина такимъ шаріатомъ будетъ соблюденіе мусульманства, - т.е. благочестивая жизнь согласно заповѣдямъ Корана и общепринятаго богословія. Эта стадія — лишь подготовленіе къ суфійству, лишь искусъ.

Вторая стадія — тäрйкäтъ (طَرِيقَت = путь), а заключается она вотъ въ чемъ. Когда шäріäтскій періодъ искуса законченъ и человѣкъ достигъ совершенства въ исполненіи шäріäта, т.е. достигъ, такъ сказать, совершенства мірского, онъ смѣетъ уже стремиться и къ болѣе высокому совершенству, смѣетъ приступить къ мистицизму, посредствомъ котораго могъ бы въ концѣ концовъ не только познать истину, но даже слиться со Всемірной Душой и Божествомъ воедино. О человѣкѣ, который рѣшилъ непремѣнно стремиться къ единенію съ Божествомъ, суфіи говорятъ, что онъ вступилъ на „путь" طريقت тäрйкäт, т.е. на путь или на стезю мистицизма, на путь истины, и это стремленіе будетъ вторая степень человѣческаго совершенства. Что же суфій долженъ дѣлать, ступившіи на „путь"? Такъ какъ единенію съ Богомъ препятствуетъ человѣческое „я" منى, то надо прежде всего добиваться уничтоженія этого своего „я". Средствами къ этому служатъ: прежде всего — отрѣшеніе отъ стяжанія (надо быть „бѣднякомъ"; по-персидски бѣднякъ - „дервйшъ", по-арабски „факйръ"); далѣе — изнуреніе плоти (аскетизмъ), стараніе избавляться отъ страстей, какъ плотскихъ, такъ и другихъ; а важнѣе всего въ тäрйкäтѣ — стараніе избавиться отъ личной воли, какъ отъ

главнѣйшаго проявленія своей личности. Какъ видимъ, это очень похоже на христіанское монашество (которое требуетъ трехъ обѣтовъ: отреченія отъ имущества, отъ семьи и отъ личной воли); но есть отличія: христіанскій монахъ безусловно покидаетъ семью и міръ и уходитъ въ монастырскую келью, между тѣмъ мусульманинъ, ступивши на суфійскій тäрîкäтъ, воленъ остаться въ мірѣ и семьѣ; и опять показываетъ, что суфизмъ - преимущественно аскетизмъ житейскій, хотя, разумѣется, не мало сӯфіевъ совершаютъ свой тäрîкäтъ, обращаясь въ бездомныхъ бродячихъ дервишей. Самое существенное въ тäрîкäтѣ — найти себѣ суфійскаго дервишескаго „с т а р ц а" (шейха شيخ, пîра پير), сдѣлаться его послушникомъ (مُريد мюрîдомъ) и, подъ руководствомъ этого избраннаго старца (который поэтому такъ и называется „мо́(ю)ршидъ" = руководитель, или „имâмъ = = предстоятель, глава; = брахм. „гуру"), стараться объ убіеніи въ себѣ собственной воли и личности. Для этого мюрîдъ слѣпо повинуется всѣмъ приказаніямъ шейха, какъ бы странны и противорѣчивы они ни могли показаться; онъ не смѣетъ даже разсуждать, добро или зло мю́ршидъ приказываетъ совершить. Вполнѣ понятно, что при такомъ направленіи всякія мелочи к о р а н с к и х ъ предписаній отходятъ на второстепенный планъ. Вмѣсто того чтобы соблюдать, напримѣръ, обряды, мюрîдъ, умерщвляя свою плоть аскетизмомъ, углубляется въ себя, постоянно и напряженно размышляетъ о Божествѣ (при чемъ за разрѣшеніемъ сомнѣній о Его природѣ обращается къ „старцу"), томится пылкой любовью къ Нему, и, наконецъ, путемъ экста-

тическаго припадка (حال хâль), являющагося способомъ для непосредственнаго общенія съ Божествомъ, сӯфіи доходятъ до третьей стадіи, именуемой مَعْرِفَة(ة) мäʿрифäт (= „познаніе").

Въ этой-то третьей стадіи, въ стадіи мäʿрифäта, человѣкъ и познаетъ сердцемъ единство вселенной въ Богѣ, призрачность видимаго міра и т.д.; и, подобно буддійскому аскету, находящемуся во 2-й степени дһйâны, сӯфій теперь ясно постигаетъ и равенство всѣхъ религій (всѣ онѣ — лучи одного вѣчнаго Солнца), равенство добра и зла, нравственности и безнравственности и т.д. Въ качествѣ „познавшаго" (عارف „ʿâрифъ") онъ отнынѣ и самъ можетъ быть для другихъ шейхомъ-моршидомъ. Моментъ экстаза (восторга, или мистическаго соединенія съ Богомъ), посредствомъ котораго сӯфій вошелъ изъ стадіи тâрîкäта въ стадію мäʿрифäта, обыкновенно повторяется еще не разъ,— главнымъ образомъ при помощи все того же изнуренія плоти. Этотъ желанный моментъ сӯфіи сравниваютъ съ полнымъ опьянѣніемъ, напряженнѣйшимъ моментомъ полового соитія (экстазъ и на самомъ дѣлѣ часто соединяется съ поллюціей) и т.п.; вотъ отчего мистическая лирическая поэзія сӯфіевъ полна восхваленій вина и возлюбленной.

Нѣкоторымъ ʿâрифамъ удается еще при жизни дойти до четвертой стадіи суфійства, называемой хäкы̂кäт حَقِيقَت(ة) (= „истина" или „отождествленіе съ Богомъ-Истиной"),- стадіи, въ которой ʿâрифъ чувствуетъ себя вполнѣ отождествленнымъ съ Божествомъ; въ этой стадіи онъ находится въ

непосредственномъ общенiи съ Богомъ, созерцаетъ Его не въ теченiи момента, а дольше, и пребываетъ, собственно, уже не на землѣ, а посрединѣ между бытiемъ и небытiемъ. До такого высокаго совершенства, до „хäкŷкäта", до погруженiя заживо-почти въ „фенâ" (нйрвâну), достигаютъ лишь очень немногiе, и они заслуживаютъ не только того, чтобы быть просто суфiйскими мýршидами-имâмами, — они достойны быть главами самыхъ мýршидовъ (которые въ такихъ случаяхъ считаютъ себя только „нâибами" = намѣстниками своего „имâма").

Итакъ, суфiйская община имѣетъ въ хäкŷкäтѣ лишь очень и очень ограниченное число членовъ. Могучiе по своему нравственному влiянiю старцы-мýршиды, какъ сказано, выбираются людьми тäрŷкäта изъ тѣхъ (тоже не слишкомъ многихъ) сŷфiевъ, которые посредствомъ экстаза достигли степени „мäрифäта". Простые мюрŷды идутъ себѣ тäрŷкäтомъ. А народная масса не восходитъ далѣе шäрîäта.

Въ вышеизложенную рамку (которую, конечно, можно начертать и не такъ грубо и эмпирически, какъ это я сдѣлалъ, а болѣе философски)*) всегда удастся, съ бóльшими или меньшими модификацiями, втиснуть теософскую и этическую систему каждаго сŷфiя**), и потому нѣтъ необходимости указывать по-

---

*) Срв. Мерксъ: Grundlinien (1893), стр. 26-29.

**) Изъ другихъ сводныхъ очерковъ системы суфизма слѣдуетъ особенно отмѣтить обстоятельное изложенiе Толука въ его латинской книгѣ: Ssufismus (Берл. 1821). По-французски довольно обстоятельный опытъ изложенiя суфiйской доктрины

дробнѣе субъективныя отличія въ доктринѣ того или другого изъ отдѣльныхъ персидскихъ, индійско-персидскихъ и подражательныхъ турецкихъ поэтовъ эпохи главнаго разцвѣта суфійской литературы, т.е. отъ XI до XУI вѣка. Продолжимъ лучше дальнѣйшую исторію восточнаго суфійства, отъ сефевидовъ до нашихъ дней.

ВОСТОЧНОЕ СУФІЙСТВО СЪ ЭПОХИ СЕФЕВИДОВЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ: Антисоціальность дервишескаго нигилизма и политическая сила дервишей, какъ причины реакціи правительствъ противъ суфійства. Гоненіе, воздвигнутое шіитскимъ духовенствомъ. Безуспѣшность гоненій. Нынѣшній суфизмъ Персіи, Индіи и Афганистана. Дервиши въ Россійскихъ предѣлахъ. Начало мюридизма на Кавказѣ и тридцатилѣтняя война мюрйдовъ противъ Россіи.

По поводу теоріи равенства добра и зла, неабсолютности нравственности и безнравственности предполагается, что познавшій это суфійскій аскетъ, которому удалось уже убить свою личность и погрузиться въ созерцаніе Божества, самъ ужъ не пожелаетъ творить такъ называемое зло, а напротивъ —его поступки всегда

сдѣланъ у Гарсенъ-де-Тасси въ его „Poésie philosophique“ (2-е изд., Пар. 1864). По-нѣмецки очень похожій опытъ—у Этé въ статьѣ о Джеля̂леддйнѣ Ру̂мй,- въ его „Morgenländische Studien“ (Лейпц. 1870). По-англійски - у Уинфильда въ его введеніи къ Джеля̂леддйнову „Masnavi-i Ma'navi“ (Лонд. 1887). По-русски очень важна рѣчь проф. В.А.Жуковскаго, читанная на годичномъ актѣ петербургскаго университета: „Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ" (СПБ. 1895). Прочія сочиненія съ изложеніемъ суфійской доктрины (въ томъ числѣ болѣе новыя) перечислены мною ниже, въ общемъ обзорѣ литературы по суфійству.

будутъ являться такъ называемыми добрыми. Но и въ суфійствѣ по временамъ случалось то, что случалось и въ прочихъ пантеистическихъ религіяхъ.—„Пойдемъ ли мы южнымъ берегомъ Ганга,"— учитъ выродившееся брахманство,- „станемъ ли убивать и поощрять къ убійству, разрушать, жечь,- мы тѣмъ не навлечемъ на себя никакой отвѣтственности: за вину не существуетъ возмездія. Переправимся на сѣверный берегъ Ганга, станемъ раздавать дары и приносить жертвы,- это не сочтется добрымъ дѣломъ: за такія дѣла не существуетъ награды"*). Вотъ такъ же и въ суфійствѣ случалось, что дервиши, познакомившіеся съ теоріей о дозволительности нигилизма, но не дошедшіе до этого сознанія собственнымъ подвигомъ, позволяли себѣ проводить нигилизмъ на практикѣ и, такимъ образомъ, дѣлались активно-вредными членами общества.

Пассивно-вредными они являлись почти всегда, въ качествѣ лѣнивыхъ тунеядцевъ, живущихъ на счетъ общества. Въ разговорномъ турецкомъ языкѣ слово صوفی (а произносится у турковъ оно „софу") —пріобрѣло даже смыслъ: „х а н ж а".

Далѣе: даже вполнѣ искренніе, святые дервиши-аскеты бываютъ опасны для общественнаго спокойствія или, по крайней мѣрѣ, для спокойствія правящихъ классовъ, потому что дервишескіе шейхи, держа своихъ наэлектризованныхъ послѣдователей въ безпрекословномъ повиновеніи, могутъ производить п о л и т и ч е с к і е п е р е в о р о т ы, основывать

---

*) Г.Ольденбергъ: Будда, его ученіе, жизнь и община. М.1884, стр.60.

цѣлыя царства, династіи и т.д., что не разъ и случалось*).

Поэтому государственные люди послѣмонгольской Персіи (а тѣмъ болѣе Турціи), несмотря на укрѣпившуюся популярность суфійства въ обществѣ, не разъ стремились наложить на него узду; клерикальное бюрократическое духовенство содѣйствовало имъ въ этомъ.

Такъ, еще въ начальныя времена новошіитской династіи Ҫефевидовъ, шахъ Таhмаспъ I (1524-1576), при всей своей политической слабости, изгналъ было изъ Персіи мевлевîевъ, т.е. дервишей ордена Джелâледдûна Рŷмû. А въ дальнѣйшей жизни новошіитскаго Ирана суфійству грозили новыя репрессіи. Шіитское духовенство, которое, съ оффиціальнымъ введеніемъ іерархическаго шіизма въ Персіи династіей Сефевидовъ, постепенно обратилось изъ вольнодумныхъ богослововъ въ клерикально-чиновническій (бюрократическій) классъ**), все больше и больше

---

*) См. I главу въ моемъ „Очеркѣ развитія суфизма" (М.1895). Количество примѣровъ можетъ быть значительно еще увеличено, въ томъ числѣ примѣромъ изъ жизни Россійской имперіи: указаніемъ на очень недавнее, подготовленное дервишами (и, конечно, русскими поборами) Андиджанское возстаніе 1899 года, которое грозило причинить Россіи въ Средней Азіи такія же хлопоты, какія причинены были въ свое время на Кавказѣ движеніемъ мюрûдовъ Шамиля.

**) См. объ этомъ въ III части „Исторіи Персіи", при началѣ изложенія исторіи Ҫефевидовъ (стр. 247-248, 285-286) и въ особой главѣ, посвященной шіитству (особ.стр. 313-314). См. объ этомъ также въ моей книжкѣ „Мусулманство і його будучність" (Львів 1904), ст.46-47 (по русскому первому изданію это будутъ стр. 34-35).

чувствовало вражду къ суфійскому мистицизму съ его пропов̂ѣдью о возможности имѣть общеніе съ Богомъ безъ посредниковъ*). Наконецъ въ XУIII-мъ вѣкѣ эта клерикальная вражда разразилась въ видѣ гоненій. Преслѣдовалъ ç̂уфіевъ и послѣдній çефевидъ Солт̂анъ-Хосейнъ (1694-1722), бывшій игрушкою въ рукахъ муллъ; преслѣдовалъ ихъ и регентъ Кер̂имъ-х̂анъ (1760-1779), и регентъ, наслѣдовавшій ему, хотя въ общемъ эти регенты были далеко не изверги; но особенно яростную травлю противъ ç̂уфіевъ подняло шіитское духовенство въ первые времена династіи Ķ̂адж̂аровъ, т.е. въ концѣ XУIII вѣка: начало царствованія Фетхъ-Ал̂й-ш̂аһа (1797-1834) ознаменовалось самымъ жестокимъ гоненіемъ на с̂уфизмъ.

Однако суфизмъ не былъ подавленъ. До настоящаго времени д е р в и ш е с т в о имѣетъ въ восточно-мусульманскомъ мірѣ огромную силу у п р о с т о г о н а р о д а. А среди болѣе и н т е л л и г е н т н ы х ъ классовъ персидскаго общества суфійство является въ видѣ практической в о л ь н о д у м н о й ф и л о с о ф і и, которая въ вопросахъ метафизики даетъ разрѣшеніе пантеистическое, въ вопросахъ этики —скептическое; при этомъ она совѣтуетъ человѣку умѣренно наслаждаться жизнью, не дѣлая себя однако рабомъ наслажденія и равнодушно относясь къ мысли о возможности лишиться его. Любимые поэты такихъ ç̂уфіевъ —Хей̂ямъ и Ḫ̂афизъ, толкуемые не въ аллегорическомъ, а въ прямомъ гедоническомъ, эпику-

---

*) Срв. Гольдціэръ: Muhamm. Studien, II (1890), 291.

рейскомъ смыслѣ. Изъ-за подобныхъ ҫӯфіевъ самое слово „ҫӯфій" часто употребляется въ живомъ персидскомъ языкѣ просто въ значеніи „вольнодумецъ", безъ всякаго даже отношенія къ тому, что мы называемъ суфизмомъ*).

Въ И н д і и суфизмъ къ настоящему времени почти слился съ широко распространенной системой В е д а н т ы. Надо добавить, что Веданта,— философія, заимствованная брахманами изъ буддійства и разработанная дальше, одна изъ шести главныхъ школъ индійской философіи (слово „Вед-анта" значитъ „конецъ Ведъ"),- дѣйствительно представляетъ своею пантеистическою теософіей чрезвычайное сходство съ суфійствомъ. Изъ числа Великихъ Моголовъ много содѣйствовалъ сліянію суфійства съ хиндуизмомъ знаменитый примиритель религій Акбаръ (1556--1605).

Въ А ф г а н и с т а н ѣ, гдѣ оффиціально исповѣдывается с у н н и з м ъ, дервишество чрезвычайно сильно, и правительство принуждено внимательно и предупредительно считаться съ нимъ; но тамъ мистическій суфизмъ, хоть и рабски находится подъ персидскимъ вліяніемъ, старается сохранить теистическую окраску**).

---

*) Сравн. сообщенія Шардена, Морьера, Малькома. Точно также въ русскомъ языкѣ кличка „фармазонъ" вовсе не указываетъ на принадлежность титулуемаго такъ человѣка къ франкмасонству.

**) О вліяніи дервишей въ Афганистанѣ много свѣдѣній разбросано въ Chants populaires des Afghans Дж.Дарместетера (Па-

Въ Россіи дервиши распространены преимущественно въ Средней Азіи, и тамъ они иногда причиняли русскому правительству такія затрудненія, какъ совсѣмъ еще недавно подавленное Андиджанское возстаніе (1899, которое, правда, не вспыхнуло бы безъ русскихъ поборовъ), или, въ прежнія времена, смуты среди степныхъ кочевниковъ. Наиболѣе страшнымъ и сильнымъ врагомъ Россіи показалъ себя суфизмъ на Кавказѣ,куда и занесенъ-то онъ былъ только въ XIX вѣкѣ. Для оцѣнки политической силы дервишества очень интересно прослѣдить начало мюридизма на Кавказѣ, довольно характерное.

Въ 1823 году бухарецъ Хассъ-Мохаммедъ принесъ персидское суфійское ученіе на Кавказъ, въ деревню Ярагларъ, кюринскаго ханства (въ прибрежномъ Дагестанѣ), и обратилъ въ суфизмъ Муллу-Мухаммеда. Тотъ, по совѣщаніи съ другими духовными, пришелъ къ заключенію, что только въ суфійскомъ ṭарîḳатѣ лежитъ залогъ возрожденія и оживленія падающаго ислама: благодаря ṭарîḳату, ислâмъ возродится не только нравственно, но и политически, а тогда кавказцы свергнутъ съ себя иновѣрное, русское иго. Воодушевляемые послѣдней идеей (которая на первыхъ порахъ скрывалась отъ русскихъ властей), горцы массами стали усвоивать новое ученіе; Мулла-Мухаммедъ былъ признанъ за мюршида („старца-руководителя"). Между прочими пришелъ въ Ярагларъ и послѣдовалъ тарикату талантливый Гази-Мулла (иначе Казы-Мулла), мусульманскій ученый

рижъ, 1888-1890), между прочимъ и во введеніи, гдѣ данъ очеркъ исторіи афганскаго народа.

богословъ (онъ же Газы-Мухаммедъ; род. въ 1795 году въ Гимрахъ, во внутреннемъ Дагестанѣ, и былъ тамъ муллой). Онъ сталъ ходить по горнымъ ауламъ Дагестана съ проповѣдью тариката и за свою святую подвижническую жизнь, доведшую его до „маᶜрифата", пріобрѣлъ много мюрйдовъ. Къ концу 1829 года онъ распространилъ новое ученіе въ значительной части Чечни и Дагестана, и мюрйдовъ въ полномъ его распоряженіи было до 15,000. Мечтая объ основаніи всемусульманскаго халифата, онъ провозгласилъ себя имâмомъ („имâмомъ" въ суфійскомъ смыслѣ, т.е., такъ сказать, „папой-императоромъ" для своихъ послушниковъ) и (1829) объявилъ противъ русскихъ и тѣхъ, кто будетъ въ союзѣ съ ними, священную войну, „газâватъ". Въ 1830 году дѣла Газы-Муллы стояли посредственно, но въ 1831 году онъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ надъ русскими войсками, и это обстоятельство сильно подняло духъ горцевъ. Въ 1832 году (17 октября) баронъ Розенъ, послѣ упорнаго штурма, взялъ Гимры; Газы-Мулла съ 15 избранными (въ числѣ которыхъ былъ Шâми́ль) заперся въ башнѣ, потомъ попытался прорваться и, въ схваткѣ, былъ убитъ. Новый имамъ Гамзатъ-бекъ (1832-1834) былъ человѣкъ неэнергичный и неспособный; его имамство ознаменовалось только истребленіемъ тѣхъ вліятельныхъ горцевъ, которые не сочувствовали суфійству, и - въ томъ числѣ - истребленіемъ древняго владѣтельнаго дома хановъ аварскихъ. Когда аварцы составили заговоръ противъ Гамзата и убили его (1834), имамство захва-

тилъ Ш а̂ м и́ л ь, поднявшій кавказское мюри́дство на неслыханную до тѣхъ поръ на Кавказѣ степень могущества; дальнѣйшая исторія движенія связана съ его именемъ. Такъ какъ война съ Ша̂ми́лемъ общеизвѣстна во всѣхъ ея подробностяхъ изъ школьныхъ руководствъ, то я излагать ее не буду. Замѣчу лишь, что сломленъ былъ Ша̂ми́ль только черезъ д в а д ц а т ь п я т ь л ѣ т ъ (взятіе Гуниба состоялось 25 августа 1859 года).

О кавказскомъ мюридизмѣ см. литературу:

Н е в ѣ р о в с к і й: Краткій взглядъ на Дагестанъ въ топографическомъ и историческомъ отношеніи (СПБ. 1847).

Х а н ы к о в ъ: О мюридахъ и мюридизмѣ („Кавказъ" 1847, N. 15).

А. К а з е м ъ - Б е к ъ: а) Мюридизмъ и Шамиль: I. Очеркъ исторіи мюридизма на мусульманскомъ востокѣ. I. Мюридизмъ на Кавказѣ. III. Имамъ Шамиль („Русское Слово" 1859, N. 12, стр. 182-212); - б) О значеніи имама („Русское Слово" 1860, т. III).

Р о м а н о в с к і й: „Кавказъ и кавказская война" (СПБ. 1860).

А. Р у н о в с к і й: а) Мюридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ по объясненію Шамиля („Русскій Вѣстн." 1862, N. 12, стр. 646-685); б) е г о ж е: Кодексъ Шамиля („Военный Сборникъ", 1862, т. 23).

Безъ подписи: „Н и з а м ъ Ш а м и л я. Матеріалы для исторіи Дагестана, — о политическомъ устройствѣ Шамилевыхъ владѣній (въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ", Тифл. 1870, т. III, стр. 1-18).

А. Б е р ж е: Чечня и Чеченцы (Тифл. 1859, VII+ +140+карта) = прилож. къ Кавказск. Календарю на 1860 г.; рец. въ „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ" 1860, N. 6, стр. 1-19, и „Библіот. для Чтенія" 1860, т. 160, N. 7, стр. 9-11.

Ш е й х ъ - Д ж е м а л е д д и н ъ К а з и -

кумухскій: Ученіе о тарикатѣ, перев. съ арабской рукописи, въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ" (вып. II, 1869).

Мугеддинъ-Магометъ-Хановъ: Истинные и ложные послѣдователи тариката,- перев. съ предисловіемъ А.Омарова въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ" (вып. IV, 1870).

Статья Лилова — въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа", 1886, т.V-ый.

На этомъ мы можемъ и закончить нашъ краткій общій очеркъ суфійства, потому что болѣе обстоятельныя подробности намъ придется излагать еще не разъ ниже, при характеристикѣ отдѣльныхъ суфійскихъ поэтовъ или при обзорѣ и переводѣ ихъ произведеній.

2) ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ СУФІЙСТВА.

Главными, богатыми источниками по исторіи суфійства являются спеціальные труды и систематическіе обзоры, составленные, по-арабски, въ XI вѣкѣ. Такихъ главныхъ трудовъ (или комплексовъ трудовъ) - три, и къ нимъ надо добавить еще четвертый, нѣсколько иного рода, писанный по-персидски. Вотъ они:

1) Уже упомянутая арабская „Рисâле" 1045-го года имâма Кошейрія (ум. 1074)*).

2) Арабское „Раскрытіе сокровеннаго" كشف المحجوب имâма Джоллâбія (1057-го года), тоже упомянутое выше**).

---

*) Есть булакское изданіе Кошейріевой „Рисâле" 1284 (= 1867), каирское 1304 (= 1886). Краткій нѣмецкій конспектъ Алліоли 1835. См. подробнѣе выше, на стр. 71.

**) См. стр. 71, гдѣ отмѣчено индійское некритическое Лахорское изданіе и англійскій переводъ „The Kashf al-Mahjûb",

3) Написанные по-арабски „Разряды с̣у̂фіевъ", или «Стадіи» منازل السائرين (классификація и житія святыхъ с̣у̂фіевъ) и персидскіе псевдо - „Разряды суфіевъ" (извѣстные еще подъ разными другими заглавіями) Э н с̣ â р і я, „старца Херâтскаго" (ум. 1088)*). Энс̣âрій пользовался такимъ же сочиненіемъ на арабскомъ языкѣ: „Табак̣âт ас-с̣у̂фіййе" Со́ламӣ Аздӣ Нӣшâбу̂рскаго (ум. въ 1021-мъ году)**). Вся эта группа источниковъ еще не издана.

4) Обильнѣйшій матеріалъ для яркой картины житья-бытья персидскихъ дервишей XI вѣка представляетъ собою объемистая, написанная п о - п е р с и д с к и, исторія жизни и подвиговъ старца Абу̂-Са̒йда Мейhенскаго (967-1049), основателя дервишскаго монастыря въ Хорâсâнѣ и извѣстнаго автора четверостишій. Этотъ подробный трудъ, озаглавленный въ петербургскомъ изданіи: „Т а й н ы е д и н е н і я" ***), написанъ около 1200 года праправнукомъ старца Абу̂-Са̒йда —Мохаммедомъ ибнъ-эль-Мона́вваромъ, частью на основаніи болѣе стараго сборника, составленнаго во второй половинѣ XII вѣка его двоюроднымъ братомъ Кемâледдӣномъ ибнъ-Абу̂-Ровх̣омъ:

Никольсона (Лонд. 1911). Критическое изданіе персидскаго текста Джоллâбія, напечатанное проф. В.А.Жуковскимъ, еще не выпущено въ свѣтъ.

*) См. объ этихъ трудахъ Энс̣âрія въ 4-мъ выпускѣ I части „Исторіи Персіи" (1909), стр. 400. У Эте́ въ „Grundriss"-ѣ II (1896), стр. 282. У Броккельманна: „Gesch. der arab. Litt." I (1898), стр. 433.

**) См. про эту книгу Солламӣ у Эте́ въ Grundriss II (1896), 274 и 282: 34. У Броккельманна: Gesch. der arab.Litt. I (1898), стр. 200-201.

***) Это петербургское изданіе, законченное издателемъ проф.Жуковскимъ въ 1899 г., озаглавлено въ русскомъ титулѣ такъ: „Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са"ида". Но арабскій титулъ: „Асрâр от-товх̣ӣд фӣ мак̣âмâт иш-шейх Абӣ-Са̒ӣд" могъ бы быть, пожалуй, переведенъ и вотъ какъ: „Тайны Божія единства въ мистическихъ стадіяхъ старца Абу̂-Са̒йда".

„Жизнь и рѣчи старца Абӯ-Са‘ӣда" *), а еще больше составлены „Тайны единенія" по устнымъ преданіямъ и мелкимъ записямъ.

Всѣ эти четыре необыкновенно важные источники изучены оріенталистами чрезвычайно мало. Вмѣсто того въ большомъ ходу персидскія „Житія суфійскихъ святыхъ" تذكرة الأولياء Ферӣдеддӣна ‘Аттâра (ум.1230)**), который имѣлъ въ рукахъ сочиненія многихъ своихъ предшественниковъ и, напримѣръ, свѣдѣнія объ Абӯ-Са‘ӣдѣ буквально выписывалъ изъ „Тайнъ единенія" ибнъ-эль-Мона́ввара. А чаще всего европейцы пользуются обстоятельной, но довольно поздней компиляціей Джâмія (ум.1492): „Нафаҳâт аль-онс" نفحات الأنس т.е. „Дыханія тѣсной дружбы"***); въ основу „Дыханій" положены были „Разряды сӯфіевъ" Анçâрія (XI в.) и расширены свѣдѣніями изъ множества послѣдующихъ мистико-теоретическихъ и повѣствовательно-историческихъ суфійскихъ сочиненій, въ томъ числѣ изъ сочиненій Ḳошейрія (XI в.), ибнъ-эль-Мона́ввара (XII в.) и друг.

Важныя сообщенія для исторіи суфійства разсыпаны по разнымъ богословско-историческимъ трудамъ,— такимъ, какъ Ġазâлія (ум.1111), Союṭыя (ум. 1505) и Ша‘рâнія (ум. 1565); въ спеціальныхъ исторіяхъ мусульманскихъ сектъ, каковы كتاب الملل والنحل ибнъ-Ḫазма (ум.1064), Шаhристâ-

---

*) Изданы „Жизнь и рѣчи старца Абу-Саида" тоже В.А.Жуковскимъ, СПБ. 1899. Кое-какія дополненія къ двумъ своимъ названнымъ изданіямъ проф.Жуковскій потомъ сообщилъ въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія"

**) ‘Аттâровы „Теẕкирет аль-аwлійâ" литографски изданы въ Индіи (Лакно 1872). Критическое европейское изданіе далъ Р.Никольсонъ (Лейд. 1905).

***) Изд. „Нафаҳâт аль-онс" Джâмія —Lees въ Калькуттѣ 1859. Французскія извлеченія въ Notices et Extraits, т.XII; нѣмецкія извлеченія и пересказъ Хаммера — въ его Gesch.der schönen Redekünste Persiens (Вѣна, 1818). По-англійски у

нія (ум. 1153); въ „Стадіяхъ" (المواقف) ҫу̂фія-философа Йджія (ум. въ 1355 г.); въ біографическихъ словаряхъ славныхъ людей, напримѣръ у ибнъ-Халликâна (ум. 1282), равно какъ въ біографіяхъ персидскихъ поэтовъ (авторы — 'Овфӣ XIII в., Девлетъ-шâхъ XV в. и т.д.). Наконецъ бываютъ цѣнныя свѣдѣнія по исторіи суфизма и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ многочисленныхъ арабскихъ историковъ. Такъ, кое-что иногда можетъ попутно оказаться даже у историковъ болѣе старыхъ, нпр. у ибнъ Са'да (ум. 845), у Мас'у̂дія (ум. 956); еще больше свѣдѣній разыщется у историковъ монгольскаго и послѣмонгольскаго періода; а сообщенія прагматическаго характера, и притомъ сообщенія чрезвычайно важныя, найдутся у ибнъ-Хальду̂на (ум. 1406)*).

3) КЪ ПОНИМАНІЮ СУФІЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГІИ.

Мистическій, любовно-аллегорическій языкъ ҫу̂фіевъ въ своихъ тонкостяхъ довольно труденъ для пониманія, и потому сами ҫу̂фіи посвящали объясненію своего языка отдѣльныя сочиненія. Существуетъ по суфійской терминологіи, напримѣръ, особый истолковательный арабскій словарь 'Абдерраззâқа Кâшӣ, ум. 1330**) и лексикологическая работа Джорджâнія, ум. 1413 ***), а

Эдв. Брауна въ „A literary history of Persia", I (1902), 438 и слѣд., есть извлеченія изъ Джâмія, но не историческія.

*) Ибнъ-Хальду̂нъ отчасти исчерпанъ въ небольшой работѣ Герм. Франка: Beitrag zur Erkenntnis des Sufismus nach Ibn Ḫaldun (Лейпц. 1884).

**) Озаглавленъ трудъ 'Абдарраззâқа Кâшâнскаго: „Истылâхâт аҫ-ҫу̂фіййе", т.е. „Термины ҫу̂фіевъ". Издалъ Шпренгеръ: Abdu-r-razzaqs Dictionary of the technical terms of the sûfies, ed. by Sprenger, Калькутта 1845. О литературной дѣятельности 'Абдарраззâқа см. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litt." II (1902), стр. 204-205.

***) Definitiones (по-арабски „Та'рифâт") Ali ben Moham-

довольно легко можно усвоить главнѣйшіе суфійскіе термины по комментаріямъ 'Абдольганӣ Нâбольсӣ (ум. 1730) къ ибнъ-эль-Фâрыду*).

По-латыни много объясненій дано у Толука въ его „Ssufismus" (1821). Въ Journal Asiatique за 1902 годъ (и слѣд.; и отд.отт.) помѣщена важная работа Блоше; „Étude sur l'ésotérisme musulman" затрагивающая и суфійскую терминологію.

4) ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СУФІЙСТВѢ.

Въ своей совокупности европейская литература, касающаяся суфійства, очень велика, но многія свѣдѣнія разсыпаны у оріенталистовъ лишь попутно, въ общихъ сочиненіяхъ о востокѣ, и еще не всѣ исчерпаны. Такія свѣдѣнія носятъ характеръ преимущественно этнографически-описательный, не спеціально историческій.

Этнографическо-описательныя пособія.

Такъ, далеко не исчерпана европейская этнографическая литература XVI-XVIII вѣковъ, не исчерпаны старинныя европейскія описанія Турецкой имперіи XVI-го, XVII-го и XVIII столѣтій, среди которыхъ можетъ быть съ успѣхомъ названа и русская Кантеміровская: „К н і г а с ѵ с т і м а или состояніе мухаммеданскія религіи, на-

---

med Dschordschânî, ed. G. Flügel (Lipsiae, 1845). Тутъ же Флюгель заодно издалъ и „Суфійскую терминологію" = „Аль-истылâхâт ас-çӯфіййе" ибнъ-аль-'Арабія, ум. 1240 (о которомъ см. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litt." I, 1898, стр. 441. Есть еще изданія Джорджâнія: Константинополь 1837; Каиръ 1283 = 1866, 1306 = 1889; Петербургъ 1897. О самомъ Джорджâніи см. Броккельманнъ: Gesch. der arab. Litt. II (1902), стр. 216-217.

*) Небольшія, но типичныя извлеченія изъ 'Абдольганіевыхъ комментаріевъ даны и по-русски, у Холмогорова въ „Ист. ар. лит." 1882 (въ серіи Корша-Кирпичникова), стр. 307-320.

печатася повелѣніемъ его величества Петра Великаго, въ типографіи царствующаго Санктъ Пітербурха, лѣта 1722". Болѣе использовано старинное описаніе Турецкой имперіи Мураджи дОссона (Muradgea d'Ohsson), первая часть котораго, какъ разъ трактующая о религіи турковъ, имѣется и въ русскомь переводѣ Екатерининскихъ временъ. Равнымъ образомъ старинные путешественники по Персіи, напримѣръ Шарденъ XVII. вѣка, естественно не могли не обратить вниманія на такое характерное явленіе персидской жизни, какъ дервишество, и сообщали о немъ не только чисто-описательныя данныя, но и тѣ историческія свѣдѣнія, которыя могли получить отъ самихъ персовъ *).

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія на суфійство обратили вниманіе и начали писать о немъ англичане, которые встрѣтились съ этимъ явленіемъ и въ завоеванной ими Остъ-Индіи, и въ открывшейся для дипломатическихъ сношеній Персіи. Изъ числа первыхъ англійскихъ путешественниковъ по Персіи, напримѣръ, дипломатъ Мóрьеръ разсыпалъ много мѣткихъ и интересныхъ замѣчаній о персидскомъ дервишествѣ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ**), а другой англійскій дипломатъ въ Персіи Дж. Мáлькомъ далъ въ своей „History of Persia" (1815) прямо ужъ связный историческій очеркъ суфійства, который мы еще отмѣтимъ и отдѣльно, ниже (на стр.107). Англійскія наблюденія надъ суфійствомъ новопріобрѣтенной ими Индійской имперіи выразились въ рядѣ работъ, помѣщавшихся въ тогдашнихъ ученыхъ англо-индійскихъ изданіяхъ; выдѣляется статья Лейдена въ

---

*) Обзоръ главнѣйшихъ путешествій по мусульманскому востоку въ XVI-XVIII вѣкѣ данъ у проф. В. Бартольда: „Исторія изученія востока въ Европѣ и въ Россіи" (Спб. 1911), глава IX, стр. 99-115.

**) О сочиненіяхъ Мóрьера — см. въ нашей „Исторіи Персіи" ч. I, вып. 1 (1909), стр. 17.

„Asiatic Researches“, т. XI, а особенно цѣнна обстоятельная обобщительная работа поручика-оріенталиста Д ж. У. Г р е х е м а (Lieutenant James William Graham): A treatise on Sufiism, or Mahomedan Mysticism — въ „Transactions of the literary Society of Bombay“ (Лондонъ 1819); она до сихъ поръ очень важна.

Затѣмъ съ половины 19-го столѣтія число европейскихъ путешественниковъ и этнографовъ, записавшихъ свои наблюденія надъ дервишествомъ и вообще суфійствомъ въ современной Персіи и Индіи, дѣлается значительнымъ*); интереснѣе другихъ - путешественникъ по Персіи 1855-1858 графъ Г о б и н о, который подчеркнулъ въ своихъ сочиненіяхъ**) огромную силу суфійства въ Персіи и выставилъ рядъ своихъ личныхъ остроумныхъ соображеній,— часто, правда, совсѣмъ любительскихъ. Про тогдашній суфизмъ въ Индіи немалый запасъ свѣдѣній разбросанъ въ работахъ француза Г а р с е н а д е Т а с с и, о которомъ будетъ еще упоминаніе ниже (стр.108). Свѣдѣнія про суфизмъ 19-го вѣка въ Афганистанѣ даны или отмѣчены въ большой книгѣ Д ж. Д а р м с т е т е р а 1890 объ афганской народной словесности.

Суфійство арабско-африканскихъ странъ (Египта и Варварійскихъ владѣній) тоже нашло себѣ этнографовъ-описателей въ 19-мъ вѣкѣ.

Извѣстный этнографъ Египта Э д в. Л э н ъ очень хорошо и подробно очертилъ египетское дервишество въ своихъ „Manners and customs of the modern Egyptians“ 1836. И египетскимъ и другимъ дервишамъ посвящена ра-

---

*) Срв. тотъ перечень этнографико-географико-историческихъ работъ по Персіи, который приведенъ мною во введеніи къ 1-му выпуску 1-ой части „Исторіи Персіи" (1909), стр. 16-24.

**) Въ своихъ Trois ans en Asie, 1855-1858 (Пар. 1859) и Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale (Пар. 1866). Подробнѣе см. въ „Исторіи Персіи" ч.I, вып. 1 (1909), стр. 18-19.

бота Брауна*): The dervishes or oriental spiritualism (Лонд. 1868), цѣнная до сихъ поръ только своей описательной частью, потому что историческія построенія автора совсѣмъ устарѣли**).

Алжирское современное дервишество имѣло достаточно своихъ этнографовъ-описателей, такихъ, какъ Бросселяръ: „Les Khouan. De la constitution des ordres réligieux musulmans en Algérie"; примыкающій къ Бросселяру Трюмеле (C.Trumelet): Les saints de l'islam (Пар. 1881) и „L'Algérie légendaire" (Алж. 1892); Депонъ и Коппола̀ни (Depont et Coppolani): Les confréries religieuses musulmanes (Алж. 1897); E. Doutté: Les marabouts (Пар. 1900); E. Montet: Les cultes des saints musulmans dans l'Afrique du Nord et plus spécialement au Maroc (Genève 1909) и мн. др. Цѣлый рядъ статей - въ Revue du monde musulman. Алжирскіе этнографы дервишества (очень часто они просто офицеры) пускаются иногда и въ историческія соображенія и заключенія о суфійствѣ, но въ этихъ пунктахъ они совсѣмъ не научны, и съ ними считаться нечего.

Спеціальныя работы европейцевъ по суфійству.

Всѣ перечисленныя работы важны преимущественно своей фактической, описательной стороной, хотя, какъ отмѣчено, у авторовъ не разъ есть удачныя или неудачныя попытки быть и историками суфійства. А теперь мы отмѣтимъ спеціальныя изслѣдованія историческаго и историко-литературнаго характера по суфійству, при чемъ считаемъ за по-

---

*) Не нынѣшняго современнаго ираниста Эдв. Брауна, а другого, его предшественника.

**) Русская книга „Дервиши" Позднева (Оренб. 1886) въ значительной степени основана на „Dervishes" Брауна съ прибавкой спеціально-Поздневскихъ искаженій.

лезное начать нашъ перечень повтореніемъ двухъ именъ, уже упомянутыхъ нами выше. Русскія сочиненія сюда не войдутъ: ихъ перечень помѣщенъ особо, въ концѣ главы(стр.112).

1) Поручикъ Джемсъ Грéхемъ: A Treatise on Sufiism or Mahomedan Mysticism - въ „Transactions of the literary society of Bombay" (Лонд. 1819).

2) Полковн. Джонъ Мáлькомъ (Malcolm): The history of Persia from the most early period to the present time, containing an account of the religion, government, usages and character of the inhabitants of that kingdom (Лонд. 1815; 2-ое изд. 1829; франц. переводъ - Парижъ 1821)*). Во второй англійской (= въ четвертой французской) части этого Мáлькомовскаго труда есть не только подробный обзоръ позднѣйшихъ суфійскихъ толковъ (каковой обзоръ составленъ Мáлькомомъ отчасти по даннымъ нетерпимаго шіитскаго духовенства), но есть и опытъ исторіи суфійства. Опытъ этотъ однако основанъ на позднихъ персидскихъ свѣдѣніяхъ и потому содержитъ много совсѣмъ невѣрнаго.

3) I. Хаммеръ (Jos. v.Hammer) постарался очертить суфійство (по „Нафаҳâт" Джâмія и др.) въ Geschichte der schönen Redekünste Persiens (Вѣна, 1818). Ҫӯфіямъ, писавшимъ по-арабски (а такихъ вѣдь много) Хаммеръ отвелъ много мѣста въ соотвѣтствующихъ статьяхъ своей огромной „Literaturgeschichte der Araber" (7 тт. Вѣна 1850-1857), обыкновенно съ переводомъ образцовъ. См. еще его же примѣчанія къ „Тâййе" ибнъ-эль-Фâрида (Вѣна, 1854).

4) Ф. Толукъ (Tholuck): 1) Ssufismus sive Theosophia Persarum pantheistica (Берлинъ, 1821; стр. XII + 331+40 in 16°) и 2) Blüthensammlung aus der morgenländischen Mystik (Берлинъ, 1825). Въ первомъ трудѣ-систематическое изложеніе доктринъ суфійскихъ поэтовъ, сопровождаемое историческими соображеніями и введеніемъ. До недавнихъ временъ „Ssufismus"

---

*) Подробнѣе объ исторіи Мáлькома см. въ нашей „Исторіи Персіи", ч.I, вып. 1 (1909), стр. 13-14.

Толука оставался основной работою по суфійству.

5) Сильвестръ-де-Саси (Silv. de Sacy): а) статья противъ Толука, доказывающая невозможность видѣть въ суфійствѣ явленіе чисто-исламское (Journ. des Savants, 1821-1822). б) Notices et Extraits, tirés de la Bibliothèque du roi, t.XII (матеріалы для исторіи суфійства, съ очень учеными примѣчаніями); в) примѣчанія къ переводу „Пенд-нâме" ʿАттâра (Парижъ,1819).

6) Л. Крель (L. Krehl): а) Die „Erfreuung der Geister" von ʿOmar ben Suleimân (Лейпц. 1848),— изложеніе суфійства и сличеніе суфійской психологіи съ Аристотелевой; - б) Beiträge zur Charakteristik der Lehre vom Glauben im Islam (Лейпц. 1877).

7) Гарсенъ де Тасси (Garcin de Tassy): а) La poésie philosophique et religieuse chez les Persans d'après „La langue des oiseaux" de Farid-Uddin Attar. Сперва это была статья въ 1856, отт. изъ XXIV тома Revue Contemporaine, вып. 93; значительно дополненное изданіе - Пар., 1864; это одинъ изъ наиболѣе живыхъ очерковъ суфійскихъ доктринъ; - б) Переводъ съ арабскаго: „Oiseaux et fleurs" Azzeddin'a el-Mocaddessi (= ʿИззеддина Маќдисія, Парижъ, 1821), - в) Переводъ „Mantic-ut-tair" Attar'a (Пар., 1863; много важныхъ пояснительныхъ примѣчаній); - г) Много полезныхъ сообщеній Гарсенъ де Тасси разбросалъ въ Histoire de la littérature Hindouie et Hindoustanie (Пар., 2-ое изд. 1871, passim).

8) Dr. E. Trummp: Einige Bemerkungen über den Sufismus - въ Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Ges., т. XVI (= 1862), стр. 241-245. Авторъ, извѣстный индіанистъ и семитологъ, сближаетъ суфійскую доктрину и систему познанія съ индійскими и приходитъ къ выводу, что суфійство можетъ быть опредѣлено не просто какъ индійскій продуктъ, но даже точнѣе - какъ спеціально буддійское явленіе. Статьѣ Трумппа предпослана статья Г. Флейшера: Ueber die farbigen Lichterscheinungen der Sufi's (стр. 235-241),- о нѣкоторыхъ особенностяхъ суфійскихъ экстатическихъ видѣній.

9) Рейнгартъ Дози: Het Islamisme (Гарл., 1863; 2-ое изд. 1880, 3-ье посмертн. изд.1900 съ примѣчаніями фанъ-деръ-Мая ,van der Maij). Въ ходу французскій переводъ: Essai sur l'histoire de l'islamisme, trad. par Victor Chauvin (Пар., 1879). По переводу Шовена-исторіи суфійства отведены стр.314-340. Очеркъ этотъ, конечно, во многомъ устарѣлъ, но блестяще написанъ.

10) E. Palmer: Oriental Mysticism: a treatise on the sufistic and unitary theosophy of the Persians (Кембриджъ 1867).

11) J. Brown: The dervishes or oriental spiritualism (Лонд. 1868). Объ этой книгѣ см. выше стр.106.

12) Альфр. фонъ-Кремеръ: а) Geschichte der herrschenden Ideen des Islams (Лпц., 1868),- основное сочиненіе по изученію исторіи суфійства, особенно со стран. 59-ой;- б) Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams (Лпц., 1873); - в) Notice sur Sha'rány (Journ. As., 1868, февр.— объ экономической подкладкѣ суфійства); г) Molla-Shâh et le spiritualisme oriental (ib., 1869).

13) Hermann Ethe: а) Der Çûfismus und seine drei Hauptvertreter in der persischen Poesie (въ его сборникѣ: „Morgenländische Studien", Лейпц. 1870, стр. 95-124),- статья, написанная подъ очевиднымъ вліяніемъ „La poésie religieuse chez les Persans" Гарсена де-Тасси; - б) Ему же принадлежитъ очень неудобочитаемая статья про персидскую мистическую литературу (въ „Grundriss der iran. Philologie", т. II,1896, стр. 271-302), гдѣ начальныя общія замѣчанія о суфійствѣ изложены согласно съ Кремеромъ.

14) E. H. Whinfield: а) введеніе къ его англійскому переводу Gulshan i raz: the mystic rose garden of Sa'd ud Din Magmud Shabistari (Лонд.1880) и б) превосходное введеніе о суфійствѣ въ предисловіи къ переводу „Masnavi-i Ma'navi" Джелâледдûна (Лонд.1887; 2-е изд. 1898).

15) Шейхъ ʿАбдель Хâдій бенъ-Рыдвâнъ (Abdel-Hâdi ben Ridouane): Étude sur le soufisme, по-арабски и по-французски (въ переводѣ M.Arnaud) — въ Revue Africaine, 1887 (185, стр.350-399 и въ слѣд. NN.).

16) А. Мерксъ (Merx): Idee und Grundlinien einer allgemeinen Geschichte der Mystik (Хейдельбергъ 1893). Суфійству онъ приписываетъ сирійско-неоплатоническое происхожденіе.

17) Italo Pizzi; въ его Storia della poesia persiana, т. I (Торино 1894), стр.182-208,гл.III: Origine della poesia mistica, - очеркъ системы суфійства и его исторіи.

18) M. Schreiner: Der Ṣûfismus und seine Ursprünge - въ „Zeitschr. d.D.Morg.Ges.", т.52 =1898, стр.513-528.

19) Игн. Гольдціэръ: а) L'ascétisme aux premiers temps de l'Islam - въ „Revue de l'histoire des rel." 1898 (т.37, стр.314 и слѣд.); - б) Materialien zur Entwickelungsgeschichte des Ṣûfismus - въ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenl., т. XIII-й (= 1899, стр.35-56); в) The influence of Buddhism upon Islam - въ „Journ. of the R.Asiat.Soc." 1904, янв.,стр. 125-141; - г) Vorlesungen über den Islam (Heidelberg 1910), глава IV: „Asketismus und Sufismus" (= стр.139--200),- сжатое, но очень содержательное подведеніе послѣднихъ итоговъ науки.

20) E. Blochet: Étude sur l'ésotérisme musulman (Journ. Asiat. 1902, т.IX и слѣд.). Отдѣльный оттискъ: Études sur l'ésotérisme musulman - Лувенъ 1910 (215 стр.).

21) E. Gibb: A history of Ottoman poetry, т.I (Лонд.1900), стр.53-67.

22) Эдв. Браунъ (Edw.Browne): а) A literary history of Persia, т.I (Лонд. 1902). Глава XIII: „The Súfí-Mysticism" (= стр.415-444), цѣнная, очень интересно написанная статья, на основаніи работъ предшественниковъ и своихъ собственныхъ изслѣдованій;- б) A

еще за десять лѣтъ передъ этимъ Эдв. Браунъ помѣстилъ аналогичную статью „Súfiism“ въ „Religious systems of the world“ (Лонд. 1892), стр. 314-332.

23) R. N i c h o l s o n: а) A historical enquiry concerning the origin and development of sufiism - въ „Journal of the R. Asiat. Soc.“ 1906 (апрѣль, стр. 303-348); - б) A literary history of the Arabs (Лонд. 1907), стр. 224-235 и 383-404, при чемъ Никольсонъ воспроизводитъ здѣсь многое изъ предыдущей своей работы (Enquiry); - в) The oldest persian manual of sufiism - въ трудахъ (Transactions) 3-го международнаго съѣзда по исторіи религій (Оксфордъ 1908), I, 293 и слѣд. - Какъ переводчикъ и изслѣдователь „Раскрытія сокровеннаго“ Джоллâбія и какъ издатель „Житій святыхъ сӯфіевъ“ ʿАттâра, Никольсонъ въ своихъ сужденіяхъ о суфійствѣ является ученымъ, съ которымъ приходится считаться очень внимательно.

24) S h a i k h M u h a m m a d I q b â l: The development of metaphysics in Persia, a contribution to the history of muslim philosophy (Лонд. 1909). Авторъ - европейски образованный мусульманинъ, кандидатъ („doctor“) философіи Мюнхенскаго университета. Глава о суфійствѣ (она во II-ой части книги) написана съ огромной симпатіей къ самому суфійству.

Вопросъ о суфійствѣ продолжаетъ живо интересовать европейскихъ оріенталистовъ. Покамѣстъ, послѣднимъ словомъ науки является глава въ „Vorlesungen“ Гольдціэра (1910), но едва ли и ея формулы мы можемъ считать за долговѣчныя. Новыя изслѣдованія (между прочимъ въ области исторіи арабской философіи, гдѣ работаютъ Carra de Vaux, Horten и др.) могутъ еще внести очень много новаго.

Б и б л і о г р а ф и ч е с к і я с п р а в к и о печатныхъ изданіяхъ суфійскихъ авторовъ и ихъ рукописяхъ см. у Этé въ Grundriss der iranischen Philologie (1896); объ изданіяхъ и рукописяхъ на языкѣ арабскомъ - у Броккельманна въ Gesch. der arab. Litteratur (1898-1902); библіографію суфизма турецкаго — у Гибба

въ History of the Ottoman poetry (1900 и слѣд.). Однако ограничиться библіографическими указаніями однихъ только Эте́, Броккельманна и Гибба — нельзя; изъ нихъ особенно Эте́ въ Grundriss'ѣ слабъ насчетъ библіографіи и насчетъ указанія рукописей, а потому для лучшихъ справокъ приходится въ каждомъ случаѣ перерывать еще „Orientalische Bibliographie" и описательные каталоги рукописныхъ хранилищъ, главнымъ образомъ Британскаго музея (Рьё) и библіотеки India Office (т.I, Оксф.1903, составилъ Эте́).

Въ заключеніе отмѣтимъ РУССКУЮ БИБЛІОГРАФІЮ:

1) О с м а н ъ - б е й: Турецкое духовенство и дервиши (Русск.Вѣстн. 1874, N.9, стр.212-240, и N.10, стр.560-593).

2) П о з д н е в ъ: Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ (Оренб., 1886) - объемистое сочиненіе, но составленное по совсѣмъ устарѣлымъ пособіямъ и безъ знанія дѣла. О немъ есть строгая рецензія бар. В.Розена въ „Зап. Вост. Отд. Имп. Арх. Общ.", т.II-ой, 157-159.

3) О разныхъ моментахъ и лицахъ персидскаго суфійства см. статьи проф. В.А. Ж у к о в с к а г о въ „Зап. Вост. Отд.", „Восточныхъ Замѣткахъ", „Сборникѣ въ честь бар. В.Р.Розена" и, особенно: „Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ. Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Спб. у-та" (СПБ. 1895 — составлено по рукописнымъ первоисточникамъ).

4) О турецкомъ суфійствѣ есть свѣдѣнія по-русски у проф. В.С м и р н о в а въ его „Исторіи турецкой литературы" (въ серіи Корша-Кирпичникова, т.IV, Спб.1892). Совсѣмъ неудачна его статья въ Cosmopolis'ѣ: „Христіанство турокъ и дервишескій суфизмъ" (Cosmop., 1897, novembre, стр. 122-148).

5) М о й „Очеркъ развитія суфизма до конца III вѣка гижры" (М. 1895, изъ 2-го тома „Трудовъ Восточной Комиссіи Имп. Московскаго Археологич. Общ."); — объ этомъ очеркѣ я кое-что скажу ниже.

Полезный с ы р о й м а т е р і а л ъ для изученія суфійства и дервишества можно по-русски найти

въ тифлисскихъ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ" и „Сборникѣ матеріаловъ для изученія племенъ и мѣстностей Кавказа (изданіе Кавказскаго Учебн.Округа)", „Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области (изданіе Сыръ-Дарьинскаго Областного Комитета - въ Ташкентѣ)", „Сборникѣ матеріаловъ по мусульманству, изд. Туркестанскаго ген.-губ." (изд. въ Ташкентѣ выпусками, а потомъ перепечатывается въ Спб. томами, 1899 и слѣд.). Все это полезно лишь какъ сырой матеріалъ, потому что изслѣдованія, которыя тутъ же помѣщаются, обыкновенно бываютъ или наивны, или (что хуже) грубо-тенденціозны. Къ числу болѣе интересныхъ и сравнительно новыхъ между ними относится К. Казанскій: Суфизмъ съ точки зрѣнія современной психопатологіи (Самаркандъ, 1904). Изданіе Самаркандскаго Областного Комитета; 150 стр. Изъ частнаго сообщенія знаю, что Н.П.Остроумовъ въ Ташкентѣ готовитъ къ скорому изданію свою работу о суфійствѣ, отчасти сводную, отчасти дающую интересныя мѣстныя свѣдѣнія.

Небезынтересно замѣтить, что суфійскія доктрины иногда популяризуются на русскомъ языкѣ новѣйшими поэтами. Въ 1890-ыхъ годахъ В. Величко составлялъ подражанія Хейяму; въ 1910 году К. Бальмонтъ помѣстилъ въ майской книгѣ „Русской Мысли" свои вычурныя стихотворенія: „Изъ поэзіи суфитовъ", гдѣ видно вліяніе Джеляледдина Румія.

Поправки къ „Очерку развитія суфизма".

Мой „Очеркъ развитія суфизма", хоть напечатанъ въ 1895 году, былъ написанъ еще въ 1891 году и успѣлъ къ настоящему времени значительно устарѣть. Самый методъ, по которому онъ написанъ, я не могу теперь считать удачнымъ, ни въ общемъ планѣ, ни въ пріемахъ (напр., срв. пользованіе не первоисточниками), а ужъ тѣмъ менѣе я могу считать удачными такія частности, какъ поспѣшныя категорическія утвержденія и т.п. (срв., напр., на стр. 26-ой аподиктическое заявленіе: „Персидская образованность и искусство произошли изъ Баміяна и Бель-

ха"). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть неодобрительные lapsus calami (такова 5-ая строка въ примѣч. 136-омъ). Сверхъ того, въ моемъ „Очеркѣ" встрѣчается нѣсколько грубыхъ опечатокъ (напр., въ восточныхъ словахъ, гдѣ наборщикъ смѣшивалъ хамзу съ айномъ и печаталъ وضوع вм. وضوء на стр. 19-ой, и الموطّع вм. الموطّأ на стр. 14), - опечатокъ, за которыя я, понятно, не отвѣчаю, но которыя, во всякомъ случаѣ, не украшаютъ изданія.

Однако, кто будетъ пользоваться моимъ „Очеркомъ" одновременно съ тою статьею, которую я помѣстилъ здѣсь въ „Исторіи Персіи", тому мой „Очеркъ" можетъ дать немало полезныхъ свѣдѣній, и оттого я считаю умѣстнымъ указать здѣсь нѣкоторыя мѣста упомянутаго моего „Очерка развитія суфійства", требующія предварительнаго исправленія. Это тѣмъ болѣе умѣстно сдѣлать, что онъ пользуется въ Россіи очень большимъ спросомъ, какъ единственный на русскомъ языкѣ историческій очеркъ суфійства.

Стр. 9-ая, сноска 20-ая. Читай: الشّفا кади Іяда (عياض). Годъ 1276.

Стр. 4-ая, строка 1. Надо: мыслитель Ғазâлій.

Стр. 8, сноска 13: التابعون; сноска 14-ая: 1825 года.

Стр. 10, сноска 21: الطرطوشى

Стр. 12-ая и 13-ая. فى دعواه надо переводить: „въ своемъ стремленіи".

Стр. 14-ая, сноска 41-ая. Вмѣсто موطّع надо موطّأ или, лучше, الموطّأ (впрочемъ, ال вездѣ въ заглавіяхъ и именахъ авторовъ опущено). Въ другихъ мѣстахъ (напр., на стр. 46) это слово напечатано правильно.

Стр. 15, стр. 19. Надо читать:.....женщина не смѣетъ при мужчинахъ даже въ мечеть входить.

Стр. 16. Въ переводѣ стихотворенія Рâбіʿи 2-ая строка должна читаться: „А отдала свое тѣло тому, кто желаетъ быть со мною".

Стр. 18, строка 16, صوف значитъ „шерсть" (верблюжья, овечья и т.д.).

Стр. 19, строка 7. Вмѣсто وضوع читай وضوء.

Стр.22. строка 7. Читай حنين بن اسحاق (احق) Ḫонейнъ.....

Стр.25, примѣч.86. Своей рецензіи на Нôфаля я до сихъ поръ не напечаталъ.

Стр.28, строка снизу 5-ая. Читай: санкхйа.

Стр.29 и 30, сноски 116 и 119. О недоумѣніи по поводу Абŷ-Саʹйда ибнъ-абйль-Хейра см. здѣсь выше въ „Исторіи Персіи", стр.67.

Стр.31, строка снизу 3, сноска 123. Читай: المقدّمة

Стр.35, сноска 136, строка 5-6. Надо читать:... въ средневѣковой Эккартовой мистикѣ.

Стр.37, сноска 147. Въ таухидѣ: „Онъ не родилъ и не родился".

Стр.38, строка 27. Надо: ...или такъ наз. „каля̂мѣ".

Стр.43, сноска 193. Надо فاقه или, чаще, فقيه

Стр.45, строка 7. Въ отдѣльномъ оттискѣ изреченіе Ровейма напечатано вѣрно, но въ „Восточныхъ Древностяхъ" вмѣсто „ничѣмъ" напечатано „никѣмъ".

Стр.46, сноска 204. Читай: المنقذ.

б) СЕНÂЙ (1048-ок.1141).

Сенâй (или Сенâїй) — классическій образецъ и неисчерпаемый источникъ заимствованій для всѣхъ послѣдующихъ персидскихъ суфійскихъ поэтовъ, которые, однако, оказываются болѣе популярныя у потомства, чѣмъ ихъ оригиналъ, чѣмъ самъ Сенâй.

Полное его имя — Абуль-Меджд Меджд̂ŷдъ-ибнъ-Âдемъ Газневидскій. Родомъ, кажется, изъ Газны. Родился въ 1048 году, жилъ при газневидахъ Ибрâhймѣ (1059-1099), Мес'ŷдѣ III (1099-1114) и Беhрâмшâhѣ (1118-1152).

Какъ видимъ, жизнь Сенâія протекла въ такую пору, когда разцвѣла панегиристическая поэзія. И самъ Сенâй въ молодости, въ царствованіе султана Ибрâhйма (1059-1099) былъ

придворным поэтомъ и хвалителемъ вельможъ; между прочимъ онъ воспѣлъ походъ Ибраһима Газневидскаго въ Индію.

Но пришлось ему, султанскому панегиристу, какъ-то проходить возлѣ харчевни. И слышитъ Сенаій, какъ одинъ шутъ-юродивый пьетъ за то, чтобы султана, съ его безграничной жаждой завоеваній, поразила слѣпота. Далѣе слышитъ поэтъ: юродивый пьетъ за то, чтобы слѣпота постигла и Сенаія, „этого глупца и болтуна, который строитъ груды напыщенныхъ словоизверженій и губитъ на это свою жизнь. А что онъ будетъ дѣлать въ день страшнаго суда передъ Вѣчнымъ Судьей?!" На Сенаія это подѣйствовало. Пришлось ему задуматься о себѣ,—и позналъ онъ тщету мірской суеты. Онъ совершилъ паломничество въ Мекку и затѣмъ предался суфійскому аскетизму, въ которомъ и провелъ 40 лѣтъ.

Онъ былъ уже почтеннымъ старикомъ, когда Беһрâмъ-шâһъ (1118-1152) предложилъ ему важную должность при своемъ дворѣ. Сенâй отказался. Все-таки, въ благодарность за предложеніе, старикъ-суфій восхвалилъ султана въ лирическихъ стихахъ и посвятилъ ему свое (повидимому, первое) мистико-поучительное произведеніе „Х а д î ḳ е т о л ь - х а ḳ ŷ ḳ е т" и т.д. (= „Садъ истины и законъ мистическаго пути"); написано оно*) въ формѣ месневŷ,- формѣ, которая впослѣдствіи такъ прославилась благодаря Джелâледдŷну Рŷмŷ и ассоціируется въ нашемъ представленіи обыкновенно съ именемъ Джелâледдŷна.

„Садъ истины" распадается на 10 пѣсенъ, и въ немъ го-

---

*) вѣроятнѣе всего въ 1130-1131 г.

ворится о единствѣ Бога, о божественномъ глаголѣ, о превосходствѣ Пророка, о Всемірной душѣ, о познаніи и вѣрѣ, о мистической любви, о безсмысленности земныхъ стремленій и необходимости отречься отъ міра, о символическомъ движеніи сферъ и звѣздъ и, вообще, о разныхъ теософскихъ предметахъ. Теоріи эти и поученія то излагаются въ „Садѣ истины" прямо, то иллюстрируются притчами, интересными разсказами и анекдотами,- словомъ такъ, какъ это мы видимъ впослѣдствіи у Ферйдеддйна ʻАттâра, Джелâледдйна Рўмія, Саʻдія и другихъ свѣтилъ суфійской поэзіи.

Сверхъ „Хадîке" Сенâй написалъ еще шесть поэтическихъ произведеній въ томъ же родѣ и оставилъ д й в â н ъ лирическихъ стихотвореній.

См. у Х а м м е р а: Redekünste (1818), 102-104. У П и ц ц и: Storia della poesia persiana, 1894, т. I, стр. 91-93 и 215-216. Въ менѣе удобочитаемомъ видѣ, но съ бóльшимъ количествомъ свѣдѣній — у E t h é въ „Grundriss der iranischen Philologie" (1896), т. II, стр. 282-284. Наилучше и наиобстоятельнѣе — E d w. B r o w n e: A literary history of Persia, II (1906), 317-322.

Десять газелей - у Н. Б л а н д а: „A century of persian Ghazels from unpublished Diwans (изд. въ Лонд. 1851). Три газели по-итальянски у П и ц ц и (т. I, стр. 154-155). Тамъ же у Пицци (на стр. 253-254) итальянскій переводъ двухъ разсказовъ изъ „Хадîке". У Брауна (II, 319-320) переведенъ разсказъ изъ „Хадîке", и три лирическихъ вещи изъ „Дйвâна" (II, 320-322).

Издана „Хадîке" въ Бомбеѣ (1275 = 1859, изящно) и въ Лакно; двѣ первыхъ главы съ коммент. — въ Лахорѣ. Рукопись есть и въ библіотекѣ нашего Института, но безъ даты. Бывшая въ моемъ собраніи чрезвычайно красивая

рукопись избранныхъ отрывковъ изъ „Хадîке" 1279 г.Г. тоже теперь помѣщена въ библіотеку нашего Института.

Остальныя произведенія Сенâîя остаются преимущественно въ рукописяхъ и хранятся, напримѣръ, въ библіотекѣ India Office. Литографированное изданіе дйвâна (имѣющееся, между прочимъ, и въ библіотекѣ нашего Лазаревскаго Института), повидимому, содержитъ лишь часть его лирики (Техранъ 1274 = 1858).

Образцы изъ Сенâîя.

Предложу русскій переводъ нѣкоторыхъ образцовъ изъ Сенâîя.

1) Разсказъ изъ „Хадîке".

Жилъ въ Басрѣ юный подвижникъ, съ которымъ не могъ бы сравниться ни одинъ изъ тогдашнихъ рабовъ Божьихъ.

И онъ говаривалъ: Едва я поутру подымусь, я ужъ спѣшу подальше убѣжать отъ своего „я".

Но врагъ этотъ назойливъ. — „Милый старче!" — бѣжитъ онъ за мною: — „А подумай-ка, чѣмъ бы тебѣ сегодня прокормиться!"

„Скажи мнѣ, что надо будетъ испить!" — „Чашу смерти!" отвѣчаю я — и ухожу.

Тогда мой врагъ „я" говоритъ мнѣ: „А во что мнѣ надо будетъ одѣться?" — „Въ саванъ!" — отвѣчаю я.

Потомъ онъ опять пристаетъ ко мнѣ.....задаетъ мнѣ множество глупѣйшихъ запросовъ. - „И куда идешь ты, душевно-ослѣпленный?!" кричитъ онъ мнѣ. Я отвѣчаю: „Молчи!.... Къ краю могилы,- вотъ куда я иду...,—

Для того, чтобы хоть тамъ, въ послѣднее мгновеніе, при послѣднемъ издыханіи, разстаться наконецъ со своимъ „я".....

- Но что за мука - носить съ собою свое „я" и не съумѣть отторгнуть его заранѣе, прежде смерти!

2) Отрывокъ изъ ḳасыды.

О, ты! предметъ страсти изящныхъ влюбленныхъ! О ты, наслажденіе ухаживающихъ красавцевъ!

Если ты здѣсь - я себя забываю! Пьянѣе чаши пьянишь ты!

Весь я сгорѣлъ,- пусть же слезы оросятъ этотъ испепелившійся прахъ!

И рѣсницы мои, какъ презрѣнная метла, покорно обметая стезю передъ тобою, готовы смести даже звѣзды съ неба.......

3) Газель.

Чтобы не испытать мукъ любви —
Не влюбляйтесь, пока можете.
Вѣдь въ любви никто не властенъ,
И сами вы это должны знать!
Чтобы не проливать слезъ изъ очей,
Не ждите, чтобы Милый платилъ вамъ взаимностью.
Не ищите Его близости,
Чтобы не пришлось вамъ читать книгу любви.
Да! Сенâ̂й въ своей скорби даетъ вамъ совѣтъ:
„Не влюбляйтесь, пока можете!"

Въ заключеніе могу предложить и стихотворный переводъ одного Сенâ̂ева стихотворенія, только достаточно вольный (срв. текстъ въ литограф. изданіи Техр. 1274= = 1858, стр. 206), и притомъ малорусскій:

Мила! серце, ти мое забрала!-
Добра ніч! прощай!.....-
Знаеш ти, що весь душею твій я?....-
Добра ніч! прощай!-
Ти не вернешся до мене знову?-
Мабуть, що і так.-
Дай стиснути міцно на прощання!-
Добра ніч! прощай!-
Білий лоб твій криють чорні коси;-
Це ж на мене чар:
Через тебе день мінi, як нiчка!-
Добра ніч! прощай!

Білий лоб твій — то моя надія,
Коси — то одчай,
Але мука — і одне, і друге! -
Добра ніч! прощай!
Подивися, я тону й палаю:
Бо тону — в сльозах,
А палають — пересохлі губи.....-
Добра ніч! прощай!

г) Э Н В Е Р Ӣ (ум. ок. 1189-1191).

ʽАлій Эвхедеддӣнъ Энверӣй (Энверӣ), восхвалитель сельджукскаго султана Синджâра (1118-1157) и знаменитѣйшій изъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ-панегиристовъ всѣхъ временъ, родился вѣроятно въ первой четверти XII вѣка, въ Хорâсâнѣ, подъ городкомъ Мейхене (میهنه), откуда былъ родомъ и знаменитый суфійскій шейхъ Абӯ-Саʽйдъ). Въ дѣтствѣ нельзя было угадать въ немъ будущаго панегириста, и скорѣе ужъ можно было надѣяться, что онъ пойдетъ стезею славнаго Абӯ-Саʽйда.

Повидимому, Энверӣ съ ранняго дѣтства остался сиротою и былъ усыновленъ однимъ бѣднымъ, но просвѣщеннымъ человѣкомъ, и самъ сталъ стремиться къ высшему образованію. Одаренный богатыми способностями и прилежаніемъ, Энверӣй въ Тӯсской, такъ называемой „мансӯровской" академіи охватилъ всѣ науки, входившія въ кругъ умственныхъ интересовъ его времени: богословіе церковное и юридическое, философію, науки медицинскія и естественныя и проч., и очень привязался къ астрономіи, въ которой додумывался даже до позднѣйшаго Ньютонова закона о тяготѣніи небесныхъ тѣлъ; тутъ же онъ развилъ и способности ли-

тературныя. Проводя свою молодость, такимъ образомъ, въ Тӯсѣ среди у ч е н ы х ъ з а н я т і й, Энверӣй терпѣлъ сильныя матеріальныя лишенія.

Но вотъ какъ-то, — по словамъ того преданія, которое обще-распространено позднимъ біографомъ Девлетъ-шâһомъ (XV в.)*), молодой бѣдствующій ученый, однажды сидя у дверей медресе, увидѣлъ, что по улицѣ проѣзжаетъ во всемъ блескѣ султанъ Синджаръ (1118-1157) со своей пышной свитой, и въ этой свитѣ особенно выдѣляется богато одѣтый всадникъ.- „Кто это?" справился Энверӣй и получилъ отвѣтъ, что это придворный поэтъ**). Энверíй немедленно рѣшилъ бросить неблагодарныя ученыя занятія и въ ту же ночь составилъ хвалебную касыду въ честь Синджара. Могло это быть между 1135-1145 г.***). Касыда начиналась такъ:

1. Если сердце и рука — море и шахта,- то (это) сердце и рука принадлежитъ вельможному властелину,

2. Государю міра, приказъ котораго — какъ рокъ царитъ надъ свѣтомъ,

3. Шаху Синджару, котораго даже послѣдній рабъ является государемъ для прочаго міра.

4. Съ клеймомъ покорности ему рождается каждый изъ сыновъ человѣческихъ и дьявольскихъ.

5. Съ печатью его казначея растутъ всѣ сокровища

---

*) По лейденскому изданію Эд. Брауна (1901) см. стр. 83-86.

**) Какъ замѣчаетъ Ферте́ въ своей статьѣ объ Энверіи (Journ. Asiat. 1895, мартъ-апрѣль, стр. 244), этимъ пышнымъ поэтомъ могъ быть „царь стихотворцевъ" эмӣръ Моыззій.

***) Срв. въ диссертаціи проф. Жуковскаго (Спб. 1883), стр. 46. Текстъ персидскій находится и въ легко доступной хрестоматіи Мирзы Абдуллы Гаффарова, т. II (1906), стр. 302-305.

моря и шахты.

6. Если его правосудіе приходитъ во гнѣвъ на землѣ,-спокойствіе удаляется съ небесъ.

7. Если же его мощь осѣняетъ землю,- то въ томъ мірѣ водворяется жизнь.

а заканчивалась вотъ какъ:

34. О государь! вотъ уже десять лѣтъ прошло для раба твоего, какъ онъ питаетъ желаніе -

35.- если не быть собесѣдникомъ твоего собранія, то принадлежать къ числу стоящихъ у порога твоего.

36. Купи его, прежде чѣмъ узнаешь,- и тогда онъ будетъ для тебя дорогимъ уже даромъ.

37. Что изъ того, если у тебя при этой покупкѣ израсходуется (лишнее) цѣлованіе руки?

38. Или что́ за бѣда, если во владѣніяхъ шаха будетъ куковать неопытный поэтъ?

39. Но....въ изложеніи панегириковъ и газелей — языкъ его „тонокъ", какъ волосъ.

40. Пока судьба врага твоего подобна старцу,- онъ, этотъ поэтъ, будетъ находиться постоянно въ твоемъ счастливомъ царствѣ.

41. Пока воздухъ осени и мѣсяцевъ Бехмена и Дея*) будетъ позолотчикомъ въ садахъ и рощахъ,-

42.- въ саду твоего царства да царитъ весна, за которой не слѣдуетъ осень!

43. Языкъ въ хутбахъ (ектеніяхъ) да будетъ заостренъ твоимъ именемъ, доколѣ онъ служитъ исходомъ слова!

44. Уста въ монетныхъ надписяхъ да будутъ раскрыты съ твоимъ именемъ, доколѣ въ мірѣ есть слѣдъ отъ золота!

45. Продолжительность твоей жизни да будетъ необходима для мѣста и времени, доколѣ время необходимо для мѣста!

46. Твоей (высокой) заботой пусть будетъ давать владѣнія и брать царства, доколѣ въ мірѣ существуетъ са-

---

*) Одиннадцатый и десятый - солнечнаго года.

мое понятіе „давать и брать"!

47. Да будутъ оба міра твоимъ вѣчнымъ достояніемъ, точно также само царство да будетъ вѣчнымъ!

Эта касыда сразу открыла Энверію доступъ к о д в о р у.

Итакъ, по Довлетъ-шаһу выходило бы, что Энверій сдѣлался панегиристомъ въ одну ночь. Однако по болѣе правдоподобному, хотя не популярному, сообщенію Хондемира (1525), подтверждаемому и самой касыдой (стихами 34 и слѣд.), Энверій ужъ и передъ тѣмъ десять лѣтъ толкался ко двору Синджара, но не могъ втереться въ шахскій кругъ изъ-за интригъ придворнаго царя поэтовъ Эмира-Моиззи, а только теперь проникъ туда.

Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ, т.е. со времени не позже 1145 года, Энверій явился п р и д в о р н ы м ъ п о э т о м ъ и составлялъ въ честь султана Синджара много другихъ знаменитыхъ хвалебныхъ одъ, крайне вычурныхъ и напыщенныхъ,- но до сихъ поръ чрезвычайно цѣнимыхъ персами. По словамъ самого Энверія, онѣ написаны „съ такимъ блестящимъ краснорѣчіемъ, что ихъ увидитъ слѣпой, и съ такими громкими метафорами, что ихъ услышитъ глухой". Но онъ былъ способенъ и къ невычурной похвалѣ. Когда гузы въ 1153 г. взяли Синджара въ плѣнъ и разорили Персію, Энверій оплакалъ это бѣдствіе въ замѣчательно сильной, трогательной и почти ненапыщенной, патріотической элегіи (которая у европейцевъ называется „Слезы Хо-

расана") *).

После смерти Синджара (1157) Энверій еще много лѣтъ успѣшно подвизался на поприщѣ панегириста у другихъ государей, пока наконецъ (1185) не вздумалъ, на основаніи сочетанія планетъ, предсказать гибель части міра. Хотя и лучшіе астрологи давали согласно съ нимъ такое же предсказаніе, все-таки, когда предсказанный день наступилъ и міръ остался цѣлъ, Энверій подвергся всеобщимъ злѣйшимъ насмѣшкамъ, издѣвательствамъ и нападкамъ; онъ принужденъ былъ оставить Мервскій дворъ, при которомъ жилъ тогда, и, униженный, удалился въ Бельхъ. Тамъ онъ сталъ вести тихую научную жизнь съ настроеніемъ ҫӯфія, и опоэтизировалъ свою дервишескую ученую лачугу въ очень милой идилліи, которую мы приведемъ ниже.

Разставшись съ панегиристической карьерой, Энверій стихотворства вообще не оставилъ. Но, лишенный былого придворнаго почета, онъ на досугѣ, въ послѣдніе годы своей жизни, вмѣсто панегиризма развернулъ другую, тоже недюжинную и гораздо болѣе привлекательную и интересную для насъ сторону своего поэтическаго дарованія: н а с м ѣ ш л и в у ю, с а т и р и ч е с к у ю. Въ его сатирахъ, впрочемъ, преобладаетъ философскій оттѣнокъ, и въ нихъ гораздо меньше личныхъ нападокъ, чѣмъ у другихъ поэтовъ, напримѣръ, у Хâкâнія, о которомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Такъ, иногда стрѣлы

---

*) Небольшой отрывокъ изъ нея приведенъ былъ выше, въ вольномъ переводѣ, на стр.11-12. Буквальный переводъ - въ диссертаціи Вал.Алекс.Жуковскаго (1883) стр.118-124.

Энверія направлены противъ слащавой сантиментальной лирики, а иногда и противъ поэзіи вообще: „поэзія — мѣсячное очищеніе у мужчинъ", — выразился онъ въ одной эпиграммѣ. Возстаетъ онъ также противъ сословныхъ и классовыхъ нелѣпостей, противъ пресмыкательства, противъ ненормальностей общественнаго строя, направляетъ свои сатиры и противъ женщинъ, противъ пагубныхъ страстей, противъ слѣпой судьбы и т.д. Кромѣ общераспространенныхъ тогда обычныхъ суфійскихъ воззрѣній, у Энверія замѣтно большое увлеченіе философіей ибнъ-Сûны (Авиценны).

Умеръ Энверîй между 1189-1191 годомъ.

Главная и притомъ новѣйшая литература объ Энверіи:

1) Диссертація проф. В.А. Жуковскаго: „Али Аухадеддинъ Энвери, матеріалы для его біографіи и характеристики" (СПБ. 1883; стр.XXIY + 146 + 90 перс.). Разборъ и изложеніе диссертаціи вскорѣ же данъ К.Залеманномъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1883 (нб., отд.II, стр.160-176) и по-нѣмецки В.Пертшемъ въ „Litteraturblatt für orient. Philol." (II, 1884-1885, 10-18).

2) Монографія, очень некритическая, М. Ферте́ (Ferté) въ Journ.As. 1895, мартъ-апрѣль, т.V, стр.235-268. Автору не была знакома ни диссертація проф. Жуковскаго, ни ея изложеніе, данное Пертшемъ.

3) У Г. Этé — замѣтка въ Grundr.d.iran.Phil., т.II (Страссб. 1896), стр. 261-263.

4) Edw. Browne: A literary history of Persia, т.II (1906), стр.364-391. Браунъ преимущественно повторяетъ В.А.Жуковскаго, но вноситъ и свои новыя данныя и соображенія.

Дûвâнъ Энверія изданъ полностью („Коллійâтъ") въ Лакно 1880; касûды въ Тебрûзѣ 1260 и 1266. Европейскія частичныя изданія отдѣльныхъ стихотвореній перечислены въ диссертаціи Жуковскаго (стр.100-102),

который и самъ въ своей книгѣ издалъ текстъ (и переводъ) многихъ наиболѣе характерныхъ произведеній Энверія. Добавить надо образцы, изданные латинскою азбукою у И.Пицци въ его Chrestomathie persane (Торино 1889, стр.76-78) и изданные арабскимъ шрифтомъ, во II части „Образцовъ персидской письменности" Мирзы Абдуллы Гаффарова (М.1906, стр.302-306)*).

Переводовъ на европейскіе языки и на русскій имѣется не такъ ужъ много, но сравнительно достаточно. Они, къ сожалѣнію, очень разбросаны. Вотъ главные:

1) The tears of Khorassan (= „Слезы Хорасана"): an elegiac epistle from Anveri, translated (съ приложеніемъ персидскаго текста) by Captain William Kirkpatrick — въ „The Asiatick Miscellany", т.I (Калькутта 1785), стр.286-310. Потомъ этотъ переводъ перепечаталъ Малькомъ въ своей „History of Persia", 1815, при исторіи Синджара и нашествія гузовъ; а съ англійскаго эта элегія попала, по-французски, во французскій переводъ Малькомовой исторіи 1821. Самостоятельный русскій переводъ — у Жуковскаго (1883), стр. 118-124. Эдв.Браунъ: A liter.hist. II (1906), стр.386--387, тоже цитируетъ отрывки изъ Кёркпатриковскаго перевода (не исключительно изъ него, впрочемъ).

2) Очень красивую, хотя и низкопоклонную касыду въ честь мосульскаго атабека Мавдуда Зенгй перевелъ первоначально по-французски Журденъ въ своей статьѣ о персидскомъ языкѣ и литературѣ. Эта статья есть и въ русскомъ переводѣ: „О языкѣ Персидскомъ и словесности" въ „Вѣстникѣ Европы" 1815, при чемъ „Ода въ честь Маудудъ-Зенгвія" помѣщена въ N.12 (іюнь), стр.257-270; только въ этомъ переводѣ съ французскаго эта ода и извѣстна по-русски (у Жуковскаго ея нѣтъ), и ее мы переиздаемъ ниже. Нѣмецкій стихотворный переводъ Хельмины Шези (Chézy), съ фран-

---

*) Оба образца, помѣщенные у Мирзы-Абдаллы, предлагаются здѣсь мною въ русскомъ переводѣ.

цузскаго, помѣщенъ въ Fundgruben des Orients, I(стр. 85-97, съ персидскимъ текстомъ). По-персидски и по-шведски эта касыда издана брошюркой: Laus Melekschah et Bagdad, carmen Enveri, intrepres Nic. Joh. Stéenhoff (Лонд. 1829).

3) Г. С - въ: Ода Энвери — въ „Цвѣтникѣ" 1810, ч.6, стр.67. Этотъ русскій переводъ сдѣланъ съ французскаго.

4) О двухъ газеляхъ въ латинскомъ переводѣ Вилькена („Auctarium", стр.70) см. въ диссертаціи проф.Жуковскаго, стр.102. Текстъ ихъ издалъ первоначально Аузли (Ouseley) въ „The Oriental Collections", т.I (Лонд. 1797), а переиздалъ тотъ же Вилькенъ въ „Institutiones....linguae persicae" (Лейпцигъ 1805).

5) Въ скверномъ стихотворномъ нѣмецкомъ переводѣ есть многочисленные (около трехъ десятковъ) образцы изъ Энверія у Хаммера въ его „Geschichte der schönen Redekünste Persiens" (Вѣна 1818), стр. 88-100.

6) У Рюккерта въ Grammatik, Poetik und Rhetorik der Perser (Гота 1874) издано и переведено по-нѣмѐцки двѣ қаҫыды.

7) E. H. Palmer: Songs of the Reed (1877). Въ числѣ помѣщенныхъ тутъ очень вольныхъ стихотворныхъ переводовъ изъ Энверія имѣется и элегія „Слезы Хорасана". Образцы цитируетъ отсюда затѣмъ Браунъ (1906) на стр.383 и 387-389.

8) и 9) Въ вышеупомянутыхъ монографіяхъ В.А. Жуковскаго (СПБ.1883) и М. Ферте́ (Journ. Asiat. 1895) данъ довольно большой выборъ произведеній Энверія. У проф.Жуковскаго ко всѣмъ переведеннымъ у него на русскій языкъ стихотвореніямъ сообщенъ и персидскій текстъ.

10) По-итальянски шесть стихотвореній — у И. Пицци: Storia della poesia persiana, т.I (Торино 1894), стр. 162-166, стихами же.

11) П. Хорнъ въ своей Geschichte der persi-

schen Litteratur (Лейпц. 1901) даетъ для образца н ѣ м е ц к і й прозаическій переводъ одной вычурной оды Энверія, сопровождая его необходимыми подробными разъясненіями.

12) E d w. B r o w n e: A liter.hist., II(1906); на стр.375-389 тамъ и сямъ даются переводы образцовъ изъ Энверія, обрывочные.

ОБРАЗЦЫ ИЗЪ ЭНВЕРІЯ.

Приведемъ образцы русскихъ переводовъ изъ Энверія. Ода къ Синджару, въ извлеченіи, приведена была выше (стр.121-123).

1) ОДА ВЪ ЧЕСТЬ МОСУЛЬСКАГО АТАБЕКА МАВДУДА ЗЕНГИ (который за прежнюю похвалу далъ Энверію мало, такъ что поэтъ вновь у него ищетъ подачки) *).

Очаровательныя окрестности Багдада! страна исполненная прелестей! жилище учтивства и добродѣтелей любезныхъ!...Ахъ! какое мѣсто во вселенной сравнится съ вами?.... Взоры тихо скользятъ по испещреннымъ лугамъ, какъ будто по богатому ковру разноцвѣтному. Одинъ вѣтерокъ вѣетъ въ сихъ мѣстахъ прекрасныхъ; онъ разливаетъ въ душѣ кроткую веселость. Изъ влажной почвы полей возносится благовоніе, пріятнѣйшее самой амбры. Чистѣйшій воздухъ, проникая тучную землю, производитъ плоды сладчайшіе т о б ы**), и, непримѣтно соединяясь съ во-

---

*) Изъ „Вѣстника Европы" 1815, N.12 (іюнь), стр. 257-270. Правописаніе восточныхъ именъ и словъ мною поправлено, но вообще переводъ оставленъ неизмѣннымъ, какъ характерная иллюстрація для исторіи развитія востоковѣдѣнія въ Россіи.

**) Тоба, одно изъ деревъ, украшающихъ Рай. (Журд.)

дами орошающими оную, сообщаетъ послѣднимъ цѣлительность К а у с е р а*).

На цвѣтущихъ берегахъ Тигра отроки, красотою превосходящіе бѣлолицыхъ Китайцевъ, группами составляютъ рѣзвыя игры; и на смѣющихся долинахъ хороводы юныхъ дѣвъ, прелестныхъ и милыхъ какъ знаменитыя красавицы Кашмира**), повсюду представляются очарованному взору.

Тысячи блестящихъ лодокъ быстро разсѣкаютъ поверхность рѣки, и даютъ ей видъ новаго неба, сіяющаго безчисленными огнями.

Въ счастливое время года, когда лучезарное солнце блистаетъ во всемъ своемъ величіи, когда при восхожденіи зарницы зефиръ по цвѣтамъ развѣваетъ запахъ благовонный,- въ сіе время перловая роса падаетъ съ облаковъ въ нѣжную чашечку тюльпана, а зелень, кажется, скрываетъ въ себѣ неистощимый запахъ благоуханій. При захожденіи солнца небо, украшенное отливомъ пурпура отъ милліона розъ, являетъ взору цвѣтникъ прелестный; при восхожденіи же сего прекраснаго свѣтила земля, блистая эмалью цвѣтовъ, кажется, похищаетъ у неба лучезарнѣйшія его звѣзды. Тамъ полузакрытая зеленью роза развертывается подобно алымъ щекамъ Китайскихъ красавицъ; здѣсь нарциссъ,- какъ кристальная чаша, въ которой пѣнится вино,-

---

*) Такъ называется райская рѣка, текущая на восьмомъ небѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ в е щ е с т в е н н ы х ъ толкователей Алкорана, длина Каусера простирается на мѣсяцъ пути; берега ея состоятъ изъ чистаго золота; камни уносимые ею суть перлы и рубины; песокъ ея имѣетъ запахъ мускуса, вода - бѣлизну и сладость молока, а пѣна - блистаніе звѣздъ. Напившійся одинъ разъ изъ сей рѣки - навсегда утоляетъ свою жажду. Напротивъ того, учители т а и н с т в е н н ы е, ищущіе вездѣ однѣхъ аллегорій, утверждаютъ, что Каусеръ служитъ символомъ сверхъестественныхъ познаній, исчезающихъ въ единствѣ Божіемъ. (Журд.)

**) Западная провинція въ Индіи.

имѣющій цвѣтъ амбры, склоняясь нѣжно на свой стебель, изливаетъ пріятнѣйшія благовонія; нѣсколько далѣе блистаетъ живыми цвѣтами тюльпанъ подобно златой кадильницѣ, въ которой сожигается мускусъ и драгоцѣнный алое; между тѣмъ соловей гибкимъ горлышкомъ, жаворонокъ воздушными пѣніями, показываютъ превосходство нѣжныхъ своихъ звуковъ передъ сладчайшею мелодіей.

Таковы прелести сей счастливой страны! Побужденный сладкою надеждою, я рѣшился отправиться въ оную, и при благопріятныхъ знаменіяхъ промѣнялъ труды путевые на спокойствіе, вкушаемое въ обществѣ друзей искреннихъ.

Насталъ часъ вечерней молитвы; солнце, скрываясь подъ горизонтъ, уподоблялось золотому кораблю, лишенному снастей и теряющемуся въ обширности моря. Скоро огненная полоса препоясала неизмѣримый край свода небеснаго, подобно широкому золотому фризу, окружающему куполъ храма, воздвигнутаго изъ лазурика. Звѣзды, какъ свѣтоносныя п е р и, оплакивали подъ покровомъ печали отсутствіе солнца; дочери Н а а х а*), обращаясь около полюса, оставляютъ слѣды своихъ стопъ на синевѣ небесной. Млечной путь представляется полосою нарциссовъ, пересѣкающею поле, усѣянное голубыми фіалками; и Плеяды, выходя изъ-за вершины горъ, отдѣляются какъ седмь жемчужинъ, блистающихъ въ лазуревой ткани.

Такимъ образомъ небо, каждую минуту открывая тысячи новыхъ явленій, представляетъ взорамъ какъ бы чудесные ковры знаменитаго М а н и**).

Сатурнъ въ знакѣ Козерога блисталъ подобно отдаленному свѣтильнику, повѣшенному среди безмолвнаго портика; Юпитеръ въ знакѣ Рыбъ свѣтился какъ прекрасный глазъ, закрытый благовонною дымкою. Марсъ въ одной чашѣ Вѣсовъ сверкалъ подобно пурпуровому вину въ свѣтломъ сосудѣ; лучезарный Меркурій и прекрасная Венера, какъ любовникъ съ подругою, блистали соединенные въ знакѣ Стрѣльца.

---

*) Три звѣзды въ хвостѣ Медвѣдицы. (Соч. [بنات النعش А.Кр.]

**) Это Манесъ, которому жители Востока приписываютъ чудесный даръ живописи. (Журд.)

Между тѣмъ какъ твердь небесная, подобно искусному чародѣю, производила чудеса столь удивительныя, я приготовлялся къ отъѣзду.

Тогда моя возлюбленная, прекрасная какъ заря утренняя, внезапно явилась предо мною. Своими розовыми перстами она безжалостно терзала благовонный гіацинтъ черныхъ своихъ волосъ; эмаль ослѣпительныхъ ея зубовъ оставляла на розовыхъ ея губахъ слѣдъ кровавый; изъ томныхъ глазъ ея катились слезы и, упадая на волнистыя кудри, блистали подобно перламъ росы, трепещущимъ на полевомъ стеблѣ, и скоро подъ ударами безчеловѣчной руки нѣжная роза ея щекъ восприяла синеватый цвѣтъ блѣднаго лотуса.

„Вотъ, вѣроломный", сказала она мнѣ съ насмѣшкою, „вотъ та вѣчная любовь, тѣ клятвы, которыя истребить одна смерть долженствовала! Увы! могла ли я думать, что ты, подобно врагу безжалостному, оставишь меня столь постыдно!.... Нѣтъ, заклинаю тебя, не удаляйся, не изсушай вѣтви моего счастія! не лишай меня сихъ сладостныхъ взоровъ, не ввергай меня въ отчаяніе!... Какъ! неужели захочешь промѣнять драгоцѣнные уборы гостепріимнаго шатра на бурное небо, и сіе роскошное ложе, сдѣланное изъ рѣдкихъ Греческихъ тканей, на землю твердую и песчаную? Не самъ ли Богъ сказалъ, что присутствіе друга есть изображеніе рая? А сіи слова: путешествіе есть образъ ада, не вышли ли изъ устъ самаго Могаммеда?-

„Куда хочешь итти ты, который не зналъ другой ночи, кромѣ гебена черныхъ волосъ моихъ? чѣмъ можешь наслаждаться ты, который не зналъ другой зари, кромѣ сіянія очей моихъ? И въ той странѣ, въ которую себя изгоняешь, есть ли мудрецъ равный тебѣ въ познаніяхъ? есть ли ученый, который дерзнулъ бы вступить съ тобою въ состязаніе? Тысячи Платоновъ могли бы научиться въ твоей школѣ! Ты одинъ благоразумнѣе тысячи Аристотелей! Твои глубокія астрономическія исчисленія постыдили бы Птоломея, и самъ Абу-Машаръ*) призналъ бы себя побѣжденнымъ, когда бы началъ оспаривать твои достоинства. Такъ, во всемъ Иракѣ нѣтъ мудреца, которому прахъ, возметаемый твоими сто-

---

*) Астрономъ Арабскій, котораго мы знаемъ подъ испорченнымъ именемъ Албу-Мазара.

пами, не былъ бы драгоцѣннымъ для очей лѣкарствомъ*)."

- Прелестный идолъ,- отвѣчалъ я,- прекрати сіи жалобы, которыми ты меня обременяешь;- успокойся, и ввѣрь себя судьбинѣ! Укрѣпись терпѣніемъ, и не дерзай уклоняться отъ уставовъ Божіихъ. Увы! я не произвольно своимъ удаленіемъ предаю тебя мукамъ столь жестокимъ; мое сердце чуждо сего ужаснаго намѣренія: судьбы Вышняго изрекли свое повелѣніе. Кто можетъ уклониться отъ непреложныхъ уставовъ Неба? Пусть въ мирномъ убѣжищѣ пріятныя занятія сокращаютъ для тебя время моего отсутствія; пусть счастливая планета руководствуетъ меня въ семъ трудномъ путешествіи!- При сихъ словахъ она меня оставила, удвоивши слезные токи.

Между тѣмъ серебряный свѣтъ уже разливался по лазуревому своду, и скоро лучезарное свѣтило дня явилось на востокѣ подъ розовымъ покровомъ. Подобно рабу, ожидающему знака къ отшествію, я взлетаю на молодого коня, имѣющаго жилистыя ноги, грудь широкую, станъ лани, копыта тонкія и длинную шею. Гибкій какъ тигръ, смѣлый какъ орелъ, онъ, нападая на непріятеля, въ пламенной своей ярости перегонялъ вѣтры. Убѣгаетъ ли отъ сильнаго врага - тогда хитрый полетъ ворона не равняется съ его быстротою. Когда же безъ принужденія несется по волѣ - то прекрасною своею походкою уподоблялся онъ горному фазану. Изъ Кабула услышалъ бы онъ звуки литавръ Греческихъ; на пространствѣ отъ Индіи до Сузы ничто не могло укрыться отъ проницательныхъ его взоровъ.

На семъ благородномъ животномъ вступилъ я въ Багдадъ. Скоро вѣсть о моемъ прибытіи достигла до слуха Обладателя міра, и сей великій Государь повелѣлъ включить меня въ число приближенныхъ къ своему престолу. Надѣясь, что пресвѣтлѣйшій Повелитель отличитъ меня, осыплетъ чинами и богатствами, я сочинилъ въ честь его стихи, блистающіе чистотою и изящностію

---

*) Сіи похвалы, которыя Энвери самъ себѣ приписываетъ, ни мало не должны удивлять насъ. Въ Персіи стихотворецъ можетъ до небесъ превозносить свои творенія. Впрочемъ и между нашими стихотворцами есть такіе, которые въ самохвальствѣ не уступаютъ Персидскимъ.

слога. Двухъ мѣсяцевъ довольно было для меня, чтобы окончить сіе знаменитое твореніе, которое - подобно произведеніямъ Аристотеля, сохранившимъ имя Александрово - могло передать его память вѣкамъ отдаленнѣйшимъ. Никогда изъ безбрежнаго океана моего воображенія не черпалъ я столь совершенныхъ перлъ, каковыми украсилъ сіе твореніе;- и, увы! мнѣ отказали въ дарѣ стихотворца! Но я ли виноватъ въ томъ, что при Дворѣ никто не умѣлъ цѣнить такого сокровища!

Такъ, клянусь блескомъ и гармоніею стиховъ моихъ, клянусь всемогущимъ Богомъ, создавшимъ сводъ небесный, клянусь существомъ знанія, доставившимъ множеству смертныхъ безсмертіе, живымъ свѣтомъ разума - симъ отличительнымъ преимуществомъ генія, силою краснорѣчія, удобнаго усмирять упоеннаго слона и льва раздраженнаго; клянусь силою Рустема, правосудіемъ Ануширвана, славою Хосроя и могуществомъ Новдера, Абу-бакромъ, Омаромъ, страшнымъ Османомъ и мудрымъ Аліемъ, клянусь прахомъ ногъ великаго Котб-Еддина*), клянусь, что въ сей странѣ нѣтъ человѣка, который могъ бы похитить у меня пальму краснорѣчія; и ежели кто будетъ сумнѣваться въ этомъ, то Богъ да разсудитъ насъ въ тотъ день, когда истина откроется во всемъ своемъ сіяніи!

Такъ я терпѣлъ несправедливость. Однажды поутру, когда вѣяніе зефира сладостно нѣжило чувства, когда рѣсницы еще не освободились отъ бремени сна, я увидѣлъ возлюбленную, гибкой станъ ея и бѣлыя груди.

- „Какъ текутъ дни твои?" сказала она съ неизъяснимою прелестію. „Не раскаиваешься ли ты, что не послушался моихъ совѣтовъ? Увы! я заклинала тебя не оставлять меня, заклинала тебя не платить мрачною неблагодарностію за мою любовь; теперь смотри, вѣроломной! какъ мщеніе падаетъ на преступника!"- Ахъ! возлюбленная, не обременяй меня сими жестокими упреками: въ первые дни моего прибытія счастіе осыпало меня своими дарами; но потомъ Монархъ, занятый великими предпріятіями завоеваній, не могъ удѣлить минуты своимъ обожателямъ.- „Не теряй надежды, ободрись, и новымъ усиліемъ своей Музы обрати къ себѣ вниманіе сего могущественнаго повелителя, котораго чело увѣнчано побѣ-

---

*) Прозваніе Маудуда.

дами".- Дарованія мои слабы,- отвѣчалъ я,- для столь высокаго предмета; но ежели ты вдохновенна, ежели можешь достойно воспѣть великое имя Маудуда-Бенъ-Зенги, то да возгремить оно теперь въ стихахъ твоихъ!- И вдругъ сія достойная соперница небесныхъ Хурій воспѣла моему удивленному слуху сіи краснорѣчивыя хваленія:

„О ты, котораго славныя дѣянія озаряютъ престолъ твой неизмѣняемымъ блескомъ! ты, котораго священные уставы повсюду водворяютъ правосудіе! Тысячи Хакановъ со всѣмъ своимъ могуществомъ едва достойны охранять врата твоихъ чертоговъ. Простые виночерпцы, служащіе тебѣ при пиршествахъ, блаженнѣе Кесарей. Исполненный благородной неустрашимости, ты безтрепетно грядешь на копія, грозящія смертію, и увѣренный въ своей правотѣ спокойно взираешь на перемѣны счастія. Кто изъ непріятелей дерзнетъ противиться острію непобѣдимаго меча твоего? какая вѣроломная душа избѣгнетъ булатнаго твоего копія, когда, въ минуту твоего гнѣва, и смѣлый левъ не можетъ снести блеска мстящаго меча, когда тигръ, проникнутый страхомъ, бѣжитъ при видѣ сверкающаго твоего кинжала?!

„О ты, котораго благородная щедрость воздвигла изъ развалинъ храмъ благодѣянія! ты, котораго десница низпровергла ужасное обиталище сребролюбія. Кáкъ смущенный духъ мой можетъ вознестись къ тебѣ? кáкъ трепещущимъ голосомъ изъясню восторгъ, меня одушевляющій?

„И вы, двоица юныхъ Князей, нѣжные потомки августѣйшей фамиліи, знаменитые питомцы, коихъ слава и честь старались образовать и наставить! кто изъ васъ вдохнетъ мнѣ пѣсни, васъ достойныя?

„Сейфъ-Еддинъ всѣ свои дѣянія устремляетъ ко славѣ отечества, Аззедъ-Динъ уже прославился добродѣтелями необыкновенными. Первый, кажется, даетъ примѣръ самому правосудію; щедрость послѣдняго ознаменовываетъ каждый день новыми благодѣяніями. Такъ, изъ всѣхъ владыкъ земли одинъ токмо Селджукъ достоинъ раздѣлить славу съ Аззедъ-Диномъ. И кто другой, кромѣ знаменитаго Синджара можетъ сравниться съ юнымъ Сейфъ-Еддиномъ? Да будутъ вѣчно окружены они славою, и родитель ихъ да найдетъ въ своихъ сынахъ твердыя подпоры своего престола!

„Удостой вниманія, о Великій государь! сію слабую дань

похвалъ моихъ, и прости, что я дерзнулъ напомнить тебѣ объ одномъ изъ рабовъ твоихъ, пресмыкающемся въ забвеніи. Посвящая тебѣ плоды своихъ дарованій, онъ ласкалъ себя надеждою, что заслужитъ участіе въ твоихъ милостяхъ; онъ чаялъ пріобрѣтать ежедневно уваженіе при Дворѣ твоемъ: нынѣ по роковой судьбѣ находится онъ въ пренебреженіи, какъ послѣдній ремесленникъ. Ахъ! ежели ты бросишь на него взоръ ласковой, позволишь ему облобызать порогъ твоего чертога; съ какою признательностію воспоетъ онъ дѣянія твои! Имя знаменитаго покровителя вѣчно будетъ гремѣть въ безсмертныхъ его пѣсняхъ."

(Журденъ).

г) Посланіе Энверîя къ своему пріятелю Хамîдеддîну, главному судьѣ (кâдû ль-кодâт) и составителю „макâмъ").*

Бе hамд о сăнâ......фиристăм.

1. Когда я задумываю какое-нибудь стихотвореніе во хвалу и славу,- я говорю легко, но съ трудомъ посылаю.

2. Но къ высокой особѣ Хамиди, если будетъ вдохновеніе, я пошлю все легко.

3. Какія есть достоинства и добродѣтели, которыхъ нѣтъ у него? Скажи, чтобы я могъ послать, если они окажутся у меня.

4. Мнѣ стыдно лапку саранчи послать въ чертогъ Соломона.

5. Я боюсь злого смѣха цвѣтовъ - послать въ садъ колючку отъ акаціи.

6. У меня нѣсколько соленыхъ капель, оставшихся отъ пойла дикихъ звѣрей,- кáкъ же ты говоришь, чтобы я послалъ ихъ „живой водѣ"?!

7. У меня нѣсколько песчинокъ земной пыли,- кáкъ же ты говоришь, чтобы я послалъ ихъ на небо Сатурна?!

8. Какъ ты приказываешь мнѣ искру отъ удара желѣза о камень - послать блистающему солнцу?!

9. Если въ октябрѣ мѣсяцѣ мнѣ удастся похитить легчайшій вѣтерокъ у запаха буйнаго вихря, я препровожу его Апрѣлю.

---

*) Переводъ изъ диссерт. Вал. Ал. Жуковскаго, 1883, стр. 37-39 и 39-40. О „Макâмâт-и Хамîдî" см. у насъ выше, стр. 34-35.

10. Всѣ сады мои окончательно засохли, но я пойду и пошлю райскому Ризвану букетъ.

11. На скатерти моихъ качествъ нѣтъ ни одного куска, который я могъ бы послать Локману.*)

12. „Слово" есть дѣтище моей души, но....(у меня) не будетъ наслѣдниковъ, если я пошлю и душу.

13. (Это) не стихи, а колдовство, вотъ почему я не могу послать ихъ къ Моисею, сыну Имрана.

14. Какая цѣль этихъ словъ? и доколѣ мнѣ говорить: вотъ это я пошлю такому-то?

15. Клянусь кумиромъ Таййитовъ**) и предметомъ пѣснопѣній Хассана (б. Сабита, т.е. Мухаммедомъ), что я не пошлю сора Таййитовъ къ Хассану.

16. Эти нѣсколько стиховъ - (для меня только) предлогъ; если же нѣтъ, упаси Боже, чтобы я когда-нибудь послалъ тминъ въ Керманъ!***)

17. Однажды ночью сердце мое воспылало любовью къ нему,- и съ той ночи я собираюсь послать доказательство (этого).

18. (Теперь оно) послано, хотя и не (особенно) хорошо мнѣ посылать въ шахту ржавчину желѣза.

19. Вслѣдствіе малаго знанія - быка, котораго запрягаютъ въ деревянную телѣгу, я посылаю ко льву вертящагося неба****).

20. А если бы нѣтъ (т.е. если бы я зналъ немного болѣе), зачѣмъ мнѣ къ наѣзднику, равному Рустему, высылать на арену такого ѣздока на ослѣ?!"

---

*) Игра словами لقمه и لقمان

**) Можетъ быть, Энвери разумѣетъ здѣсь извѣстнаго Хатимъ-Тая.

***) Керманскій тминъ считается у Персовъ самымъ лучшимъ.

****) Энвери играетъ словомъ گردون, одновременно значащимъ и „телѣга", и „небо"; отсюда گاو گردون значитъ и „волъ, быкъ яремный", и „быкъ неба, т.е. созвѣздіе Тельца".

Отвѣтъ Хамйдэддйна Энверîю:

Мä-рâ Äнвäрî........ - фиристäд.

1. „Мнѣ Энвери, тотъ богатый какъ море, прислалъ словесный драгоцѣнный камень.

2. У меня недоставало масла въ хлѣбъ, - а онъ прислалъ ко мнѣ гостемъ вельможу.

3. Когда моя бѣдность стала ему доподлинно извѣстна, онъ прислалъ мнѣ столъ изъ вышней вѣчности.

4. И, такъ какъ онъ отличается своими сокровищами, такіе подарки прислалъ и скоро, и легко.

5. Такъ какъ всѣ (мои) сокровища расхищены, онъ прислалъ раззоренному свои сокровища.

6. Какъ будто онъ зналъ, что мое существо жаждетъ, - почему и прислалъ мнѣ пахучее вино.

7. Да долгоденствуетъ тотъ другъ, который друзьямъ посылаетъ пищу тѣлесную и спокойствіе душевное!

8. То прибѣжище знатныхъ - изъ кладовой прислало мнѣ живой воды безъ чаши.

9. Сердцу моему, чтобы успокоить (его) относительно той особы (Энвери), онъ прислалъ лѣкарство отъ боли и лѣчебное средство.

10. Великъ Медҗди-Динъ,*) который въ благоустройствѣ міра посылаетъ приказъ на небеса!

11. Въ ноябрскіе дни Аухадэддинъ мнѣ прислалъ подарокъ поры апрѣльской.

12. Я (вовсе) не тотъ, который буду доволенъ судьбою, если она мнѣ пошлетъ тронъ и вѣнецъ Соломона.

13. Груша съ сада благорасположенія - для меня лучше дыни, которыя шлетъ Ризванъ.

14. Вслѣдствіе незнанія, можетъ быть, происходитъ, что (пишущій) напрасно посылаетъ такіе камни въ Оманъ.

15. Умъ будетъ смѣяться надъ всякимъ, кто по небрежности -

---

*) Мнѣ кажется, что „Меджди-Дин"-омъ (= „славою вѣры") пишущій называетъ того же самого Энвери, имя котораго „Аухадэддинъ" въ переводѣ имѣетъ такое же приблизительно значеніе. (Жук.).

соловью пошлетъ такія трели и мелодіи.

3) Усталость отъ панегиризма (= Жук. 48).

Хâтирî.......бî хäлäль.

У меня умъ какъ огонь, и языкъ какъ вода, - острая мысль, прекрасная проницательность и безупречные стихи.

О горе! нѣтъ человѣка, достойнаго панегирика. - О горе! нѣтъ любимаго предмета, достойнаго газели.

4) Стихотворство и алчность (= Жук. 50).

Äнвäрî, шиʿр.........дâйä.

1. Знаешь ли, Энвери, что́ такое стихотворство и алчность? - Первое - ребенокъ, вторая - кормилица.

2. (Стихи) - основа жадности, попрошайничества и любостяжанія: - не вращайся ты около этой основы!

3. Благодаря познаніямъ ты обладаешь короною подобно пѣтуху (т.е. долженъ быть гордымъ), - зачѣмъ же ты какъ курица несешь яйца?!

4. Для выи и уха ума мужа - лучшее украшеніе есть „высокій помыселъ".

5. Жизнь твоя есть перлъ драгоцѣнный, - а ты высокостепенный поэтъ.

6. Не пускай же болѣе на вѣтеръ стихотворнаго вздора, - о высокостепенный, этой драгоцѣнной (жизни).

5) Происхожденіе стихотворства (= Жук. 53-54).

ʿÂдäт-и............хîш.

1. Обычай слагать стихи ввели люди изъ-за терзающей ихъ алчности и скряжничества.

2. Они называютъ (стихи): „мудростью", но (на самомъ дѣлѣ не стихи, а) ужасныя сказки и безсмысленную болтовню.

3. Хищные волки суть эти скупцы: - всѣ они другъ друга рвутъ и терзаютъ.

в) изъ старческой) Profession de foi (= *жук.56-60*).
Ей, бира̂дӑр.........нӑ шимӑрî.

1. Выслушай, братъ, вотъ это разсужденіе о стихахъ и поэзіи,- чтобы горсть попрошаекъ изъ насъ не считать за людей.

2. Вѣдай, что въ государствахъ нельзя обойтись безъ ничтожнаго мусорщика - сохрани тебя Богъ совсѣмъ не знать этого слова!

3. Потому что, когда тебѣ встрѣтится нужда убрать навозъ, необходимъ носильщикъ: самъ ты вытаскать не въ состояніи.

5. А если бы поэта не было, какой можетъ приключиться изъянъ,- если ты разумно посмотришь на благоустройство міра?

6. Такъ какъ насущныя потребности служатъ для человѣка условіемъ (его) подчиненности (другимъ) - то добывай хлѣбъ занятіемъ мусорщика: отъ этого будетъ лучше, чѣмъ отъ поэзіи.

7. Ты (вѣдь) слышалъ, что нужно девятьсотъ работниковъ,- чтобы ты ѣлъ хлѣбъ не зная и не вѣдая.

8. Если съ твоей стороны противъ того не будетъ помощи,- это не будетъ (значить) „ѣсть хлѣбъ"; - знаешь, что это будетъ несчастіе.

9. Что ты для міра? Тебѣ нуженъ насущный хлѣбъ,- но вѣдь правда жъ (люди кромѣ хлѣба) имѣютъ (много и другихъ потребностей, начиная) отъ сапогъ до перстня.

10. Такъ какъ ты не имѣешь ни на кого права, то знай навѣрно,- что (для тебя обозвать кого-нибудь) „воловьей бородой" (дуракомъ) - значитъ (начать) процессъ, а (сказать кому-нибудь) „podex asini" значитъ осмѣять*).

17. Ахъ, врагомъ моей души сдѣлались стихи,- я (ихъ)

---

*) Поэтъ хочетъ сказать: ты не имѣешь никакихъ правъ на другихъ, ни по твоему положенію, ни по матеріальнымъ достаткамъ, почему и не можешь безнаказанно заявлять чрезмѣрныхъ требованій и негодованія; занятіе поэзіей, которою ты добываешь хлѣбъ, ставитъ тебя по необходимости въ зависимость отъ другихъ.

много лелѣялъ!... О правовѣрные, (какое) горе лелѣять врага!

18. Знаешь ли ты, что́ такое поэзія? Это - не увлекайся ею - мѣсячное очищеніе у мужчинъ,- будь поэтъ хоть Сатурнъ или Юпитеръ.

19. (Это совершенно вѣрно), сколько бы ты ни любовался дѣвственными мыслями поэта,- потому что отъ сотворенія міра менструація бываетъ только у женщинъ.

20. Если мнѣ отъ поэзіи одна только прибыль: позоръ, то нужно раскаяться, и умѣстно все написанное предать уничтоженію.

32. Мужу нужна мудрость, которую бы онъ держалъ за полу, чтобы читать „Исцѣленіе (по философіи)" Абу-Али (Ибнъ-Сины), а не болтовню Бухтури*).

33. Когда умные люди будутъ удовлетворены въ стихахъ мудрецами,- то ка́къ они, желая получить драгоцѣнный камень, (ошибутся и) купятъ у ювелира (простое) стекло?!

34. О Господи, ка́къ моя душа была бы причастна къ мудрости, если бы у меня дома въ мѣшкѣ не было чаши съ поэзіей!

35. Энвери! доколѣ ты поэтъ, отъ рабства не будь спокоенъ,- потому что если ты и минуешь опасности, то не минуешь грѣха.

36. Зачѣмъ лилія, хотя она и бываетъ столепестная (centifolia), избрала молчаніе? - дипломъ благородства ей написало лазуревое небо (судьба).

37. Молчаніе сдѣлай ты крѣпостью въ твоемъ царствѣ отшельничества, а если твоему характеру не понравится, скажи душѣ: „смѣйся съ ядомъ, проливай кровавыя слезы!"

38. Причаль (твой) челнъ къ сушѣ, потому что берегъ недалеко,- и, хотя бы не было у тебя рубашки, береги подолъ отъ мокроты.

7) Все покончено съ прошлымъ (= Жук. 52).

Dî mä-pâ........häм.

1. Вчера мнѣ сказалъ влюбленный: „ты (еще) пишешь газели?" - („Нѣтъ",) отвѣчалъ я, „я отрекся и отъ хвалы, и отъ

---

*) Панегиристъ многихъ аббасидскихъ халифовъ, начиная съ Мутаваккиля.

насмѣшки".

2. „Почему же?" сказалъ онъ. „Пора заблужденія, отвѣчалъ я, миновала,- а что прошло, то вновь изъ небытія не возвращается.

3. Я писалъ газели, панегирики и сатиры потому, что во мнѣ кипѣла страсть, алчность и негодованіе.

4. Одинъ всѣ ночи (проводитъ) въ печали и заботѣ о томъ, гдѣ бы, съ кого и какъ содрать пять диргемовъ.

5. Другой - всѣ дни о томъ грустить и страдаетъ, ка́къ бы описать сахарныя уста и завитой локонъ.

6. У третьяго, какъ у раненаго пса, утѣха въ томъ, чтобы захватить въ лапы слабаго, который былъ бы ничтожнѣе его.

7. О если бы Господь этихъ трехъ псовъ голодныхъ милостиво отвратилъ отъ меня, отъ этого немощнаго раба!

8. Сохрани Боже, чтобы я сталъ писать газели, панегирики и сатиры: - я (и такъ ужъ) много душу насиловалъ и умъ тѣснилъ!

9. Болтать вздоръ, Энвери,- не подобаетъ мужамъ: если прежде болталъ, то (теперь) мужественно укрѣпи стопы твои: -

10. Уединись и ищи путь спасенія,- потому что скоро для тебя пройдутъ эти два-три мгновенія (жизни).

8 и 9) ОТРАДА ВЪ ЖИЗНИ УМСТВЕННОЙ ВМѢСТО ПРЕЖНЕЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ (= Жук.7-8).

Гӓр-че бӓстӓм..........к̣а̂сир-ӓм.

1. Хотя я сразу заперъ дверь панегириковъ и газелей,- не думай, что я не въ силахъ нанизывать слова и поэтическіе образы.

2. Напротивъ того,- во всѣхъ наукахъ, которыя кто-нибудь знаетъ изъ моихъ соперниковъ,- (хочешь возьми ихъ по одиночкѣ или всѣхъ вмѣстѣ) - я силенъ:

3. Знаю немного логику, музыку, философію,- если сказать правду, обильною долей надѣленъ я.

4. То, что признаетъ истиннымъ относительно Божества здравый умъ, если ты (въ свою очередь) признаешь истиннымъ, я могу тебѣ (это) разъяснить и развить.

5. Нѣкоторыя указанія, хотя и не самыя ясныя, о силахъ природы - я могу дать, если завистникъ не будетъ за мною при-

сматривать.

6. Я не профанъ въ законахъ и дѣйствіи звѣздъ (астрологіи); если не вѣришь,- загорюй и я явлюсь.

Ӓгäр нâмä.......... Хосрäвâнî.

1. Если нужно написать письмо, я напишу калямомъ и пальцами (похоже на) Хусреванскую парчу.

2. Если желаешь, чтобы я сказалъ стихи, я скажу - и изъ собственныхъ произведеній и изъ древнихъ разсказовъ.

3. Если желаешь, чтобы я сыгралъ въ кости и шахматы, я сыграю.

4. Если хочешь шутки,- я буду живымъ;- отъ этого для тебя не должно быть душевнаго опасенія.

*10) Восхваленіе дервишеской лачуги. Отвѣтъ шаху Аладдину Гуридскому на его предложеніе явиться ко двору. (= Жук. 19-20)**)

Колибä-і........хâб-и мäн äст.

1. Есть у меня лачуга, въ которой и днемъ, и ночью я имѣю мѣсто покоя, пищи и сна.

2. Мое положеніе въ ней таково, что въ немъ сильно завидуетъ мнѣ и за него негодуетъ на меня небо.

3. Въ ней у меня такое небо, что шаръ небесный въ сравненіи съ нимъ есть песчинка блеска моего солнца.

4. Въ ней для меня такой міръ, что окружающій океанъ есть миражъ отъ сіянія моего миража.

5. Все, что есть въ чертогахъ царскихъ, есть и въ моей развалившейся лачугѣ.

6. Подставка подъ Коранъ и на ней черствый хлѣбъ - это мой столъ и жаркое.

7. Моя чаша, съ горькимъ сокомъ (алоэ) - будь она полна!.. Она есть м о я чаша питья!**)

---

*) Персидскій текстъ этой „кытъэ" находится и въ „Образцахъ" Мирзы Абдуллы Гаффарова, т. II (1906), стр. 305-306.

**) Я позволилъ себѣ слегка измѣнить переводъ этого стиха, отступая отъ перевода проф. Жуковскаго.

8. Короткій калямъ и его пріятный скрипъ, есть кольцо для меня и мелодія цитры.*)

9. Голубое рубище суфія для меня предпочтительнѣе тысячи атласовъ.

10. Все, что превосходитъ сказанное, - избави Господи-Помощникъ! - для меня (сущее) накаваніе.

11. Старуха міра не удалитъ „высокаго помысла", который (обитаетъ) въ моемъ жилищѣ.

12. Возвратный путь (отъ) этого шествованія заперъ мнѣ Тотъ, кто для меня прибѣжище и пристанище.

13. Путь этотъ по виду - заблужденіе....- что́ дѣлать? для меня это заблужденіе есть истина!

14. Служба падишаху - живи онъ долго! - тѣлу моему не по силѣ (мнѣ не по плечу).-

15. Хотя его посланіе духъ лелѣющее и умѣряетъ мое безпокойство.

16. У раба (меня) нѣтъ языка (для) отвѣта: - мое платье и обстановка - мой отвѣтъ.

Къ послѣднему образцу изъ Энверія можно бы подъискать рядъ параллелей въ другихъ литературахъ. „Въ XI вѣкѣ Петръ Даміани воспѣвалъ блаженное уединеніе своей кельи, гдѣ для него горѣли розы любви, цвѣли въ снѣжной бѣлизнѣ лиліи цѣломудрія, миртъ самоистязанія, тимьянъ непрестанной молитвы, гдѣ человѣкъ снова восходилъ къ Божію образу, и въ борьбѣ духа и плоти побѣждалъ духъ". А.Веселовскій: „Боккачьо, его среда и сверстники".Спб. 1893, т.I, стр.510.

Далѣе мы посвятимъ особую статью ширванскому панегиристу Хâкâнію. Но сперва надобно предпослать ей коротенькій

---

*) По описанію Lane'a въ „The Modern Egyptians" I,75 - رباب скорѣе можно перевести словомъ „скрипка", тогда زخمه будетъ „смычекъ".

экскурсъ объ историческихъ судьбахъ Ширвана, согласно тому, что сказано было нами выше, въ общемъ очеркѣ исторіи Ирана XI-XIII вѣка (стр.4, сноска).

Д [а]) ЭКСКУРСЪ О ШИРВÂНСКОМЪ ШÂХСТВѢ.

Ширванъ, въ области нынѣшней Бакинской губерніи и сосѣднихъ округовъ (въ томъ числѣ съ нынѣшнимъ губернскимъ городомъ Елисаветполемъ, по старинному - Гянчжá) — извѣстенъ еще въ сасанидскую эпоху въ качествѣ вассальнаго владѣнія хосроевъ, съ особой династіей „ширванъ-шаховъ".

Арабы, завоевавши Ширванъ вмѣстѣ съ прочей Персіей въ VIII в., оставили въ Ширванѣ его старую туземную династію. Вѣка полтора спустя вмѣсто нея возникла (798) династія арабскихъ намѣстниковъ Мазидидовъ (самостоятельно 861-1067).

При грузинскомъ царѣ Давидѣ II (1098-1130) Ширванъ былъ присоединенъ къ Грузіи; но въ томъ же XII вѣкѣ появилась новая, т р е т ь я (а среди мусульманскихъ - в т о р а я) династія ширванъ-шаховъ (около 1106-1382), ставшая въ вассальныя отношенія къ сельджукскимъ азербейджанскимъ атабекамъ-Пеhливанидамъ*), а потомъ подчинившаяся монголамъ. Это самая з н а м е н и т а я изъ ширванскихъ династій. Первые ея представители - Минýчиhръ (ок. 1106-1136), Эхситâнъ (ум. между 1188-1194) и др. славны своимъ покровительствомъ персидской литературѣ; при ихъ дворѣ жили или имъ посвящали свои произведенія такіе поэты, какъ Хâкâній (1106-1199) и Низâмій (1141-

---

*) См. стр.4.

~~(1141~~-1203), не говоря о многихъ другихъ. Столица была сперва въ Гяндже́ (нын. Елисаветполѣ), потомъ въ Баку́, Шемахѣ́.

Въ 1382 г. эта династія была свергнута собственными подданными, и на престолъ былъ возведенъ Ибрâһîмъ Дербендскій, основатель четвертой династіи ширванъ-шаховъ (1382-1550). Въ зависимости отъ перемѣны обстоятельствъ представители ея были вассалами Тимура, Тимуридовъ, Джелаировъ, туркменовъ Кара-Коюнлу и Акъ-Коюнлу, наконецъ вассалами создателей новой Персіи (1499) — Сефевидовъ. Въ 1550 г. Ширванъ былъ занятъ войсками персидскаго шаха-сефевида Таһмаспа I.

Въ началѣ XIX вѣка Ширванъ былъ отвоеванъ Россіей.

Изслѣдованіе о ширванъ-шахахъ далъ Дорнъ: Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe (1841)*); ошибки его изслѣдованія исправилъ Ханыковъ въ видѣ письма къ академику Дорну (1857) **). Хорошая, сжатая статья В. Бартольда при его переводѣ „Мусульманскихъ династій" Стэнли-Лэнъ-Пуля (Спб. 1899, стр. 295-296) имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что въ генеалогическихъ таблицахъ, составленныхъ по Дорну, не приняты въ разсчетъ поправки Ханыкова; это я, впрочемъ, уже отмѣчалъ въ другомъ мѣстѣ***).

---

*) Въ Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences, Спб. 1841, стр. 523-602 (Sc. pol., t. IV).

**) Напеч. въ Bulletin de la Classe hist.-philologique, Спб. 1857, т. XIV, стр. 353-370 = Mélanges Asiatiques III, стр. 114-137

***) Въ „Исторіи арабовъ", въ концѣ введенія къ исторіи халифата.

Литографія Ю. ВЕНЕРЪ, Москва

Д б) ХÂКÂНІЙ И ЕГО ШИРВАНСКІЕ СОПЕРНИКИ: АБУЛЬ-ЭЛЯ̂, ФЕЛЕКІ̂Й, ЭХСИКЕТІ̂Й И ДР.

Эфзель-эд-дйнъ Ибрâhимъ ибнъ-Алй-Неджâръ (1106-1199), прозванный „Хâкâнй", можетъ считаться послѣ своего современника Энверй едва ли не славнѣйшимъ изъ персидскихъ поэтовъ-панегиристовъ, которыми былъ такъ богатъ XII вѣкъ съ его множествомъ возникшихъ мелкихъ династій. Хâкâній —„Пиндаръ востока", по характеристикѣ стараго Хаммера*).

Отецъ Эфзельэддйна Алій былъ плотникомъ („неджâр" نجّار) въ городѣ Гянджѣ (нын. Елисаветполь) вассальнаго шахства Ширванскаго. Напомнимъ (см.стр.144), что Ширванское шахство - это нынѣшняя Бакинская губернія. Подъ конецъ XI вѣка область на короткое время попала было подъ верховенство Грузіи; но вскорѣ же, приблизительно въ одно время съ рожденіемъ будущаго поэта, сына Алія-плотника, въ Ширванѣ утвердилась 2-ая — изъ мусульманскихъ —династія ширванъ-шаховъ въ лицѣ ея основателя Минŷчиhра бенъ-Касрâна (царств. ок. 1106-1136). Нельзя говорить о серіозномъ вліяніи плотника Алія на своего сына, будущаго поэта; однако не мѣшаетъ отмѣтить, что повидимому ужъ и отецъ былъ настроенъ мистически. Особенно же это можно было сказать про дядю Эфзеледдйна - ученаго Мирзу-Кâфй, врача-аптекаря, астронома и метафизика, который лично занялся обученіемъ мальчика и имѣлъ на него воздѣйствіе. Такимъ образомъ, первое міровоззрѣніе юноши было м и с т и ч е с к о е.

---

*) Gesch. der schönen Redekünste Persiens (1818), стр.129.

Начавши писать стихи, молодой Эфзеледдûнъ, какъ и естественно было ждать, первоначально старался подражать въ ихъ содержаніи и направленіи своему старшему современнику - прославленному суфійскому поэту Сенâîю; поэтому и свой „тахаллос" تخلّص, т.е. литературное прозвище (или, говоря по нынѣшнему, „псевдонимъ") принялъ онъ въ духѣ суфійскомъ: „Хäqâиqû" (что приблизительно значитъ „искатель истинъ") *).

Но затѣмъ у него оказался новый учитель (впослѣдствіи этотъ учитель сталъ даже его тестемъ). Это былъ А б ў л ь-ʿЭ л я̂; онъ занималъ должность „царя поэтовъ" при дворѣ ширванъ-шаха Минўчиhра. Абўль-ʿЭля̂ предложилъ Эфзеледдûну принять другое названіе: „Хâкâнû", въ честь своего государя („хâкâна"), и это прозвище навѣкъ закрѣпилось за поэтомъ. Подобно своему учителю Абўль-ʿЭлѣ̂, своему сопернику и пріятелю Ф е л е к î ю**) и другимъ ширванскимъ поэтамъ, Хâкâни занялся в о с х в а л е н і е м ъ М и н ў ч и h р а.

Вскорѣ Минўчиhръ умеръ (между 1131-1136), и его преем-

----

*) Отъ слова „حقائق" (т.е. „истины"; ед. число - حقيقة).

**) Джеля̂леддûнъ Мохаммедъ Ф е л е к û, ширваншахскій панегиристъ, умеръ въ 1181 г. Онъ пользовался придворнымъ титуломъ „царь поэтовъ"; что же касается прозвища „фелекû" (= „витающій въ небесахъ"), то онъ его получилъ, вѣроятно, за свои занятія астрономіей. Впослѣдствіи, когда Фелекû умеръ, Хâкâній оплакалъ его смерть въ длинной элегіи. Библіографію о Фелекû см. у К. Залеманна: Четверостишія Хâкâнû (Спб., 1875), стр. 15. Тамъ же, въ приложеніи, на стр. ٥٩-٦٢, помѣщена по-персидски его біографія, но безъ перевода; французскій ея переводъ - у Шармуа въ его „Expédition d'Alexandre le Grand".

никомъ сдѣлался шахъ Э х с е т â н ъ (ум. между 1188-1194)*),- тотъ самый извѣстный меценатъ, которому и знаменитый гянджійскій шейхъ Низâмій**) посвятилъ въ 1188 г. свой эпосъ „Лейлâ и Меджнŷнъ". Хâкâнй перешелъ въ столицу новаго шаха - г.Баку, былъ принятъ въ п р и д в о р н ы е п о э т ы и въ теченіи долгихъ лѣтъ обращалъ свое поэтическое творчество преимущественно на составленіе хвалебныхъ стихотвореній въ честь Эхсетана, его женъ и придворныхъ.

Придворныя ширванскія оды заполняютъ значительную часть дивана Хâкâнія, и въ памяти потомства Хâкâній остается преимущественно памятенъ, какъ спеціалистъ-панегиристъ ширванскихъ государей и вельможъ. Но это не значитъ, что больше никому онъ одъ не писалъ. Есть у Хâкâнія,- впрочемъ писаны онѣ позже,- еще и другія оды: ширванскому сюзерену атабеку Кызылъ-Арслану Азербейджанскому (1186-1191), могущественному султану восточнаго Ирана Такашу-Хâрезмшâху (1172-1200) и нѣкоторымъ другимъ государямъ,- въ томъ числѣ даже кипрскому правителю Исааку Комнену, брату византійскаго императора Іоанна Комнена***). Часть ихъ существуетъ и въ европейскихъ

---

*) Эдв.Браунъ,не знаю на какомъ основаніи, исправляетъ его имя на „Akhtisân". См. „A literary history of Persia", t.II (1906), стр.394, 398, 402, 414.Или,быть можетъ, Браунъ держится устарѣлаго чтенія Шармуа?

**) О Низâміи см. ниже, особую главу.

***) Исаакъ Комненъ правилъ Кипромъ между 1182-1191 годомъ. Затѣмъ власть Комненовъ была здѣсь уничтожена, потому что рыцари-крестоносцы образовали на островѣ свое сос-

переводахъ*).

О д ы Хâќâнія, какъ это впрочемъ естественно въ каждой панегиристической поэзіи, напыщены, гиперболичны, искусственны. Но эти отличительныя черты свойственны не только царославнымъ его панегирикамъ. Одновременно онъ писалъ любовно-лирическія г а з е л и и д и д а к т и ч е с к і я стихотворенія,- и они по стилю отличаются тѣми же чертами. Воспѣвалъ ли онъ царей и вельможъ, изливалъ ли свои лирическія ощущенія въ газеляхъ или морализаторскихъ стихахъ,- стихи его, при всей ихъ неоспоримой звучности, мелодичности и мощномъ изяществѣ языка, всѣ страдаютъ чрезмѣрной вычурностью, натянутой цвѣтистостью, утомительнымъ нагроможденіемъ искусственныхъ остротъ и выраженій, содержащихъ игру словами и т.п. Востоку эти черты нравились и еще продолжаютъ нравиться, но изъ-за нихъ, равно какъ изъ-за множества малопонятныхъ намековъ на событія дня, Хâќâніевы оды и газели нуждаются въ обстоятельныхъ комментаріяхъ - и нуждаются въ нихъ еще больше, чѣмъ стихи главнаго персидскаго панегириста - Энверiя**).

бое христіанско-рыцарское королевство, съ Лузиньянской династіей, которая продержалась здѣсь до 1489 года (она уступила свое мѣсто лишь Венеціанской республикѣ).- Не мѣшаетъ вскользь замѣтить, что мать Хâќâнія была родомъ не мусульманка, а христіанка, о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ „Гостинцѣ изъ обоихъ ʿИрâковъ".

*) См. слѣдующую ссылку.

**) Какъ изъ похвальныхъ касыдъ, такъ и изъ любовныхъ

Вычурность въ значительной степени портитъ Хâкâнію также его „о б р ы в к и" (кытъʿэ) и ч е т в е р о с т и ш і я („робâ̔й"). Правда, въ этихъ эпиграммахъ и афоризмахъ видна и житейская мудрость, и знаніе людей съ ихъ психологіей, и умная иронія; но только очень немногія сравнятся по своей ясности и мѣткости съ робâ̔й Хейŷма*).

Въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ пятидесяти лѣтъ жизни, Хâкâній написалъ два большихъ произведенія, которыя тѣсно связаны съ его біографіей и которыя значительно отличаются своимъ духомъ и языкомъ отъ вышеназванной его лирики. Одно изъ этихъ произведеній - довольно просто написанная, богатая лирическими изліяніями и автобіографическими отступленіями и выказывающая много остроумной наблюдательности автора месневійная поэма „Тоhфет оль-ʿИрâqейн" (= „Г о с т и н е ц ъ и з ъ о б о и х ъ ʿИ р â к о в ъ"), въ которой описывается путешествіе автора на богомолье въ Мекку и Медûну, совершенное туда и назадъ черезъ оба ʿИрâка (العراقان), т.е. Месопотамію (1156) **). Она посвящена визирю мôсульскаго атабека

газелей Хâкâнія кое-какія имѣются, по одиночкѣ, въ европейскихъ переводахъ. См. у Вилькена: Auctarium, стр.69-70; въ мемуарѣ Ханыкова, J.As. 1865, V, стр.332-340 (похвала Испаhану и испаhанцамъ), стр.312-321 (кипрскому правителю Исааку Комнену, брату византійскаго императора Іоанна Комнена), и др.

*) Въ русскомъ переводѣ робâ̔іяты Хâкâнія и многіе его кыт̔âты имѣются въ диссертаціи Залеманна 1875. Мы ниже предлагаемъ кое-что въ стихотворномъ переводѣ Ѳ.Е.Корша.

**) Обзоръ „Гостинца изъ обоихъ ʿИрâковъ" и переводъ

Зенгî, по имени Джемâледдûну*), потому что съ его сыномъ Хâкâнiй ѣхалъ вмѣстѣ на богомолье и вмѣстѣ же прiѣхалъ съ богомолья назадъ въ его Мóсулъ.... Путешествiе это имѣло печальныя послѣдствiя для Хâкâнiя и выгодно отразилось только на его „Дîвâнѣ", обогативши „Дîвâнъ" одною изъ лучшихъ его элегiй. Дѣло вотъ въ чемъ. Большой почетъ, который встрѣчалъ Хâкâнiя во время пилигриммскаго путешествiя, нѣсколько вскружилъ ему голову, и когда онъ вернулся ко двору ширваншаха, то проявилъ такое самомнѣнiе, что столкнулся съ самимъ государемъ. Разгнѣвавшись, Эхсетâнъ засадилъ Хâкâнiя на нѣкоторое время даже въ тюрьму, и тамъ въ тюрьмѣ поэтъ написалъ одно изъ лучшихъ, задушевнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ своихъ произведенiй: „Т ю р е м н у ю э л е г i ю" (حبسيّه „Хебсiййе")**).

Обостренiю отношенiй между шахомъ и Хâкâнiемъ способствовалъ, еще и до поѣздки въ Мекку, бывшiй учитель Хâкâнiя и его тесть А б ŷ л ь - ʻЭ л â, который не могъ простить своему ученику его поэтическихъ успѣховъ и удачнаго конкуррированiя на поприщѣ полученiя шахскихъ милостей. Въ „Дîвâнѣ" Хâкâнiя его враждебныя отношенiя къ Абŷль-ʻЭлé оставили яркiй слѣдъ,

---

трехъ отрывковъ далъ Х а м м е р ъ въ Wiener Jahrbücher, XL (1827) и LXIV (1833). Есть тоже обзоръ у Ф л ю г е л я въ его каталогѣ Вѣнскихъ рукописей I, стр.506, III, стр.XX. Французскiй переводъ одного отрывка - въ Mémoire'ѣ Ханыкова.

*) Умеръ въ заточенiи 1164 г.

**) Франц. пер. „Хебсiййе" - у Ханыкова. J. As. V, 350--359.

потому что между обоими поэтами велась стихотворная перестрѣлка ѣ д к и м и э п и г р а м м а м и и с а т и р а м и *); она переходила иногда прямо въ пасквили (Ӑбу̂ль-ʿЭля̂ совѣтовалъ, напримѣръ, Ха̂ка̂нію не издѣваться надъ болѣе старыми людьми, чѣмъ онъ самъ, потому что, - острилъ онъ, - „быть можетъ, это твой отецъ")**).

Впрочемъ, такой обмѣнъ поэтовъ насмѣшливыми стихотвореніями, обращенными другъ противъ друга, былъ тогда въ модѣ, и ихъ присутствіе въ чьемъ-либо „Дӣва̂нѣ" не всегда можетъ служить доказательствомъ личныхъ враждебныхъ отношеній этого поэта къ тому поэту, противъ котораго они направлены: это можно сказать про тѣ насмѣшливыя стихотворенія Ха̂ка̂нія, которыя обращены на Э с ӣ р а Э х с и к е т ӣ я. Панегиристъ Эсӣръ Эхсикетӣй (ум. 1212) нарочно покинулъ свою родину Фергáну и направился въ Ширванъ, чтобы вступить въ поэтическое состязаніе съ Ха̂ка̂ніемъ; приглашенный, по дорогѣ, къ сельджукскому султану Арсланъ-шаху ʿира̂кскому (1161-1177), Эсӣръ

---

*) Одна очень непристойная и даже политически-доносицкая сатира Ха̂ка̂нія противъ Ӑбуль-ʿЭлй переведена у Ханыкова — въ Journal Asiatique, 1864, IV, 155-158; при ней и персидскій текстъ.

**) По-персидски это звучитъ такъ: هجو کسی مکن که زتو مِه بُوَد بسّن
شاید که او پدر بُوَد و تو ندانیا

См. персидское приложеніе къ диссертаціи К. Залеманна, стр. ۵۹
Ханыковъ (стр. 154) очень основательно сближаетъ это двустишіе Ӑбу̂ль-ʿЭлй съ Гейневскимъ въ „Tambour-major"-ѣ:

Du solltest mit Pietät, mich däucht,
Behandeln solche Leute:
Der alte ist dein Vater, vielleicht,
Von mütterlicher Seite.

задержался у Арсланъ-шаха, но все-таки завязалъ съ Хâḳâнiемъ поэтическiй обмѣнъ сатирами и самопрославленiями, на которыя и тотъ не оставался въ долгу. Безъ всякаго зазрѣнiя совѣсти Хâḳâнiй клялся „Творцемъ, владыкой круговорота времени", что лучшiй поэтъ нынѣшняго времени это онъ, Хâḳâнiй. „Я — Iосифъ на современной голодной литературной нивѣ...; не существуетъ того, кто былъ бы рожденъ подъ одною со мной звѣздою;....... я - пророкъ между поэтами" *),- такъ писалъ Хâḳâнiй, стараясь унизить поэзiю Эсйра. Замѣтимъ кстати, что Б е й л е к â н i й (ум. 1198), одинъ изъ соперниковъ Эсйра Эхсикетî (по восхваленiю уже не иракскаго султана, а атабека азербейджанскаго - Кызылъ-Арслана, 1186-1191) былъ ученикомъ Хâḳâнiя и жилъ въ его домѣ.

Несмотря на гордыя заявленiя Хâḳâнiя, что онъ, какъ „пророкъ между поэтами и Iосифъ на голодной литературной нивѣ", можетъ не обращать вниманiя на соперниковъ, энергiя его съ теченiемъ лѣтъ ослабѣвала: и борьба съ соперниками, порицателями и интриганами, и забота о постоянномъ поддержанiи шахскаго благоволенiя, и вообще всѣ суетныя условiя придворнаго быта порождали въ немъ, въ концѣ концовъ, чувство у с т а л о с т и о т ъ ж и з н и. По смерти ширваншаха Эхсетâна (между 1188-1194) Хâḳâнiй ужъ не остался при Ширванскомъ дворѣ, хотя главный его завистникъ Абу̂ль-ʿЭлâ тогда былъ уже мертвъ**),

---

*) Образецъ стихотворенiй, которыми обмѣнивались Хâḳâнiй и Эхсикетîй - см. у Залеманна,(1875), стр. 20-22.

**) Абу̂ль-ʿЭлâ умеръ между 1175-1176 гг.

и переселился въ Тебрîзъ. Тягостныя семейныя обстоятельства (смерть молодого сына и маленькой дочери*) и смерть любимой жены, на которую онъ смотрѣлъ не по восточному, но какъ на вѣрнаго друга**), содѣйствовали еще бо́льшему развитію печальнаго взгляда на тщетный смыслъ жизни и на суетность міра; - это имъ выражено въ написанныхъ тогда элегіяхъ.

Умеръ Хâк̣âнîй между 1194-1199 г. въ Тебрîзѣ; тамъ онъ и похороненъ въ предмѣстьи Сорхâбъ на такъ называемомъ „Кладбищѣ поэтовъ" (مَقبَرَةُ الشُّعَراء), гдѣ ужъ лежалъ Бейлек̂âнî (+1198) и гдѣ вскорѣ былъ положенъ панегиристъ-гиперболикъ Зеһîръ Фâръйâбî (+ 1202) и другіе.

О Хâк̣âніи см. основательный „Mémoire sur Khâcâni" Н. Ханыкова (1864-1865)***) и магистерскую диссертацію „Четверостишія Хакани" К. Залеманна (1875)****),

---

*) См. элегіи на ихъ смерть, въ русск. переводѣ - у Залеманна, стр. 18-19. И у насъ ниже.

**) Франц. переводъ элегіи на смерть жены - у Ханыкова, Journ. As., 1864 IV, 187-188.

***) N. de Khanikof: Mémoire sur Khâcâni, poète persan du XII-e siècle: I. Étude sur la vie et le caractère de Khâcâni (Journ. Asiat. 1864, т. IV, стр. 137-200); II. Texte et traduction de quatre odes de Khâcâni (ibid. 1865, т. V, стр. 296-367; тутъ же помѣщены извлеченія изъ „Тохфет-оль-'Ирâк̣ейн"). Отд. оттискъ - Парижъ 1865. Въ своихъ поправкахъ къ Дорну (1857) Ханыковъ тоже касался Хâк̣âнія.

****) Четверостишія Хакани. Издалъ и перевелъ Карлъ

гдѣ на стр.13-14 и 23-27 перечислены восточные источники и прежнія европейскія работы и изданія. Очень вѣроятно, что ни Ханыкова, ни подавно Залеманна не читалъ Пицци (1894), который Хâқâнію посвятилъ въ своей „Storia della poesia persiana" путанную замѣтку (т.I, стр. 96-98, 216--217 и,—образчикъ мистическаго стихотворенія,—стр.254)*). Суха, но точна замѣтка Этé - въ Grundriss der iranischen Philologie, II, 263-265 (1896), построенная по Ханыкову. На Ханыковѣ же основывается Edw. Browne: A literary history of Persia, т.II (1906), стр.391-399, съ нѣкоторыми образчиками переводовъ.

Полное собраніе сочиненій Хâқâнія („Коллійâт") отлитографировано въ Лакно 1294=1877 и 1879. Это огромный томъ въ 1582 страницы. Отдѣльно „Тохфет оль-ʿИрâқейн" — въ Агрѣ 1855 и въ Лакно 1294 = 1877; извлеченія изъ него - Лахоръ 1877. Все, что издано по частямъ въ Европѣ до 1875 г., перечислено у Залеманна, стр. 23-26. Къ библіографіи персидскаго текста добавить можно: Chrestomathie persane Пицци (Торинъ 1889), стр. 72-75, и „Образчики персидской письменности" мирзы Абдуллы Гаффарова, т.II (М. 1906), стр.295-302.

Для образца, приведемъ два десятка лучшихъ (по идеѣ) четверостишій Хâқâнія въ русскомъ переводѣ К.Г. Залеманна. Пе-

---

Залеманнъ. Диссертація на степень магистра перс.словесности. СПБ. 1875. Стр. 87+92 перс. Въ персидскомъ приложеніи кромѣ четверостишій изданы и другія мелкія произведенія Хâқâнія, равно какъ біографія его, Абўль-ʿЭли и Фелекîя, извлеченныя изъ Довлетъ-шâха, Джâмія и др. Самая жъ диссертація содержитъ критическое изслѣдованіе о жизни, сочиненіяхъ, языкѣ и рукописяхъ Хâқâнія, равно какъ обзоръ того, что было сдѣлано учеными до Залеманна.

*) Пицци,напримѣръ, полагаетъ за годъ рожденія Хâқâнія дату 1140, т.е. заставляетъ Хâқâнія родиться лѣтъ на 35 позже дѣйствительной даты.

реводъ этотъ, къ сожалѣнію, вовсе не литературенъ: онъ сдѣланъ съ чисто-филологическими цѣлями и совершенно лишенъ тѣхъ техническихъ достоинствъ, которыми отличается персидскій оригиналъ. Десятокъ же четверостишій издается у насъ (впервые) въ стихотворномъ переводѣ Ѳ.Е.Корша.

ИЗЪ „ЧЕТВЕРОСТИШІЙ ХАКАНИ".

1 (= Зал. N.1).

Онъ обѣщалъ мнѣ три поцѣлуя сладкихъ устъ [своихъ]; одну [= цѣлую] ночь онъ держалъ (оставлялъ) меня грустнаго въ обманѣ*).

Я сказалъ [ему]: дай мнѣ то, что ты вчера обѣщалъ; - онъ [же] пожалъ плечами и не удѣлилъ (ихъ,т.е. поцѣлуевъ) мнѣ.

2. (= Залем.N.32).

О идолъ! возврати [мнѣ] прахъ сердца моего изъ мѣста, куда ты его спряталъ. Онъ замаранъ кровью,- все-таки возврати его!

Такъ какъ на рынкѣ, гдѣ я [продавалъ] душу [свою], а ты-губы [свои], торгъ не состоялся, то возврати [мою] душу!

3. (= Залем.N.33).

Хакани прекратилъ [свою] страсть къ этому царю идоловъ, [и] передалъ сердце [свое] дѣлу сокрушенныхъ, подобныхъ ему самому:

Кáкъ-это мотылекъ смѣетъ любить солнце, тогда какъ онъ даже не въ состояніи справиться со свѣчею?!

4. (= Залем. N.49).

Вся какъ есть, моя юность прошла; [всѣ] дни мои,

---

*) Т.е. тщетномъ ожиданіи.

какъ ты знаешь, протекли въ печали;

Въ смерти домашнихъ прошла жизнь моя; вся жизнь моя прошла въ пѣніи эпитафій.

5. (= Залем. N.65).

Великій царь, дарующій султанскіе дары, сказалъ: Я умѣю исполнить желанія Хакани.

Я отвѣтилъ: о царь, какое желаніе [моего] сердца ты умѣешь исполнить, когда не можешь возвратить прошедшей жизни?

6. (= Залем. N.81).

О виночерпій, мое [блѣдное лицо] не перемѣнитъ свѣта; вопль (происходящій) изъ [моего] сердца не перемѣнитъ намѣренія (= я не перестану плакать);

Много ли даешь вина, мало ли — пользы нѣтъ, потому что этотъ твой потокъ (вино) не подвинетъ этого камня (печали съ моего сердца).

7. (= Залем. N.93).

Когда письмо твое прибыло ко мнѣ, была ночь; я прочелъ [его] и попалъ въ другую ночь;

[Но] потомъ блескъ мыслей твоихъ скоро поднялъ голову [свою], и въ двухъ ночахъ моихъ проявилась тысяча солнцевъ.

8. (= Залем. N.103).

Ты видѣлъ, что весенній зефиръ завѣялъ. [Но] къ намъ не пришелъ вѣтерокъ отъ нашей весны (возлюбленнаго).

О горе, что, когда роза разорвала занавѣсъ одиночества, этотъ нашъ розощекій выбралъ [для себя] сидѣніе за занавѣсомъ!

9. (= Залем. N.118).

Онъ ушелъ, и сердце мое не возвратилось отъ него. Я слѣжу за нимъ, направивъ глазъ на дорогу, приложивъ ухо къ дверямъ (т.е. въ ожиданіи возврата его).

Глазъ [мой] приходитъ къ уху [съ вопросомъ]: имѣешь ли извѣстіе о немъ? Ухо [мое] приходитъ къ глазу [съ вопросомъ]: увидѣлъ ли ты его опять?

10. (= Залем. N.130).

Что мнѣ дѣлать съ золотымъ кубкомъ? принеси глиняный, о сердце! Подними-ка ногу изъ глины печали, о сердце!

До тѣхъ поръ, пока изъ глины моей могилы не выростетъ терновникъ, о сердце, ты держи розовое вино въ глиняномъ кубкѣ, о сердце! (веселись и наслаждайся до конца жизни) *).

11. (= Залем. N.142).

Эта луна — въ кораблѣ, а я въ опасности; подобно тому какъ корабль [качается отъ волнъ, такъ и] голова моя кружится отъ слезъ;

Отъ того вѣтра, который принесетъ мнѣ радостное извѣстіе о ней, я взволнуюсь какъ вода и полечу какъ корабль.

12. (= Залем. N.150).

Засыпая - я воображаю себѣ твое лицо; просыпаясь - я растолковываю [сновидѣніе] о соединеніи съ тобою:

Если ты хочешь [отъ меня] оба міра, и душу и сердце и вѣру, то я надъ обоими (первыми) и надъ тремя (послѣдними) скажу четыре [раза] „Аллâh акбар"**).

13. (= Залем. N.152).

Ты - солнце, а я - качающійся ненуфаръ (водяная лилія): тѣло мое потонуло въ слезахъ, [но] губы мои улыбаются;

---

*) Игра словъ: гол گل „роза" и гил گل „глина", которыя пишутся одинаково.

**) Т.е. я съ удовольствіемъ предоставлю ихъ тебѣ.

Лицо мое пожелтѣло, и сердце надѣло синій трауръ, [и] голова моя опустилась внизъ; ночью я умираю отъ печали, днемъ [же опять] оживляюсь тобою.

14. (= Залем. 153).

Ты знаешь, какъ я сломанъ и связанъ любовью; ты знаешь, какъ губы мои связаны и сердце мое сломано;

Я знаю, каковъ ты, сидящій за пиромъ и виномъ; ты знаешь, каковъ я, сидящій потопленнымъ въ крови (печали).

15. (Желаніе смерти = Залем. N.156).

Гдѣ ядъ, чтобъ я далъ ему имя дружбы? Гдѣ мечъ, чтобы я счелъ его водою жизни?

Гдѣ ударъ, чтобъ я счелъ его повелѣніемъ небеснымъ? Гдѣ убіеніе, чтобъ я счелъ его привѣтственнымъ подаркомъ того міра?

16. (= Залем. N.172).

Когда я узналъ, что моя газель, побѣждающая львовъ, была поражена грустью, подобно моему сердцу, не имѣющему пристанища,

тогда,- клянусь Богомъ и ея душою,- душа въ моемъ тѣлѣ сѣла въ трауръ по моемъ свѣтломъ сердцѣ (т.е.другѣ).

17. (= Залем. N.173).

Хакани! по милости этого чернаго, подлаго неба, какимъ ты сталъ [въ мірѣ,] въ этой п е ч и, имѣющей цвѣтъ з о л ы!

Глазомъ и сердцемъ ты теперь подобенъ к о т л у бани, потому что внутри у тебя о г о н ь, а внѣ в о д а.

18. (= Залем. N.182).

О царь красавцевъ! [всѣ] красавцы, какъ [и] я - твои рабы; я горько плачу отъ сахарной улыбки твоей;

Ты - в ѣ т е р ъ, я - п ы л ь, взброшенная тобою; когда ты станешь порывистымъ (суровымъ), я [какъ

ныль) буду разсыпанъ тобою.

19. (= Залем. N.190).

Каждый день у тебя новая суровость, такъ что платье моего терпѣнія разрывается въ куски;

Ни одного хорошаго качества я не замѣчалъ у тебя во всю жизнь: ты безжалостное лицо,- я это испыталъ,- ступай, ступай!

20. (= Залем. N.228).

Ты — султанъ, а тугра (печать) твоя — красота; лицо твое играетъ царскую музыку красоты.

Взгляни на Хакани съ любовью, потому что онъ твой прахъ, а ты его солнце!

21-29.

Въ стихотворномъ переводѣ Ѳ.Е.Корша. См. „Исторію Персіи", ч.I, вып. 4, 1909, стр.414-415. Это четверостишія NN.36, 44, 83, 158, 170, 181, 185, 200, 203.

30. (= Залем. N.203); переводъ Ѳ.Е.Корша.

Пока еще живъ былъ огонь во мнѣ юности смѣлой,
Безумно порхалъ мотылькомъ я, не зная, что́ страхъ.
Погасъ тотъ огонь, и упалъ мотылекъ обгорѣлый;
Гдѣ были они, тамъ остались лишь пепелъ и прахъ.

31. Э л е г і я. (= Залем., стр.19).

1. У меня былъ сынъ, что высокое солнце;-неожиданно я передалъ его темной могилѣ.

2. Когда съ тоски по сынѣ умерла мать его, я передалъ землѣ ея измученное тѣло.

3. Дѣва-дочь была у меня, подобная звѣздѣ въ хвостѣ Медвѣдицы;-я передалъ ее мужу съ свѣтлымъ сердцемъ какъ Симакъ (созвѣздіе).

4. Лишь только я передалъ дочь зятю, сказавъ: „она сокровище золота",- ее также я передалъ землѣ.

5. Я остался одинъ, я да Абд-эль-меджидъ (можетъ быть, имя зятя), и его я передалъ чистому Богу.

6. Если у него не будетъ (другого) убѣжища въ Ширванѣ, то достаточное убѣжище для него тотъ Богъ, которому я передалъ его*).

---

e) Н и з а̂ м і й (1141 - 1203).

Низа̂мій - лучшій романтическій (тѣснѣе - суфійско-романтическій) персидскій поэтъ, непрекращающійся источникъ подражаній для послѣдующей персидской романтики, въ высшей степени любимый первообразъ и для турецкой литературы.

Полное его имя - шейхъ Низа̂моддӣнъ Абу̂-Мохаммедъ Ильяс̂ъ ибнъ-Ю̂софъ Гянджевӣ. Собственно, онъ былъ уроженецъ куммскій (1141), а если онъ носитъ прозвище „Гянджевӣ" (т.е. гянджинскій), то это потому, что большую часть своей жизни онъ провелъ въ Гянджѣ́ (нынѣшнемъ Елисаветполѣ). Тамъ же въ Гянджѣ́ Низа̂мій и умеръ**).

Скромная его жизнь не богата приключеніями. Рано потерялъ отца; рано потерялъ и мать (она была изъ благородной курдской семьи), и съ дѣтства долженъ былъ углубиться въ себя. Фанатично-соннитское настроеніе гянджинцевъ могло лишь содѣйствовать развитію въ немъ набожности, религіозности.

---

*) Въ здѣшнихъ (= СПБ.) рукописяхъ я не нашелъ этой китъы (Залем.).

**) Могила Низа̂мія къ нашимъ временамъ пришла въ сильный упадокъ. Года два назадъ мусульманское драматическое общество въ Елисаветполѣ подняло вопросъ о реставраціи ея и издало по этому поводу особую брошюру, на азербейджанскомъ языкѣ.

Онъ обратился къ суфійству, къ подвигамъ, къ созерцанію. Семейной жизни Низâмій, правда, не чуждался, три раза былъ женатъ, и былъ любящимъ отцомъ, но отъ общества сторонился. Въ тотъ вѣкъ, въ вѣкъ отсутствія литературныхъ гонораровъ нашего типа, шейхъ слѣдовалъ, пожалуй, общей модѣ и посвящалъ свои произведенія царствующимъ владѣтелямъ-меценатамъ: то азербейджанскимъ атабекамъ (отъ нихъ онъ получилъ и помѣстьице*)), то ихъ номинальному сюзерену Тогрулу-сельджуку, то ширваншаху Эхситâну (въ 1188 г.), то атабеку Мóсульскому; но къ ихъ дворамъ не стремился. Одно время, послѣ того, какъ Низâмій составилъ свою поэму „Хосровъ и Шûрûна" (1180), посвященную азербейджанскимъ атабекамъ, онъ, призванный ко двору, побылъ при дворѣ въ качествѣ поэта придворнаго, но очень скоро онъ удалился отъ суеты царедворцевъ и велъ всегда жизнь аскетическую.

Какъ поэтъ, Низâмій извѣстенъ отчасти какъ и лирикъ: по крайней мѣрѣ извѣстно (изъ 'Овфія нач. XIII в., изъ Довлетъ-шâха XV в.), что Низâмій писалъ и л и р и ч е с к і я стихотворенія. Но изъ его дивана, содержавшаго касûды и газели, наставительнаго характера (до 20,000 двустишій по словамъ Довлетъ-шâха**), сохранилась лишь незначительная часть***).

---

*) См., у Довлетъ-шâха, изд. Эдв.Брауна (Лейд. 1901), стр. 129: 12 - 15.

**) См. по тому же изданію Э.Брауна, стр.129.

***) Въ „Лобâб эль-эльбâб" 'Овфія нач. XIII в. есть три газели Низâмія. См. по изданію Брауна, т.II (1903), стр.397.

Главную же славу Низâмія составили пять стихотворныхъ эпическихъ произведеній, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „Пятерицы" („Хемсé"). Они - слѣдующія*):

1) „Мехзен оль-эсрâр" („Сокровищница тайнъ"), около 1178 или 1179 г., направленія поучительнаго, мистико-аскетическаго, съ притчами, наставительными анекдотами, въ духѣ „Хадîкé" суфійскаго поэта Сенâй**). Едва ли можно было ждать по этому произведенію, что авторъ затѣмъ сдѣлается романтикомъ, а не останется дидактикомъ.

Мехзен оль-эсрâр, сверхъ изданій полной „Пятерицы", отдѣльно издана Натан. Бландомъ въ Лондонѣ 1844: „Makhzen ul Asrar, the treasury of secrets, being the first of the five poems..... of Nizami". Литографскія изданія: Лакно 1869, 1872, съ комментаріемъ 1881; Каунпоръ 1869.

Рукописный англійскій переводъ Хайндли (J.Haddon Hindley) хранится въ Британскомъ музеѣ. По-нѣмецки отрывки даны стихотворно у Хаммера: Redekünste (1818), стр. 106-109, а оттуда обзоръ по-русски у Назарьянца: Фердауси, ч.II (М.1851), стр.55-56. По-итальянски, стихами, переведены образцы у Пицци: Storia della poesia persiana, т.I (Торино 1894), именно

---

*) Наиболѣе основательна та хронологія произведеній Низâмія, какую установилъ Эте́ (напр.см. Grundriss, т.II, 1896, стр.241 и слѣд.). Мнѣ непонятно, почему Эдв.Браунъ въ своей „A literary history of Persia", т.II (1906), стр.400 и слѣд., придерживается устарѣлыхъ датъ Бахера (1871). По хронологіи Бахера, пришлось бы отодвинуть составленіе перваго Низâміева произведенія болѣе чѣмъ на десять лѣтъ назадъ.

**) О Сенâіѣ и его „Хадîке" см. у насъ выше, стр.116-118.

стр.254-258. Кое-что переведено по-англійски у Эд. Брауна: A literary history, т.II (1906), стр.403-404.

Одной притчѣ изъ „Сокровищницы тайнъ", про бесѣду двухъ филиновъ о разорителѣ Маҳмӯдѣ Ґазневидскомъ, посчастливилось въ Европѣ. Помѣщенная Аддисономъ въ англійскомъ журналѣ „Spectator", притча эта затѣмъ долго входила въ учебники англійскаго языка, какъ матеріалъ для „conversations".

2) Уже упомянутое „Хосровъ и Ширӣна", напис. въ 1180 г. Довольно объемистая вещь, около 7000 двустишій. Тема ужъ любовная. На эту тему писалъ и Фирдовсій въ своей „Книгѣ Царей", но у Низâмія она обработана нѣсколько иначе, чѣмъ у Фирдовсія. И еще есть та разница, что Фирдовсій имѣетъ въ виду подлинную исторію, хотя бы и баснословную, а у Низâмія любовь, казалось бы, вполнѣ историческаго сасанидскаго царя Хосрова II Первӣза къ армянской (= арамейской) княжнѣ Ширӣнѣ должна аллегорически изображать стремленіе души человѣческой къ Богу. Впрочемъ, эта поэма (какъ и послѣдующія поэмы въ „Пятерицѣ") такъ живо рисуетъ человѣческіе характеры и страсти, что непредупрежденный читатель не можетъ даже подозрѣвать здѣсь аллегоріи. Да и вообще надо сказать про Низâмія, что изображаемыя имъ сцены любви способны своей реальностью вызвать въ человѣкѣ совсѣмъ другія чувства....болѣе грубыя*).

„Хосров̆ о Ширӣн", сверхъ цѣлой „Пятерицы", отдѣльно издана въ Тебрӣзѣ (безъ года), въ Лаhорѣ 1288 (=1871).

Нѣмецкій сокращенный переводъ, или изложеніе —

---

*) Сравн. мнѣніе П.Хорна: Gesch. d. pers. Litt. (1901), стр. 136, гдѣ, впрочемъ, есть, повидимому, путаница.

Х а м м е р а въ его: Schirin, ein persisches romantisches Gedicht nach morgenländischen Quellen (Лейпц. 1809). Изложенiе содержанiя и переводъ отрывка - у Хаммера же въ Redekünste (1818), стр. 109-111, а оттуда по-русски у С. Н а з а р ь я н ц а: „Фердауси" II (1851), стр. 56--59. По-итальянски два отрывка (встрѣча Хосрова и Шйрйны и смерть Ферhâда) даны у П и ц ц и: Storia della poesia persiana, т. II (1894), стр. 265-268. У Б р а у н а: A literary history, т. II (1906), переведенъ образчикъ по-англiйски (горесть Ферhâда о смерти Шйрйны).

3) „Л е й л â и М е д ж н ŷ н ъ" (посвящена ширваншаху въ 1188 г.)- сантиментальный, но очень талантливо написанный романъ изъ жизни бедуиновъ, около 4000 двустишiй, о страданiяхъ арабскихъ Ромео и Джульетты, которые принадлежатъ къ двумъ враждебнымъ племенамъ, т.е. на тему, очень распространенную еще въ староарабской поэзiи*). Она общеизвѣстна изъ „Книги пѣсенъ" Абульфáраджа Испаhанскаго Х в., гдѣ Меджнŷнъ помѣщенъ въ качествѣ поэта. Повидимому и Меджнŷнъ и Лейлâ существовали на самомъ дѣлѣ въ Аравiи въ VII вѣкѣ (указываютъ вѣдь даже опредѣленную, хотя и очень сомнительную, дату смерти поэта Меджнŷна: 689 г.); но фабула о жизни и страданiяхъ этихъ арабскихъ Ромео и Джульетты приняла баснословныя наращенiя. Эта поэма Низâмiя —одна изъ самыхъ любимыхъ на востокѣ, и особенно она́ вызывала подражанiя, въ томъ числѣ турецкiя. Впрочемъ среди турецкихъ подражателей одинъ, курдъ-азербейджанецъ Фузули (XVI в.), явился не только

---

*) См. напр. у меня въ „Арабской поэзiи" (М. 1906), стр. 104--105, или у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litter." I (1898), стр. 48.

подражателемъ „Лейлы и Меджнўна" Низâмія (и еще больше Джâмія XV в.), но сумѣлъ возвести разработку этого сюжета въ перлъ созданія*).

Сверхъ состава „Пятерицы", отдѣльно издана Низаміева „Лейлâ и Меджнўнъ" въ Техранѣ (1851) и Лакно (1870, 1888).

Англ. переводъ Д ж. А т к и н с о н а (Лонд. 1836): „Laili u Majnun, a poem from the original persian of Nazâmi" (1836; стр.VIII + 127); новое изданіе, Лонд. 1905. По-нѣмецки изложена у Х а м м е р а: Redekünste (1818), стр.111-114; оттуда у Н а з а р ь я н ц а: Фердауси, II (1851), стр.59-61. Итальянскій переводъ очень выразительныхъ отрывковъ - у П и ц ц и: Storia della poesia persiana, т.II (1894), стр.269-273: Меджнўнъ и звѣри въ пустинѣ; Меджнўново сумасшествіе; многострадальные Меджнўнъ и Лейлâ попадаютъ наконецъ въ рай къ Господу. Послѣдній отрывокъ переведенъ и у Э д в. Б р а у н а: A literary history of Persia, т.II (1906), стр. 406-408.

4) „Х е ф т п е й к я р" („С е м ь п и с а н н ы х ъ к р а с а в и ц ъ"), составлено въ 1197 г. Эта большая и сложная поэма (свыше 5000 двустишій) - посвящена семи романтическимъ похожденіямъ сâсâнидскаго царя Беhрâма У Гўра (420-438), который и у Фирдовсія является уже типомъ донъ-Жуана. Возможно, что шейхъ Низâмій взялъ нить разсказа не изъ „Шâх-нâмé", а изъ „Ходâй-нâмé" по ея арабскому переводу, вошедшему въ хронику Тáбарія (ум.923). Иногда заглавіе „hефт пейкяр" замѣняется заглавіемъ: „Кисcе - и Беhрâм-гўр" = Повѣсть о Беh-

---

*) О Фузули см. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы отъ расцвѣта до начала упадка" (М.1910, = т.II, вып.1), стр. 132-138).

ра̂мѣ-гӯрѣ, или „Беhра̂м-на̂ме́". Семь похожденій царя — и семь разсказовъ. Четвертый изъ семи разсказовъ принадлежитъ здѣсь „русской царевнѣ" (дохтӓр- и па̂дища̂h- и Рӯс). Шиллеровская Turandot имѣетъ связь съ поэмой Низа̂мія, хотя заимствована не непосредственно изъ нея.

Издана „Х е ф т п е й к я р", сверхъ состава „Хемсе", отдѣльно въ Бомбеѣ 1849, Лакно 1873.

Содержаніе по-нѣмецки изложено у Х а м м е р а: Redekünste (1818), стр. 114-117; оттуда у Н а з а р ь я н ц а: Фердауси,II (1851), стр.61-64. Въ Россіи въ 1830-хъ и 1843-хъ годахъ занялся нѣмецкимъ переводомъ четвертаго разсказа Эрдманнъ и издалъ, съ параллельнымъ персидскимъ текстомъ, очень ошибочную работу,озаглавленную во 2-мъ изданіи:

„Behram-Gur und die russische Fürstentochter,Muhammed Nizameddin dem Gendscher nachgebildet und durch kritisch philol. Anmerkungen erläutert von F r a n z v o n E r d m a n n („Уч.Зап.Каз.Унив.", 1843, кн. I-IV; отд.изд. 1844). Ниже мы, давая свой русскій переводъ повѣсти про русскую царевну, будемъ видѣть нѣкоторые, прямо поразительные промахи Эрдманна. А вѣдь это 2-ое Эрдманновское изданіе есть у л у ч ш е н і е предыдущей (еще болѣе скверной) Эрдманновской Nachbildung этого сюжета Низа̂мія, которая вышла въ свѣтъ за 12 лѣтъ раньше, подъ заглавіемъ: „Die Schöne vom Schlosse, Muhammed Nizameddin dem Gendscher nachgebildet (Каз. 1832, съ персидскимъ текстомъ и примѣчаніями). Необыкновенно похвальная рецензія Н а т а л і и Д е л и б ю р а д е р ъ (на 1-ое изд.) въ „Телескопѣ" 1833 (ч.XVIII, N.21, стр. 89-111) содержитъ въ себѣ кромѣ рецензіи еще и предварительный обзоръ персидской поэзіи XI-XII вѣка (по Хаммеру); изъ этой рецензіи кое-что мы приведемъ ниже (стр.172).

У П и ц ц и: Storia della poesia persiana, т.II (1894), стр. 260-265, переведены итальянскими стихами изъ „Семи красавицъ": описаніе замка Хаварнака у царя

Но̒ма̂на Хи̂рскаго и гибель царя Веһра̂ма-гу̂ра на охотѣ. У Эдв. Брауна: A literary history of Persia, т.II (1906) въ рубрикѣ о „Хефт пейкяр" (= стр. 408-411) тоже данъ въ переводѣ отрывокъ - о перебранкѣ Веһра̂ма-гу̂ра съ китайской татаркой.

Мы ниже, въ числѣ русскихъ переводовъ изъ Низа̂мія, помѣщаемъ еще нигдѣ не переводившійся большой разсказъ о пребываніи Веһра̂ма-гу̂ра у первой красавицы.

5) „Искендер-на̂ме́" (= Книга Александра Македонскаго) впервые обработана была Низа̂міемъ, какъ видно изъ заключительнаго посвященія во II части, раньше 1193 года (а посвящена была „Книга Александра" впервые — мо́сульскому атабеку). Значитъ, въ этой своей первой обработкѣ, или 1-ой редакціи, „Книга Александра" составлена была раньше „Семи красавицъ". Закончена же она была ужъ послѣ 1197 года, и мы текстъ ея имѣемъ именно во 2-ой редакціи. Это предлинная вещь, тысячъ десять полустишій, если не больше, и распадается она на двѣ части, неодинаковаго объема. Первая часть (приблизительно 2/3 произведенія) называется „Книга удачъ Александра" (Иқба̂ль-на̂ме́); вторая часть (=заключительная 1/3) называется „Книгой мудрости Александра" (Хирӓд-на̂ме́)*). Въ первой части поэмы Александръ завоевываетъ міръ (въ томъ числѣ воюетъ и съ Русью), во второй части — сознаетъ тщету міра. Морализаторская тенденція — обычная суфійская, съ яснымъ пантеизмомъ къ тому же.

---

*) О смѣшеніи заглавій 1-ой и 2-ой части „Искендер-на̂ме́" см. у Флейшера въ „Zeitschr.der Deutsch.Morg.Gesch.", т.VII (1853, стр.412, сноска 2).

Обѣ части „Книги Александра" входятъ, конечно, въ изданія полной „Пятерицы", но издавались онѣ и отдѣльно. Такъ какъ печатная библіографія второй части не велика, а первой - довольно велика, то мы для удобства скажемъ сперва о второй.

Эта в т о р а я часть „Искендр-нâмé", т.е. „Книга мудрости Александра", издаваема была въ Калькуттѣ Шпренгеромъ 1852 и 1869, въ „Bibliotheca Indica". А литографированныя изданія: Бомбей 1860, Лакно 1869. Извлеченія см. у Бахера въ его „Nizâmî's Leben und Werke" (1871), стр. 101-171.

Гораздо богаче печатная библіографія п е р в о й части, т.е. „Книги удачъ (или добѣдъ) Александра". Отдѣльныя изданія: неполныя „Selections for the use of students of the Persian class" (Калькутта 1810; 2-е изд. 1828); полное изд. съ комментаріями,Кальк. 1812 и вновь 1825. Еще: Кальк. 1253 (= 1837) и 1260 (= 1844), съ комм. Безъ комм. Лакно 1263 (= 1847; 1266 (= 1850); Кальк. 1269 (= 1853); Бомбей 1277 (= 1860); Лакно 1282 (= 1865); Бомбей 1292 (= 1875). Съ поясненіями,Лакно 1879, 1888; Лахоръ 1889. И т.д.

Краткое изложеніе и нѣмецкій переводъ отрывка данъ у Х а м м е р а: Redekünste (1818), стр.117-119. Большія извлеченія - F r . R ü c k e r t : „Alexanderbuch" (Нюрнбергъ 1824, въ „Frauentaschenbuch", стр. 415-496).

Ф р. Э р д м а н н ъ: „De expeditione Russorum Berdaam versus" (Казань, 1826, по-персидски, съ лат. введеніемъ); сравн. „Сѣверн. Архивъ" 1828, ч.35, стр. 3-49. Ш а р м у а (T.B.Charmoy): „Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes,extrait de l'Iskender-Namé, traduit..... et précédé des biographies de Nizamy et de onze autres poètes persans d'après Devlet-chah, Luthf-Aly-Bey et le Recueil des poètes (Спб., 1829,стр. 162 + 141 + 140). Отрывокъ п о - р у с с к и въ переводѣ Н а т а л і и Д е л и б ю р а д е р ъ: Прибытіе Александра Великаго въ степь Кефчака („Телескопъ", 1831, ч. VI, N.24, стр. 521-542). То, что далъ объ

„Искяндеръ-наме" Назарьянцъ: Фердауси, II (1851, стр. 64-67), не пошло дальше пересказа стараго Хаммера. О работѣ Тебенькова (1896) см. ниже.

F. Spiegel: Die Alexandersage bei den Orientalen (Лейпц. 1851), небольшая книжица, гдѣ много мѣста отведено „Искендеръ-нâмé" Низâміа (стр.33-50).

Г. Эте́: Alexanderszug zum Lebensquell (въ Sitzungs-Berichte d. bayr. Akad., 1871, стр.344-405).

Англійскій прозаическій переводъ — H. Wilberforce-Clarke: The Sikandar Nama-e Bara, translated with remarks and life of author (Лонд. 1881). Стр.XXXII + 832.

М. Тебеньковъ: Древнѣйшія сношенія Руси съ прикаспійскими странами и поэма Искандеръ-наме Низами, какъ источникъ для характеристики этихъ сношеній (Тифл. 1896,- оттискъ, повидимому, изъ газеты „Кавказъ"). Существенная часть работы М.Тебенькова перепечатана была у насъ во 2-мъ изданіи „Исторіи Персіи" (М. 1906, ч.II, стр.223-239), подъ заглавіемъ: „Описаніе Русовъ и ихъ нравовъ". Въ нынѣшнемъ изданіи нашей „Исторіи Персіи" мы этой перепечатки не повторяемъ. Тебеньковъ основывался преимущественно на переводѣ Шармуа: Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes (Спб.1829).

У Пицци: Storia della poesia persiana, т.II (1894), стр.252-260, переведены итальянскими стихами отрывки: изъ введенія; привѣтъ весеннему вѣтерку; источникъ живой воды въ странѣ мрака; изобрѣтеніе музыки.

Полностью вся „Пятерица" Низâміа (Хемсé) издавалась и издается часто. Напр. Бомбей 1834, 1838; Техрâнъ 1261= = 1845; Тебрûзъ 1845; Техрâнъ 1848; Бомбей 1855; Техрâнъ 1264 = 1864; 1301 = 1884; Бомбей 1304 = 1887; Техрâнъ 1314 = = 1897. И др.

Произведенія Низâміа, какъ указано было нами въ началѣ же статьи, вызывали и вызываютъ безчисленное количество по -

дражаній въ восточныхъ литературахъ. Лучшій изъ персидскихъ подражателей —Джâмй (XV в.)*). Онъ, можно сказать, даже затьмилъ Низâмія своими прекрасно обработанными подражаніями.

О Низâміи см. предисловія къ разнымъ изданіямъ и переводамъ, между прочимъ у Шармуа (Спб.1829). Кое-что есть у Х а м м е р а въ его Geschichte der schönen Redekünste Persiens (Вѣна, 1818), стр.105-119, гдѣ, впрочемъ, больше мѣста занято переводами изъ самаго Низâмія. Въ диссертаціи С. Н а з а р ь я н ц а „Абуль-Касемъ Фердауси Тусскій", ч.II (Москва 1851), стр.54-67, есть и краткія біографическія свѣдѣнія о Низâміи, и обзоръ „Пятерицы", при чемъ пособіемъ послужилъ несомнѣнно Хаммеръ, и только.

Спеціальное основное изслѣдованіе - W i l h. B a c h e r: „Nizâmî's Leben und Werke und der zweite Theil des Nizâmîschen Alexanderbuches, mit persischen Texten, als Anhang (Лейпц. 1871); есть англ.переводъ (Лондонъ 1873), вновь переизданный въ „Persian poetry for english readers" С.Робинсона (1883, стр. 103-244). Къ работѣ Бахера очень полезныя дополненія и поправки у Rieu, въ „Catal. of the pers. manuscripts in the Brit. Museum" (Лонд., 1881, т. II, стр.563-570).

У П и ц ц и: Storia della poesia persiana, см. т.I (1894), стр.217-219 и т.II, стр.178-197. Онъ слѣдуетъ Бахеру; довольно подробно изложенъ сюжетъ каждой поэмы Низâмія. Кромѣ того, у Пицци даны переводы изъ „Пятерицы", отмѣченные нами выше при каждой изъ нихъ.

Э т é - въ Grundriss der iran. Phil., т.II, (1896), стр.241-244, сухая, но очень важная, дѣловая статья.

У П. Х о р н а въ его Gesch. der pers. Litt.

---

*) О Джâміи см. „Исторію Персіи", ч.III (по изд.1906 г.), стр.202-222.

(1901) посвящены Низâмію стр. 160, 180-189, 55, 136, 147. Но онѣ заполнены больше всего стихотворными нѣмецкими переводами (при чемъ для „Лейлы и Меджнŷна" Хорнъ могъ взять отрывокъ только изъ Джâмія, а не изъ Низâмія). А о самомъ поэтѣ есть у Хорна лишь нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, изъ которыхъ то, что сказано на стр. 136 и 147-ой, - сомнительнаго достоинства*).

Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II (1906), стр. 400-411. Браунъ всецѣло слѣдуетъ за Бахеромъ и не принимаетъ въъ соображеніе ни поправокъ Рье, ни данныхъ Эте.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ НИЗÂМІЕВОЙ „ПЯТЕРИЦЫ".

ИЗЪ РАННЕЙ РУССКОЙ СТАТЬИ Н. ДЕЛИ БЮРАДЕРЪ (1833) О „СЕМИ КРАСАВИЦАХЪ" НИЗАМІЯ (по поводу перевода Эрдманна).

Въ повѣсти „Семь красавицъ" Низамій искуснымъ образомъ приткалъ къ исторіи Сасанидскаго падишаха Бехрама Гура семь другихъ прекрасныхъ повѣстей. Вотъ что образовало основу сей ткани.

Бехрамгуръ, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, посѣтилъ однажды дворецъ Хавернакъ, выстроенный по повелѣнію его отца знаменитымъ архитекторомъ Сенамаромъ; тамъ приказалъ онъ растворить одну запертую, заповѣдную комнату, гдѣ нашелъ портреты семи славнѣйшихъ въ мірѣ красавицъ. Описаніе сихъ красавицъ замѣчательно, и потому здѣсь помѣщаемъ оное.

---

*) См. у насъ въ „Исторіи Персіи", ч. I, вып. 1 (М. 1909), стр. 29-30, гдѣ промахи Хорна насчетъ Низâмія характеризованы подробнѣе.

„Тамъ была дщерь Индійскаго Раджи Фуркъ, прелестнѣе полнаго мѣсяца; дочь Хакана, именемъ Наманазъ, красота коей волновала и Джинъ и Теразъ; дочь Короля Харезмскаго Назпери, важною поступью подобная куропаткѣ; дочь повелителя, или Шаха Славянскаго Несринкумъ, въ Китайско-Греческой одеждѣ; дочь шаха Мавританскаго Арзитунъ, которая подобно солнцу служитъ свѣтиломъ для ней; дочь Короля Греческаго Хумаи, уже однимъ именемъ своимъ олицетворяющая величіе; наконецъ Дурусти, дочь Хосроя изъ династіи Кейкауса, въ красотѣ павлину неуступающая".

Бехрамгуръ влюбился вдругъ во всѣхъ семерыхъ; но о бракѣ съ ними нельзя было и подумать, потому что опасности и враги окружали престолъ, на который онъ самымъ рожденіемъ былъ призванъ. Какъ скоро, однакожъ, по храбромъ ратоборствѣ, онъ получилъ желанный миръ и достигъ высшей степени своего благополучія, то немедленно отправилъ пословъ къ отцамъ семи красавицъ, испрашивая ихъ руку.

Посольство его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Каждая изъ семи красавицъ была къ нему прислана съ значительными подарками.

Но негдѣ было помѣстить царевенъ.

Вотъ на одномъ зимнемъ празднествѣ, случайно встрѣчается Шаху знаменитый архитекторъ, по имени Шида. Онъ предлагаетъ ему построить дворецъ для семи царевенъ, съ семью башнями, сообразно вліянію семи планетъ, семи дней недѣли, расписанный семью различными красками, украшенный семью драгоцѣнными каменьями. Архитекторъ изъявилъ готвность выполнить желаніе Бехрамгура и построилъ этотъ дворецъ семибашенный -

de sette camerelle.

Когда онъ совершенно уже былъ готовъ, и красавицы въ немъ поселились, то Бехрамъ въ субботу вечеромъ посѣщалъ ч е р н у ю башню, посвященную Сатурну, гдѣ обитала Индійская Царевна; въ воскресенье ж е л т у ю, обреченную Солнцу, гдѣ жила Царевна Мавританская; въ понедѣльникъ з е л е н у ю, цвѣтъ Луны, назначенную для Татарской Царевны; во вторникъ - к р а с н у ю, планеты Марса, принадлежавшую Царевнѣ Славянской; въ среду - г о л у б у ю, планеты Меркурія, жилище Принцессы Хорезанской; въ четвертокъ - с а н д а л о ц в ѣ т н у ю, планеты Юпитера, воздвигнутую для Царевны Китайской; въ пятницу - б ѣ л у ю, посвященную Венерѣ, мѣстопребываніе Царевны Греческой.

Вехрамгуръ до того простиралъ свою внимательность къ симъ Царевнамъ, что посѣщалъ ихъ всякій разъ не иначе,какъ въ одеждѣ любимаго ихъ цвѣта. Зато и каждая красавица была къ нему снисходительна; каждая изъ нихъ занимала его разсказомъ какой-либо повѣсти, которая обыкновенно заключалась похвалою посвященному ей цвѣту.

Такъ, напримѣръ, Царевна Индійская разсказываетъ повѣсть о корзинкѣ, извѣстную изъ Кайлюсова перевода Турецкой повѣсти Ламія. Другая изъ Царевенъ повѣствуетъ объ одной суровой женщинѣ, убивавшей всѣхъ своихъ любовниковъ жестокостію; третья о нѣкоемъ праведномъ мужѣ, по имени Вехшехръ, который влюбляется въ женщину, завѣшенную покрываломъ. Четвертая разсказываетъ повѣсть о Русской Царевнѣ, которая имѣла много

жениховъ, но не хотѣла слышать ихъ предложеній, пока кто-либо изъ нихъ не выполнитъ всѣхъ наложенныхъ ею условій.

Сію-то повѣсть и перевелъ Г.Эрдманъ.

Описаніе неприступнаго замка, избраннаго красавицею для своего мѣстопребыванія; различныя средства и талисманы, употребленные ею для защиты; несчастная участь многихъ искателей ея руки; отважная предпріимчивость одного юнаго Князя, пиршество..... Все это написано широкою восточною кистію, блестящею сравненіями, рѣзкою, метафорическою, своеобычною манерою; однимъ словомъ, это прекрасный восточный арабескъ, плѣняющій неподдѣльною свѣжестью красокъ. Мы не принимаемъ на себя обязанности разсказывать подробно содержаніе повѣсти. Канва, легко брошенная нами, обозначила только нѣкоторые узоры, немногія данныя. Если она могла возбудить вниманіе публики, то самый переводъ господина Эрдмана полнѣе, отчетистѣе удовлетворитъ каждаго, и наша цѣль будетъ совершенно достигнута.

Чтобъ познакомить нашихъ читателей съ разсказомъ Низами и отчасти съ переводомъ Г.Эрдмана, мы помѣщаемъ краткое вступленіе и начало разсказа Красавицы Замка. Просимъ напередъ извиненія у почтеннаго перелагателя, если не вполнѣ и не близко передадимъ на языкѣ Русскомъ тѣ красоты, какія представляетъ намъ его ученое переложеніе. Передаемъ какъ умѣемъ:

. . . .

И какъ вчера, въ такой же ясный день,-
Въ Тиръ мѣсяцѣ*) чуть зрима ночи тѣнь -
Въ прекрасный день, во вторникъ,- онъ изъ дней
Какъ перлъ блеститъ въ вѣнцѣ седьмицы всей,
Бехрама въ день; его носящій цвѣтъ,
Могучій Шахъ, чьей славѣ мѣры нѣтъ,
Въ чалмѣ какъ огнь, весь краснымъ облеченъ,
Въ свой красный дворъ вступаетъ, упоенъ,
Гдѣ блескъ зари - Царевны Русской ликъ.....
Къ ея устамъ въ восторгѣ онъ приникъ;
Онъ приласкалъ сей мѣсяцъ молодой;
Онъ слился съ ней, какъ солнца лучъ съ волной.
Предъ нимъ раскрытъ чертогъ во всей красѣ,
Ему служить - ея желанья всѣ.
Лишь только ночь широкій свой навѣсъ
Накинула на ясный сводъ небесъ,
Красавицу, чей свѣжій блескъ ланитъ
Какъ яблоко душистое манитъ,
Склоняетъ Шахъ начать ему разсказъ,
Чтобъ усладить свиданья свѣтлый часъ.
Послушная любви на сладкій зовъ,
Она ему нить крупныхъ жемчуговъ (sic!)
Ліетъ изъ устъ, пурпурныхъ какъ рубинъ:
„Врата небесъ - дворецъ твой, властелинъ.
„Блескъ мѣсяца и солнца - твой шатеръ,
„Подъ сѣнь его дерзнетъ ли хоть одинъ?
„Дерзнетъ ли кто на Гурій бросить взоръ?"
Такъ свой разсказъ начавши похвалой,
Разсыпала она рубиновъ рой.

Послѣ этого слѣдуетъ самая повѣсть: вотъ ея начало:

Въ моей Руси, въ странѣ моей родной,
Былъ свѣтлый градъ, какъ дѣва красотой;
Его избралъ столицей Падишахъ,
Лелѣя дочь въ возвышенныхъ стѣнахъ;
Она была одна лишь у отца.

---

*) Мѣсяцъ Тиръ,- нашъ Іюнь.

Прелестный взглядъ легко скользилъ въ сердца;
Огнистѣй розъ былъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ стройный кедръ былъ тонкій станъ развитъ;
И что предъ ней ликъ мѣсяца младой.
Сахарныхъ устъ алкалъ влюбленныхъ рой.
Кто могъ быть твердъ,разъ въ жизни встрѣтясь съ ней!
Ахъ,жизнь безъ ней была лишь жизнь тѣней!
Она нѣжнѣй душистаго млека;
Съ ея кудрей, въ дыханьи вѣтерка,
Духъ москуса на грудь тоску свѣвалъ;
Въ ней розъ цвѣтникъ; но шипъ ихъ уязвлялъ;
Свѣжѣй весны былъ блескъ ея лица,
И съ чѣмъ сравнишь? - Нѣтъ краскамъ образца.
Дремалъ Нарцисъ въ увлаженныхъ очахъ,
И пламя розъ - диргемъ въ ея чертахъ.*)...
(„Телескопъ" 1833, N.21, стр.103-110).

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ статьи Н.Делибюрадеръ (1833) не потому, чтобы онъ былъ научно цѣненъ, а только потому, что это одинъ изъ раннихъ образчиковъ русской оріенталистики. И стихотворный кусокъ перевода, данный г-жею Н.Делибюрадеръ на основаніи нѣмецкаго перевода проф. Фр. ф.Эрдманна (которому она расточаетъ незаслуженныя высшія похвалы), блѣденъ и не даетъ представленія о Низаміи.

Быть можетъ, кто-нибудь припишетъ это тому обстоятельству, что г.Делибюрадеръ переводила не со второго, улучшен-

---

*) Диргемъ - серебряная монета. На Востокѣ существуетъ обыкновеніе украшать ими грудь и голову. Здѣсь авторъ хотѣлъ выразить, что она розовою нѣжностью лица своего составитъ себѣ счастіе, т.е. можетъ надѣяться значительнаго калыма. Н.Д.

наго Эрдманновскаго перевода (онъ вышелъ уже въ 1843 г. въ Казани), а еще съ перваго (1832). Но и второе изданіе очень не важно. Дѣло въ томъ, что Эрдманнъ принадлежалъ къ поучительному типу тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ востоковѣдовъ, которые пренебрегаютъ практическимъ усвоеніемъ живого языка, какъ чѣмъ-то ненужнымъ (теперь этотъ типъ уменьшается), и ограничиваются эрудитнымъ книжнымъ изученіемъ. Для уясненія того или другого (вполнѣ яснаго) мѣста, которое ему кажется якобы непонятнымъ, Эрдманнъ - мы видимъ - съ огромной эрудиціей приводитъ много параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ персидскихъ авторовъ, для чего не разъ роется въ рѣдкихъ рукописяхъ, и въ концѣ концевъ все же даетъ сплошь да рядомъ или неточный, или прямо невѣрный переводъ;- между тѣмъ мало-мальски сносное практическое знаніе живого языка сразу позволило бы ему понять данный контекстъ совершенно безошибочно. А сколько есть у Эрдманна и такихъ мѣстъ, которыя онъ переводитъ смѣло, въ качествѣ совсѣмъ понятныхъ для него,- а придаетъ имъ также въ результатѣ совсѣмъ не тотъ смыслъ!...

Ниже я предлагаю начало повѣсти о русской царевнѣ въ своемъ переводѣ - и переводъ этотъ поневолѣ чуть ли не въ каждой фразѣ рѣзко отличается отъ Эрдманновскаго. Нѣкоторые, болѣе характерные промахи Эрдманна я указываю въ видѣ подстрочныхъ параллелей къ своему русскому переводу. Считаю нужнымъ прибавить, что насчетъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя я отмѣтилъ какъ искаженныя Эрдманномъ, я нарочно навелъ справку даже у природнаго образованнаго перса Мирзы Абдуллы Гаффарова,-

и онъ мнѣ подтвердилъ, что мои поправки къ Эрдманну безусловно вѣрны.

Для яснаго пониманія хода разсказа, надо помнить, что изложеніе эпизода о Бехрамѣ Гурѣ и русской царевнѣ открывается у Низамія тѣмъ моментомъ, когда царевна находится уже у Бехрама, въ Красныхъ Палатахъ, и исторія прежнихъ похожденій шаха, освѣщающая нынѣшнее пребываніе царевны уже во власти Бехрама, вложена Низаміемъ въ уста самой царевны: въ видѣ разсказа, которымъ она желаетъ развлечь шаха.

ПРЕБЫВАНІЕ БЕХРАМА ВО ВТОРНИКЪ ВЪ КРАСНЫХЪ ПАЛАТАХЪ.

Наступилъ одинъ изъ тѣхъ декабрьскихъ дней, которые своей непродолжительностью похожи на іюньскую ночь. Среди прочихъ дней недѣли онъ былъ лучшимъ; это былъ, такъ сказать, пупъ ея,- ну, словомъ, то былъ вторникъ: день, посвященный планетѣ Марса-Бехрама, желѣзно-краснаго цвѣта.

Въ тотъ вторникъ шахъ-Бехрамъ, и своимъ именемъ и краснымъ цвѣтомъ одежды, совпалъ съ планетой Марсомъ-Бехрамомъ. Разрядившись сплошь въ красное, онъ спозаранку отправился къ Краснымъ палатамъ съ цѣлью повидать славянку-краснолицу, какъ огонь - рдѣющую, какъ вода - ласкающую. Она препоясалась на службу ему;........ ахъ, какъ прекрасенъ былъ мѣсяцъ, чтущій солнце! Передъ шахомъ она пустилась хлопотать, услуживать, и, накрывая обѣдъ, смела пыль со стола рукавомъ*).

Когда ночь уже развернула въ выси свое широкое знамя и задернула своимъ покровомъ солнечный куполъ, тотчасъ же шахъ попросилъ, чтобы царевна, это румяное, сладко-медовое яблочко, потѣшила его сказкой. Нѣжная красавица не отказалась исполнить его желаніе,- и вотъ у его ногъ она изъ своихъ руби-

---

*) Вмѣсто „рохâн" читаю просто „хâн". У Эрдманна (стр.17): „смела пыль съ его щекъ".

новыхъ устъ разсыпала жемчужную рѣчь.

- О, ты, подножіемъ трону котораго служитъ небесный сводъ!- произнесла она: - О, ты, чей царскій куполъ увѣнчанъ солнечнымъ дискомъ! Ты превыше всѣхъ перловъ, которые можно снизать въ ожерелье; ты лучше всякой рѣчи, которую можно вымолвить! Никто не можетъ сравниться съ тобою*). Да ослѣпнетъ тотъ, кто этого не можетъ понять!

Преподнеся шаху такимъ образомъ предварительное благопожеланіе, она драгоцѣнными рубиновыми устами стала разсказывать слѣдующую рубиновую повѣсть:

ПОВѢСТЬ О РУССКОЙ ЦАРЕВНѢ.

На обширномъ пространствѣ Руси,- начала она,- былъ одинъ городъ, который своею красотою блисталъ, какъ невѣста. Жилъ тамъ государь-благотворитель**), а у него была дочь,воспитанная въ холѣ.

Это была красавица, чарующая всякое сердце своимъ взоромъ. Щеки ея рдѣли, что розы; станъ ея - что высокій кипарисъ. Щеки ея разили сердца своею прелестью сильнѣе луннаго свѣта; губы своею сладостью были пріятнѣе сахара. Она была Венера, похитившая сердце у Юпитера; она была такой сладкой красавицей, что свѣча передъ ней должна была бы растаять. Сахарная бутыль со своимъ узкимъ горлышкомъ***), глядя на крохотный сахарный ротикъ царевны, стѣснялась и дѣлалась уже,чѣмъ кольцо царевниной таліи. Мускусъ въ сравненіи съ ароматомъ

---

*) У Эрдманна (стр.29): In's Inn're deines Schloss's sich keiner je getraut.

**) Въ подлинникѣ: „ймâрäт-сâз", что собственно значитъ: „строитель благотворительныхъ зданій", = „строитель пріютовъ". У Эрдманна же эти слова переведены (стр.37): „...государь, которому тотъ городъ служилъ безопаснымъ мѣстопребываніемъ" (= пріютомъ.).

***) По-персидски: тонг-и шäккяр. У Эрдманна: Der feine Zucker.

прядей волосъ на вискахъ ея былъ одна тоска*); и душистая роза, передъ простою лишь базиликою ея сада, казалась однимъ непріятнымъ шипомъ**). Свѣжее личико ея было свѣжѣе весны, а красы ея – и картиной не описать. Упоительныя ея очи смотрѣли томнѣе нарциссовъ, и нѣжность лепестковъ шиповника была жалкая рабыня передъ ней***). Была царевна высока ростомъ, словно кипарисъ въ саду, а ликъ ея вспыхивалъ пламенемъ, какъ свѣча или лампада. Розовою водою стоило поливать, развѣ, землю подъ ногами слугъ царевны: вѣдь роза была ничтожная прислужница (کمربند) при разсказѣ о царевнѣ****).

Сверхъ красы и сахарной улыбки у русской царевны была очевидная талантливость.

Она усвоила познанія во всякой научной отрасли; по всякому научному отдѣлу она списала листочекъ. Она изучила и волшебныя книги всего міра*****): постигла вѣдовство и тайныя вещи. Въ чтеніи этихъ книгъ она свои волнистыя кудри напускала, словно фату, надъ лицомъ, не желая и знать о выходѣ замужъ******).

---

*) У Эрдманна (стр.47): „Zum Unmuth führte nur der Locken Moschusborn.

**) У Эрдманна (тамъ же): „Und ihres Rihan-Gartens Rose war ein Dorn.

***) Слово „рабыня" выражено по-персидски черезъ „дирäм-хäрîдä" (= то же, что „зäр-хäрîдä"). Эрдманнъ переводитъ: Und ihres Kaufes Dirm [war] der Nasrin Lieblichkeit (стр.51).

****) У Эрдманна: Die Rose [war] Gürtel für der Unterhaltung Raub.

*****) Эрдманнъ (стр.61), не понявши расположенія изафетовъ, перевелъ: „волшебство міровыхъ книгъ".

******) Буквально: „взбунтовавшись противъ тяжести брачной книги" (сäр кäшîдä зе бâр-и нâмä-йе шуй), что Эрдманнъ (стр.63) перевелъ: Erwog im Ernste sie des schweren Buches Sinn (!).

Да и правда же: та, которая среди своихъ современниковъ была безподобной и единственной, могла ли согласиться избрать себѣ пару?!*).

Ну, распространился слухъ по всему міру, что вотъ,молъ, въ свѣтъ пришла хурія изъ рая, хранимаго Ризвâномъ, что у Солнца и Луны родился ребенокъ, что нѣжная Венера вскормила ее молокомъ Меркуріевой учености**).

Всѣ воспылали страстью къ ней,- со всѣхъ сторонъ стали являться женихи, съ искательствами и со смущеніемъ. Тотъ добивался цѣли силою, а тотъ - золотомъ; но она-то свое золото крѣпко хранила подъ спудомъ.

Отецъ въ виду множества притязаній со стороны именитыхъ жениховъ, къ которымъ его обожаемая дочь не выказывала благоволенія***), совсѣмъ растерялся: что ему тутъ подѣлать?! съ цѣлой сотнею игроковъ - какъ ему вести игру?!****). А его красавица-дочь, чувствовавшая склонность къ одиночеству,- когда увидала дерзкія притязанія жениховъ, то разыскала себѣ въ той возвышенной мѣстности гору, которая, подобно небесному своду, была бы отдалена отъ всякой бѣды. Она приказала устроить*****)

---

*) У Эрдманна (стр.65): „Als ihrer Brust Gewölb' was überdies erschien, vermocht' ein trefflich Paar jedweden anzuziehn“ (!!!). По-персидски: Âнке дäр довр-и хîш тâк бŷд‖Сŷй-и джифтеш кей иттифâк бŷд?!

**) По-персидски: „Зоhрä шîр-и ʿОтâрид-еш дâдä-ст". У Эрдманна: „Venus d e n Mercur mit i h r e r Milch gesäugt (стр.69).

***) У Эрдманна (стр.73):„damit die Angebetete kein Ja entehre“.

****) У Эрдманна (стр.75):.... сталъ похожъ на больного, который подумываетъ о лѣкарствѣ, когда начинаетъ азартную игру съ сотнями".

*****) По-персидски: „Дâд (букв. дала) кäрдäн." У Эрдманна (стр.77): Das Recht zu pflegen.

на той горѣ неприступную крѣпость; ты сказалъ бы*), что эта крѣпость выросла изъ темени горы, словно новая гора же.

Придумала она и предлогъ,- и вотъ попросила у отца, чтобы онъ отпустилъ ее жить тамъ праведно въ замкѣ.

Хоть любящій отецъ и побаивался такой дальности разстоянія, все же далъ ей разрѣшеніе. Однако, прежде чѣмъ пустить въ даль изъ дому свою дочку, что медъ - милую, онъ озаботился, чтобы въ зданіи не было дверей ни на кровлѣ ни сзади (а только одинъ главный входъ). Вѣдь разъ въ замкѣ будетъ храниться сокровище, то надо, чтобы сторожу не приходилось бояться вора. Устроивши для дочери твердыню съ такою неприступностью**), государь уѣхалъ, а дѣвица осталась, словно кладъ, въ крѣпости.

Эта сребротѣлая красавица, съ тѣхъ поръ какъ поселилась въ своей безопасной твердынѣ, получила имя: „Дѣвица Замка"***). Украсть изъ замка сокровище было бы невозможно,потому что онъ былъ желѣзнымъ фортомъ, словно Руиндизъ („Желѣзный Замокъ") туранскаго царя Эрджаспа. Она въ томъ замкѣ — какъ госпожа всѣхъ славянъ; и другой такой госпожи никакой замокъ и во снѣ никогда не видывалъ. Она закрыла туда доступъ для путниковъ, она зашила вожделѣнія могучихъ властелиновъ****). Вѣдь со всякимъ дѣломъ эта талантливая дѣвушка умѣла справиться и все сообразить*****).

---

*) У Эрдманна (тамъ же): „Она сказала".

**) По-персидски: „бе-д-âн моḣкямî". У Эрдманна (стр.83): „auf solch' Geheiss".

***) У Эрдманна какъ разъ наоборотъ (стр.85): „Da ward Burg „Banui" mit Namen ihr' gedacht" (т.е. „Замокъ Дѣвы").

****) У Эрдманна (стр.87): Solche Herrscherinn.... Reisende in ihrem weitern Marsch aufhielt, und Wunscherfüllter grössere Begier erzielt".

*****) Эрдманнъ (стр.88) не понялъ, что „чâрâгяр" есть одно слово (= „дѣлающій средство"), а вообразилъ, что „гяр" значитъ здѣсь „если",и перепуталъ всю фразу.

Она вѣдь читала по звѣздамъ небеснаго круга: она вычисляла и соображала, что́ естественно должно произойти. Въ природныхъ свойствахъ всего существующаго она умѣла разбираться, и таинственное могла постигать ясно, какъ на ладони*). Знала она, что́ дѣлать и съ сухимъ и съ влажнымъ элементомъ, отчего вода бываетъ горячей, и отчего огонь стынетъ; знала, что́ дѣлаетъ людей людьми, и какое вліяніе имѣютъ звѣзды на міръ. Все, что для науки полезно**) и что человѣку можетъ пригодиться, этимъ всѣмъ она свободно орудовала***),- она, эта женщина по внѣшности, мужчина по внутреннему содержанію.

И вотъ, достаточно обезпеченная въ этомъ отношеніи, она сразу отрѣзала себя отъ людей. По пути къ своей высокой крѣпости она хитро разставила нѣсколько талисмановъ.

Каждый талисманъ состоялъ изъ желѣза и камня, и каждый имѣлъ извѣстную силу. Кто прошелъ бы возлѣ этой страшной засады, того разсѣкли бы острые мечи пополамъ. Кромѣ нѣсколькихъ людей, сторожившихъ замокъ, всякій, кто пошелъ бы той дорогою, долженъ былъ попасть въ безвыходное положеніе. Да и посвященный стражъ иначе не ходилъ по тому пути, какъ съ предосторожностями и счетомъ шаговъ: стоило сдѣлать невѣрный шагъ,- и тотчасъ голова отлетала отъ туловища, потому что силой талисмана постигалъ его ударъ меча, и луна его жизни меркла въ мрачномъ туманѣ.

Въ такой своей поднебесной твердынѣ царевна была скрыта словно на небѣ. Ни одинъ механикъ, хоть бы бился цѣлый мѣсяцъ, не нашелъ бы доступа къ ея воротамъ, все равно какъ къ небесному своду.

Эта красивая обитательница замка, походившая на перію, была также художникомъ, китайской школы славнаго Мани....Сня-

---

*) По-персидски: „âвäрî дä бе-шäст" = букв. „вынесла на большой палецъ".

**) У Эрдманна (стр.93): „Was nur durch hohe Einsicht zum Entzücken führt".

***) У Эрдманна (стр.95): Das alles schrieb sie ein in ihre Tafeln.

ла она съ себя платье отъ ногъ до головы и свое чудное тѣло написала на шелку*). Надъ этимъ шелкотканнымъ портретомъ она надписала изящнѣйшимъ почеркомъ**): „кому изъ людей захочется мною овладѣть***) въ этой крѣпости, гдѣ я живу, тотъ, словно бабочка на свѣтъ, лети ко мнѣ, а издали рѣчь не веди! Однако кто пожелалъ бы овладѣть мною, этой красавицей****), тому - храбрецу надо бы имѣть не одну душу, а тысячу душъ. Кто дерзнулъ бы устремиться по этому пути, тому надо имѣть въ виду четыре условія. Первое условіе такого сватовства - быть человѣкомъ доброй славы и доблести. Второе условіе - додуматься, какъ убрать съ пути талисманы. А вотъ третье условіе: когда ты, согласно условію, справишься съ талисманами, то должно обнаружиться, гдѣ дверь этой крѣпости,- для того, чтобы черезъ дверь ты ко мнѣ вошелъ, а не черезъ крышу*****). Кто исполнитъ и это условіе******), тому предстоитъ четвертое: онъ можетъ ужъ отправиться въ городъ отца, чтобы туда явилась и я и предложила своему искателю, въ присутствіи отцова двора, нѣсколько замысловатыхъ вопросовъ. Если онъ мнѣ отвѣтитъ надлежащимъ образомъ, то я готова честно исполнить свое слово: - и такъ станетъ мужемъ моимъ тотъ благородный

---

*) Эрдманнъ (стр. 103) переводитъ совсѣмъ наоборотъ: Vom Haupte bis zum Fuss malt [sie] ihres Kleides Saum.

**) У Эрдманна (стр. 105): „was ihm (= ihr) den Sinn durchfuhr“.

***) У Эрдманна (тамъ же): Ja wär' die ganze Welt, und wär' die Luft selbst mein“. По-персидски: K'äз джиhâн hӓр ке-pâ häwâ-йи мӓн äст.

****) „Нигâр" сплошь да рядомъ означаетъ „красавица" или „возлюбленная". Эрдманнъ (стр. 107) переводитъ: „die Lust nach diesem Bild“.

*****) У Эрдманна (стр. 109) дано нѣчто невозможное. Онъ, кромѣ того, смѣшалъ سوی и شوی

******) По-персидски: „ӓгяр бе-джâй âрäд" значитъ: „если онъ исполнитъ". У Эрдманна (стр. 109): „bey deiner Ankunft“.

человѣкъ, сумѣвшій точно исполнить поставленныя мною условія. А если кто не сумѣетъ исполнить всего этого, онъ безусловно самъ отвѣтственъ за свою смерть"....

Начертавши по порядку всю эту надпись, она вручила это надежному человѣку*), и сказала: „Ну, возьми эту картину съ надписью, обнаружь мою тайну**), ступай къ воротамъ отцовской столицы, взойди на вышку надъ воротами и тамъ прикрѣпи эту картину на самомъ верху той защищенной вышки. Впредь пусть всякій, мирный ли то горожанинъ или воинъ, если вздумаетъ стремиться къ такой чудной невѣстѣ, какъ я, то пусть предпринимаетъ путь не иначе какъ подъ условіемъ, что онъ или панъ, или пропалъ!"

Поднялся ея слуга, взялъ картину съ надписью, зигзагами прошелъ возлѣ талисмановъ, оставляя дорогу въ сторонѣ, и вотъ онъ прикрѣпилъ надъ городскими воротами изображеніе той красавицы, что мѣсяцъ ясной,- пусть влюбленные смотрятъ на нее***)! Пусть всякій, въ комъ возникнетъ стремленіе,- берется за дѣло,

---

*) „âhль". Эрдманнъ (стр. 113) смѣшалъ это слово съ другимъ, которое означаетъ „люди", „слуги", и перевелъ: „und einem übergab in ihrer Diener Tracht".

**) Буквально: „эту накрышку сними съ этого подноса". У Эрдманна (стр. 113) переведено: hang diese Rolle auf, und dieses Conterfey, nach ihrer Folge Lauf.

***) Нарочно привожу персидскій текстъ, ясность котораго, казалось бы, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія:

Шод пäрäстäндä ͮо âн вäрäq бäр дâшт,
Пîч бäр пîч pâh-pâ бе-гоȝâшт,
Бäр дäр-и шähр бäст пейкар-и mâh,
Tâ дäр-ӯ ʿâшиqâн конäнд нäгâh.

А у Эрдманна (стр. 115), что ни слово, то — извращеніе и грубое непониманіе:

Der Diener schlug die Rolle an (= бäр дâшт!), wo sie befahl.
Und Jüngling'über Jüngling' (= пîч бäр пîч!), bey des Weges Wahl (= pâh-pâ беroȝâшт!),

и пусть самъ своею рукою прольетъ свою же кровь*).

Когда ко всѣмъ владѣтелямъ троновъ и вѣнценосцамъ достигъ объ этомъ дѣлѣ слухъ, то, желая видѣть это неслыханное диво, много людей изъ разныхъ сторонъ направились туда. Однако каждый, за свою молодецкую отвагу, понапрасну лишь загубилъ свою жизнь.

Я умышленно поставилъ на первомъ мѣстѣ отрывокъ не изъ начальнаго, а изъ четвертаго разсказа „Семи красавицъ", потому что имя „р у с с к о й царевны" придаетъ для насъ наибольше интереса именно ея разсказу. Далѣе предлагаемъ русскій переводъ перваго разсказа изъ „Семи красавицъ". Переводъ сдѣланъ бывшимъ нашимъ слушателемъ А. А. О л е с н и ц к и м ъ (сыномъ извѣстнаго изслѣдователя палестинской археологіи). Персидскимъ текстомъ онъ пользовался тѣмъ, который помѣщенъ въ „Образчикахъ персидской письменности" Мирзы Абдуллы Гаффарова, т.II (М.1906), стр.150-177 . Поправокъ мною внесено въ переводъ очень небольшое количество. Найдутся, конечно, мѣста, которыя тоже заслуживали бы поправокъ. Но надо помнить, что г.Олесницкій явился п е р в ы м ъ переводчикомъ этой повѣсти на европейскій языкъ, и шероховатости стиля бывали неизбѣжны.

Gefesselt (= бäст!) durch des Stadtthors
hehre Mondgestalt,
Entschlossen sich (= häråh конäнд!), verliebt in sie, zur Reise Halt.

*) У Эрдманна (стр.117):

Doch jeder, dem der Inbrunst wilder Strom
e n t f l o s s,

ПРЕБЫВАНІЕ БЕХРАМА ВЪ СУББОТУ ВЪ ЧЕРНОЙ БАШНѢ И РАЗСКАЗЪ ДОЧЕРИ ЦАРЯ ПЕРВАГО ЗЕМНОГО ПОЯСА.

1. Такъ какъ Бехрамъ былъ поклонникъ веселья,
То (понятно, что) онъ залюбовался портретомъ семи красавицъ.

2. Въ субботу изъ христіанскаго монастыря
Онъ перекочевалъ въ черный дворецъ.

3. Въ роскошный замокъ цвѣта духовъ мускуса
Явился онъ на поклонъ къ индусской царевнѣ.

4. До ночи онъ тамъ веселился и пировалъ,
Возжигалъ благовонное алоэ, разливая этимъ ароматъ.

5. Когда же, къ удовольствію шаха, (наступила) ночь (и какъ бы) разсыпала
По бѣлому шелку черный мускусъ,-

6. Шахъ попросилъ, чтобы эта кашмирская красавица (прекрасная, какъ), ранняя весна,
Дохнула бы нѣжнымъ, какъ вечерній вѣтерокъ дыханіемъ,

7. Открыла бы запоръ у ларца, полнаго жемчуговъ,
Разсказала бы ему съ остроуміемъ, въ нѣсколькихъ фразахъ

8. Такой разсказъ, отъ котораго слюнки потекли бы по губамъ,
И который бы даже человѣка подвыпившаго склонилъ бы ко сну.

9. Индійская козочка, одаренная тюркскими глазами,
Открыла свой мускусный мѣшочекъ.

10. И сказала: „прежде всего, - да будетъ шахъ долгіе годы
„Царствовать на своемъ сіяющемъ подобно лунѣ тронѣ;

11. „Да продлится жизнь его, пока будетъ существовать міръ;
„Да преклонятся всѣ люди передъ его престоломъ;

12. „Да приведетъ онъ въ исполненіе всякое свое желаніе;
„И да не знаетъ счастье его въ этомъ никакихъ преградъ."

Das eig'ne Blut durch seiner Hände Werk v e r g o s s .

13. Закончивъ (такого рода) пожеланія, она земно поклонилась ему.
Затѣмъ открыла свои сахарныя губы, ароматныя какъ алоэ,

14. Опустила по скромности глаза внизъ и стала разсказывать такое,
Чего кромѣ ея никто еще не говорилъ и не слыхалъ.

Разсказъ индійской царевны.

15. Слыхала я въ дѣтствѣ отъ родныхъ,
Людей проницательныхъ и мудрыхъ,

16. Что жила была праведная женщина,
Славившаяся нравственной чистотой и мягкостью характера.

17. Она приходила каждый мѣсяцъ къ намъ во дворецъ,
Одѣтая съ ногъ до головы въ черный шелкъ.

18. Однажды спросила я у нея: „изъ-за страха и боязни передъ чѣмъ
„Ты вся въ черномъ, о, расплавленное серебро?

19. „Сдѣлай-ка одолженіе, разскажи намъ,
„Пролей свѣтъ на свое черное одѣяніе;

20. „Сообщи намъ о своихъ стремленіяхъ къ добру
„И о значеніи твоего чернаго ореола."

21. Женщина, когда увидѣла, что ничего не остается, какъ разсказать все по правдѣ,
Передала обстоятельства, (побудившія ее) надѣть все черное.

22. (Она сказала): люди не любятъ оставлять чего-либо скрытымъ для себя.
И я разскажу вамъ, чуръ только довѣрять мнѣ.

23. Я была наложницей у одного царя
И вполнѣ была довольна его характеромъ.

24. Это былъ могущественный, самодержавный владыка,
Подъ управленіемъ котораго мирно уживались овца и волкъ.

25. Онъ много страдалъ, претерпѣлъ (въ жизни) -
И, обиженный (судьбою), облачился во все черное;

26. Небо въ силу его злосчастной судьбы
Назвало его царемъ черноризцевъ.

27. Онъ былъ очень гостепріименъ,
И лицо его сіяло привѣтливой улыбкой, какъ свѣже распускающаяся роза.

28. Онъ владѣлъ разноцвѣтными украшеніями
И одеждами удивительной цѣнности.

29. Для гостей у него были всегда готовы палаты,
Доходящія своими верхами до неба.

30. (Въ нихъ были) разставлены накрытые убранные столы,
За которыми любезно прислуживали пріученные слуги.

31. У пріѣзжающаго гостя, тотчасъ же отбирали за узду лошадь,
А за нимъ самимъ гостепріимно ухаживали.

32. Угостивъ его по заведенному порядку
И посадивъ его въ надлежащее по его сану мѣсто,

33. Шахъ начиналъ разспрашивать гостя о (его) жизни,
Объ иноземныхъ странахъ и о его родинѣ.

34. И путешественникъ все, что удивительнаго ни видалъ и ни слыхалъ,
Разсказывалъ царю, а царь слушалъ.

35. Всю жизнь свою царь проводилъ въ такой обстановкѣ,
Которая ничѣмъ не нарушалась, пока царь жилъ (съ нами).

36 (Но пришло время), и онъ надолго скрылся отъ насъ,
Улетѣлъ отъ насъ, какъ птица „Симоргъ".

37. Не покладая рукъ, всѣ искали его;
Но никто ничего не могъ сообщить о немъ, какъ о птицѣ Грифонѣ.

38. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, по милости небесъ
Снова явился (нашъ) вѣнценосецъ и возсѣлъ на тронѣ;-

39. Кафтанъ, шапка, рубашка на немъ,-
Весь онъ съ ногъ до головы-во всемъ черномъ.

40. До конца жизни (послѣ этого) онъ былъ задумчивъ
И, несмотря на отсутствіе несчастій, одѣвался въ черное.

41. Онъ жилъ среди черной обстановки, какъ вода жизни, (которая течетъ въ полномъ мракѣ),
И никто не разспрашивалъ его о происхожденіи этого чернаго ореола.

42. Однажды вечеромъ въ силу дружбы и расположенности
Я прислуживала ему, моему владыкѣ.

43. Онъ ласково подошелъ ко мнѣ
И сталъ жаловаться мнѣ на небесныя звѣзды:

44. „Посмотри", (сказалъ онъ), - „какъ несправедливо поступило со мною небо!
„Какъ оно насмѣялось надо мной - царемъ:

45. „Изъ свѣтлой райской обстановки унесло оно меня
„И облекло въ черныя, какъ чернило, одежды.

46. „Никто не спрашивалъ меня откуда этотъ черный ореолъ,
„И почему на серебристомъ тѣлѣ черные покровы!"

47. Меня тронули слова шаха.
Я прижалась лицомъ къ ногамъ его

48. И сказала: „О, защитникъ угнетенныхъ,
Лучшій изъ властителей міра!

49. „Кому подъ силу на землѣ
Итти противъ предопредѣленій неба?*)

50. „Ты знаешь, что каждому хочется разузнать эту тайну,
И ты можешь разсказать ее. (Разскажи же мнѣ ее)!

51. Мой владыка, когда увидѣлъ, что я достойна довѣрія,
Просверлилъ рубинъ, открылъ мускусный мѣшочекъ**).

52. И сказалъ: „Будучи владыкой міра,
Я взялъ себѣ въ обычай оказывать всѣмъ гостепріимство.

---

*) (Букв.) скоблить киркой небо.

**) т.е. раскрылъ губы и открылъ ротъ.

53. Кого бы мнѣ ни случалось видѣть, добраго или дурного человѣка,
Всякаго я разспрашивалъ о его прошломъ.

54. Однажды пришелъ (ко мнѣ) изъ далекой дороги чужеземецъ,-
Его обувь, его чалма, его костюмъ - чернаго цвѣта.

55. Я по своему обыкновенію пригласилъ его къ себѣ,
Принялъ и оказалъ ему исключительный почетъ.

56. Затѣмъ я спросилъ его: „О, ты, исторію жизни котораго я не знаю!
„Почему твоя одежда чернаго цвѣта?"

57. Онъ отвѣтилъ: „Оставь! не поднимай рѣчи объ этомъ!
„Вѣдь до сихъ поръ никто ничего не сообщалъ еще о птицѣ „Симоргъ"!"

58. Я снова сказалъ ему: „Разскажи, не отнѣкивайся!
„Что за смоль ты носишь, что это за смоль?"

59. Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Ты долженъ извинить мнѣ,
„Но это желаніе не исполнимо.

60. „Никто не давалъ свѣдѣній объ этомъ черномъ ореолѣ,
„Кромѣ тѣхъ которыя сами оказались облечены въ него."

61. Я долго умолялъ его наединѣ,-
(Мы не могли сговориться); словно я родомъ изъ Ирака, а онъ Хорасанецъ.

62. Мои мольбы ничуть не трогали его:
Онъ не хотѣлъ сорвать завѣсы съ этой тайны.

63. Когда мои просьбы перешли границы,
Ему стало совѣстно, что онъ причиняетъ мнѣ такое безпокойство;

64. (И онъ наконецъ) сообщилъ (мнѣ слѣдующее): „Есть городъ въ Китаѣ
„Живописный и благоустроенный какъ рай.

65. „Названіе этого города „Шеhри медhŷшâн " *)

---

*) = „Городъ упоенныхъ".

„Это - траурный домъ, обитатели котораго во всемъ черномъ.

66. „Всѣ жители (этого города) прекрасны какъ луна,
„Но какъ луна, задрапированная чернымъ шелкомъ.

67. „Если кто вкуситъ вина въ этомъ городѣ,
„Та чернота (города) облечетъ и его въ черное.

68. „Вотъ по этой причинѣ и на мою долю выпала такая судьба.
„Тому, кто на себѣ этого всего не испыталъ, такой разсказъ покажется чудомъ.

69. „Если ты (теперь) велишь даже пронзить мнѣ шею, чтобъ она залилась кровью,
„То и то́ я не произнесу больше ни одного слова!"

70 (Незнакомецъ) закончилъ на этомъ свой разсказъ, навьючилъ свой багажъ на осла (и уѣхалъ)
И отнялъ этимъ у меня надежду (еще что-нибудь узнать у него объ этомъ).

71. Когда (я пришелъ въ себя и) сталъ мысленно разбираться въ переданномъ мнѣ разсказѣ,-
Сообщившій его былъ уже далеко отъ меня.

72 (Что дѣлать?) Разсказчикъ ушелъ, а разсказъ его остался недостаточно разъясненнымъ.
Я боялся, что сойду съ ума (изъ-за всего этого).

73. На основаніи этого разсказа я предпринялъ нѣкоторые розыски;
Тщательно, со всѣхъ сторонъ обслѣдовалъ дѣло.

74. (Мнѣ хотѣлось), заранѣе приготовивъ крѣпкую веревку,
Взобраться при помощи аркана на эту (неприступную) крѣпость.

75. Я старался обмануть свою мысль, убѣждая себя запастись терпѣніемъ,
Чтобы успокоить свое сердце. Но у меня не хватало терпѣнія,

76. Я много разспрашивалъ (объ этомъ) тайно и явно,
Но никто не могъ мнѣ какъ слѣдуетъ разъяснить этого извѣстія.

Литографія Ю. ВЕНЕРЪ, Москва.

77. Въ концѣ концовъ я покинулъ свою страну,
Назначивъ правителемъ одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ.

78. Я забралъ съ собою часть своихъ платьевъ, драгоцѣнностей и денегъ,-
Все то, что впослѣдствіи дало бы возможность мнѣ жить беззаботно.

79. Зная имя города, разискалъ мѣстонахожденіе его;
Отправился въ путь и то, чего жаждалъ, увидѣлъ.

******** ********
****

80. Есть городъ живописный, какъ Эремскій садъ*).
Отличительный признакъ каждаго изъ его жителей - одежды цвѣта мускуса.

81. Тѣло у каждаго изъ нихъ бѣло, какъ молоко,
Но всѣ они въ черныхъ, какъ смоль, одеждахъ.

82. Я (прибылъ въ этотъ городъ), остановился въ одномъ изъ дворцовъ его
И, въ порядкѣ уложивъ свой багажъ, (устроился какъ слѣдуетъ).

83. Цѣлый годъ я собиралъ свѣдѣнія о состояніи города,
Но никто ничего не могъ сообщить мнѣ объ этомъ.

84. Когда я потерпѣлъ неудачу во всѣхъ домахъ,
Мой взоръ упалъ на одного благороднаго человѣка, по профессіи мясника,

85. Мужчину благообразнаго, привѣтливаго, мягкаго характера,
Не любящаго толковать о чужихъ порокахъ.

86. Полагаясь на его доброту и благоразуміе,
Я постарался съ нимъ завязать знакомство.

---

*) Эремскій садъ былъ устроенъ въ Йеменѣ Шеддâдомъ сыномъ ʻÂда, который рѣшилъ на землѣ создать подобіе рая. Однако Шеддâду не удалось наслаждаться пребываніемъ въ немъ, такъ какъ при въѣздѣ въ садъ его поразилъ ангелъ смерти.

87. Когда я подружился съ нимъ,
Я сталъ оказывать ему почтеніе.

88. Я преподнесъ ему въ подарокъ новенькихъ червонцевъ
И много безъ счета другихъ вещей.

89. Со дня на день я относился къ нему все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ почтеніемъ,
Это (простое) желѣзо я пріукрасилъ золотомъ.

90. Нить за нитью я опутывалъ его
То драгоцѣнными парчами, то дѣвицами-красавицами.

91. И вотъ мясникъ, благодаря разсыпаемому золоту,
Перешелъ въ мою власть, какъ жертвенный быкъ.

92. Поднося ему безчисленныя сокровища, я довелъ его до того,
Что онъ сталъ изнывать подъ гнетомъ подарковъ.

93. Однажды онъ привелъ меня въ свой домъ
И повѣдалъ мнѣ о своемъ богатствѣ.

94. Прежде всего онъ накрылъ столъ, принесъ кушанья
И внимательно сталъ прислуживать мнѣ.

95. Все что нужно было предложилъ онъ на столѣ (своему гостю),-
Одного нельзя было у него вывѣдать,- цѣли гостя.

96. Отвѣдавъ (понемногу) всѣхъ кушаній,
Мы завели бесѣду на разныя темы.

97. Покончивъ со своими обязанностями, хозяинъ
Поднесъ мнѣ (безъ мѣры), подарковъ.

98. Затѣмъ собралъ все, что я ему подарилъ,
Принесъ ко мнѣ, извиняясь, подсѣлъ

99. И сказалъ: „Такое количество драгоцѣнныхъ камней и сокровищъ
„Не взвѣшивалъ еще ни одинъ ювелиръ.

100. „Я, пользующійся всегда небольшой прибылью (въ своемъ дѣлѣ),
„Чѣмъ заслужилъ такое множество подарковъ?

101. „Чѣмъ можно отблагодарить за такое благодѣяніе?
„Повелѣвай, чтобы я могъ отслужить тебѣ!

102. „У меня одна душа, но, будь ихъ у меня и тысяча,
То и всѣ онѣ вѣсовъ не перетянули бы въ мою сторону!"

103. Я отвѣтилъ ему: «О, господинъ, для чего такое самоуниженіе?
Будь благоразумнѣе! что это за дѣтскія мысли!

104. «Въ сравненіи съ умнымъ человѣкомъ
Что значитъ и что представляетъ собою такой пустякъ?"

105. Затѣмъ моимъ пріученнымъ слугамъ,
Подавъ знакъ, я приказалъ,

106. Чтобы они побѣжали и изъ моей личной казны
Принесли бы чистыхъ червонцевъ.

107. Мясникъ, не будучи освѣдомленъ о цѣли, которую я преслѣдую своими ласками,
Пришелъ въ смущеніе отъ такого моего вниманія.

108. Изъ этой огромной, наличной суммы
Я преподнесъ ему въ подарокъ больше чѣмъ прежде.

109. (На это) мясникъ сказалъ мнѣ: „Изъ-за твоей щедрости
„Я прямо не успѣваю отблагодарить тебя.

110. „Ты снова подносишь мнѣ подарки;
Мнѣ стыдно! Но что я могу сдѣлать?

111. „Я вынесъ тебѣ твои подарки,
Чтобы ты обратилъ на нихъ свое вниманіе.

112. „Вынесъ потому, что такія сокровища
Не могутъ быть незаслуженными и неотблагодаренными.

113. „Ты прибавилъ къ этимъ сокровищамъ новыя богатства.
Тебѣ—весело, а мнѣ, право, стыдно!

114. „Если ты нуждаешься во мнѣ, то приказывай твоему рабу,
А если нѣтъ, то все, что далъ, забирай обратно!"

115. (И вотъ) когда я сталъ увѣренъ въ его расположенности ко мнѣ,
И когда окончательно убѣдился въ его дружбѣ,

116. Я передалъ ему свою исторію.
Разсказалъ ему про свое царствованіе и про свое государство;

117. (Сообщилъ ему) ради чего я пріѣхалъ въ эту страну,
И почему отказался отъ правленія.

118. А именно, чтобы узнать: почему всякій житель этого города
Не получаетъ своей доли радости?

119. Почему онъ при отсутствіи несчастій одѣвается въ трауръ
И почему добровольно принимаетъ на себя обликъ печали?

120. Мясникъ, когда услыхалъ эти слова,
Отшатнулся отъ меня, какъ барашекъ отъ волка.

121. Цѣлый часъ онъ дичился меня,
При чемъ глаза у него были закрыты, какъ у человѣка застыдившагося.

122. (Наконецъ) онъ сказалъ: „Не о добромъ спросилъ ты!
„Но я дамъ тебѣ отвѣтъ о истинномъ положеніи дѣла.

********** **********

****

123. Когда (наступилъ) вечеръ (и какъ бы) разсыпалъ амбру по камфорѣ,
Когда народъ покинулъ шумныя улицы,

124. (Мясникъ) сказалъ мнѣ: „Наступило время тебѣ увидѣть
„И получить свѣдѣнія о томъ, чего ты такъ добиваешься.

125. „Вставай,- я открою тебѣ тайну,
„Покажу тебѣ невиданное зрѣлище!"

126. Сказавши это, онъ покинулъ свой домъ
И въ качествѣ проводника сталъ мнѣ показывать дорогу.

127. Онъ все шелъ впередъ, а я, чужеземецъ, слѣдовалъ за нимъ.
Кромѣ насъ кругомъ не было ни одного живого существа.

128. Какъ пери, увлекалъ онъ меня отъ людей
И (въ концѣ концовъ) привелъ меня къ какимъ-то развалинамъ.

129. Зашедши въ эти развалины,
Мы оба, подобно пери, накинули на себя покрывала.

130. Тутъ же находилась корзина, привязанная на веревкѣ;
Мясникъ пошелъ и безшумно принесъ ее ко мнѣ.

131. Затѣмъ онъ веревку прикрѣпилъ къ крюку
И (такимъ образомъ) устроилъ какъ бы летучаго змѣя на цѣпи.

132. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ: „Садись-ка въ эту корзину,
„Окинь взоромъ небо и землю,

133. „И ты узнаешь, почему люди, взявшіе на себя обѣтъ молчанія,
„Одѣваются съ ногъ до головы во все черное.

134. „Одна корзина только можетъ раскрыть передъ тобою
„Все, что было раньше сокрыто отъ тебя,- добраго и злого."

135. Улучивъ удобный моментъ,
Я быстро усѣлся въ пустую корзину.

136. Лишь только тѣло мое помѣстилось въ ней,
Какъ корзина моя превратилась въ птицу и взвилась въ воздухъ.

137. Таинственнымъ приспособленіемъ, которое имѣло видъ дуги,
Я былъ поднятъ къ небесному своду.

138. Тотъ, кто тянулъ веревку, дѣйствовалъ колдовствомъ;
А я-несчастный очутился въ положеніи акробата.

139. Веревка была прикрѣплена къ моей шеѣ, какъ фитиль къ свѣчѣ.
Веревка сама по себѣ крѣпкая, но шея-то у меня слабая!

140. Какъ плѣнникъ, недовольный своей судьбой,
Я не могъ удалить веревки отъ своей шеи.

141. Отъ боли въ шеѣ я чуть не сошелъ съ ума;
(Вотъ ужъ правда, какъ говорится): „Хотѣлъ поймать осла, онъ и самъ убѣжалъ и веревку унесъ!"

142. Хотя эта веревка была только привязана къ моему тѣлу,
Однако нить моей жизни держалась только на ней.

143. (Рядомъ со мною) возвышался столбъ, доходящій до самой луны;
Когда смотрѣли вверхъ на него,- шапка сваливалась съ головы.

144. Лишь только корзина достигла вершины этого столба,
Какъ узелъ веревки былъ развязанъ.

145. А мой руководитель ушелъ и оставилъ меня одного.
Я долго взывалъ о помощи, но ничего не помогало....

146. Когда я взглянулъ вверхъ и внизъ на Божій міръ,
Я увидалъ, что я нахожусь въ небесной выси.

147. Судьба надо мной проявила диво,
И я самъ повисъ, какъ небесный шатеръ.

148. Отъ такого ужаса у меня душа ушла въ пятки,
А отъ страшнаго перепуга чуть не разлилась желчь.

149. Кверху смотрѣть у меня не хватало духа,
А у кого хватило бы смѣлости взглянуть внизъ?

150. И вотъ я отъ страха закрылъ глаза
И, понявъ свое безсиліе, отдался на волю рока.

151. Я (сидѣлъ) и, съ горечью сознавая нелѣпость всего произшедшаго со мною,
Предавался мечтамъ о родныхъ и домѣ.

152. Но какую пользу могло принести мнѣ мое (позднее) раскаяніе?
Единственное, что могло помочь мнѣ, это - смиреніе и мольбы къ Богу (о помощи).

153. Прошло нѣкоторое время,- и вотъ
На вершину высоко вытянувшагося столба

154. Прилетѣла и сѣла, величиной съ гору, птица;
При видѣ ея я совсѣмъ палъ духомъ.

155. (Вѣдь представь себѣ): эта птица отъ лапъ до головы была такой величины,
Что казалось вотъ-вотъ столбъ рухнетъ со своего основанія.

156. Перья и крылья у ней были какъ вѣтви дерева,
А лапы, какъ - ножки у трона.

157. Клювъ же у ней выдавался какъ столбъ
И былъ похожъ на гору Бисутунъ, внутри которой помѣщались пещеры.

158. Птица эта поминутно принималась чистить себя
И тщательно охорашивалась.

159. Всякій разъ какъ она стряхивала пыль съ какого-нибудь изъ своихъ перьевъ,-
Ароматъ мускуса розливался по землѣ,

160. А всякій разъ какъ она чистила (клювомъ) крыло,-
Изъ-подъ него сыпались перламутровыя раковины, полныя жемчугомъ.

161. Птица эта стала, какъ бы (моимъ) ложемъ, а я - на немъ, совсѣмъ потерявъ сознаніе,
Подобно тому какъ (теряетъ сознаніе) въ водѣ тонущій человѣкъ.

162. И я сказалъ себѣ: „А что если бы я ухватился за ея лапу?
Быть можетъ, она снесла бы меня внизъ, какъ (пойманную) дичь.

163. Чего мнѣ ждать? вѣдь положеніе очень опасное:
Внизу угрожаетъ гибель, а вверху ждутъ муки!

164. (Мясникъ) по своей безчестности и неблагородству
Такъ недружелюбно поступилъ со мною.

165. Какую цѣль имѣлъ онъ въ виду, подвергая меня такимъ мукамъ
И для чего истерзалъ онъ такъ мое тѣло*)?

166. Неужели мои подарки сбили его съ истиннаго пути
И поэтому онъ предалъ меня гибели?

167. Не лучше ли будетъ, если я ухвачусь рукой за лапу птицы?
Быть можетъ, такимъ образомъ я выберусь изъ этого опаснаго мѣста.-

168. Когда наступило утро, время, когда поютъ птицы,
И всѣ птицы и животныя пришли въ движеніе,

169. Моя птица тоже стала проявлять признаки нетерпѣнія;
Она захлопала крыльями и стала торопливо готовиться къ полету.

170. Вручивъ себя Богу, я быстро протянулъ руку
И схватилъ эту могучую птицу за лапу.

---

*) (Букв.) Сжалъ въ тискахъ кисти моихъ рукъ.

171. Она поджала ноги, распустила крылья
И помчала меня, жителя земли, въ высь, какъ вѣтеръ.

172. Съ ранняго утра до полудня
Путешествовалъ я, а она мучила меня.

173. Когда солнце начало сильно припекать
И у меня и у нея закружилась голова,-

174. Птица подлетѣла къ тѣни
И стала не спѣша облюбовывать себѣ мѣсто,

175. Пока не выбрала себѣ пригорка,
Возвышающагося надъ окружающей равниной на (цѣлое) копье.

176. Равнина эта была покрыта шелковистой растительностью
И разливала ароматы (напоминающіе) розовую воду и амбру.

177. Я (мысленно) горячо возблагодарилъ птицу
И выпустилъ изъ своей руки ея лапу.

178. Добрый часъ лежалъ я, не двигаясь,
Предаваясь разнымъ празднымъ мыслямъ.

179. Когда я отдохнулъ и усталость прошла,
Я воздалъ благодарность Богу за (ниспосланное) облегченіе.

180. Мѣсто, (на которое я упалъ), было окружено зелеными садами,
Въ которыхъ водились куропатки и рябчики съ браслетиками на лапкахъ.

181. И вотъ я восхищенный, съ быстротою молніи упавъ
На свѣжіе цвѣты и нѣжныя растенія,

182. По своему обыкновенію сталъ осматриваться кругомъ
И присматриваться со всѣхъ сторонъ къ этой мѣстности.

********** **********
****

183. И я увидѣлъ садъ, которому землей служило небо.
Мірская грязь не достигала его,

184. Сотни тысячъ разныхъ цвѣтовъ цвѣло въ немъ;

---

*) (Букв.) „Небо стало двигаться надъ нашими головами".

Зелень въ немъ была свѣжа,и тихіе ручьи струились по немъ.

185. Каждый цвѣтокъ въ саду былъ другого цвѣта;
И ароматъ отъ каждаго изъ нихъ - распространялся на разстояніи цѣлаго ферсенга.

186. Кудри гіацинта въ немъ, въ видѣ колецъ аркана,
Тѣсно-претѣсно переплелись съ вѣнчиками гвоздикъ.

187. Жасминъ, страстно лобзая, слился въ поцѣлуѣ съ лепестками розы.
Словомъ сказать, весь лугъ въ совокупности затмилъ собой красоту іудина дерева.

188. Земля въ саду была камфора, пыль - амбра.
Песокъ - золото, а камешки (въ почвѣ) - драгоцѣнные камни.

189. (По саду) струились ручейки розовой воды,
На днѣ которыхъ (покоились) сердоликъ и жемчужины чудной воды.

190. Это были такіе ручьи, что бирюзовый небосклонъ
Завидовалъ имъ въ красотѣ.

191. Въ струяхъ ручейковъ плавали рыбы,
Какъ серебряныя монеты въ расплавленномъ серебрѣ.

192. Садъ этотъ окружали горы изумруднаго цвѣта.
Роща и гора вытянулись въ линію, какъ древко стрѣлы.

193. Всѣ камни на горѣ были красные яхонты,
И всѣ очертанія ихъ отражали на себѣ красный цвѣтъ (яхонтовъ).

194. Повсюду красовались сандальное и черное дерево,
Вѣтеръ разносилъ отъ нихъ чудные ароматы,какъ будто бы жгли алоэ и натирали сандалъ.

195. Мѣстность была настолько красива, что можно было подумать,что на ней отразилась печать красоты хурій,
Или что Гавріилъ снесъ этотъ садъ изъ рая.

196. Имя этому саду было дано „Эремъ, успокаивающій сердца";
И даже небосклонъ цвѣта голубой эмали признавалъ его красоту.

197. (Понятно, что и) я, попавъ въ такое мѣсто,
Обрадовался, какъ человѣкъ открывшій кладъ.

198. Я застылъ отъ удивленія при видѣ красоты его
И воздалъ хвалу Богу, создавшему его.

199. Я обошелъ его горы и долины,
Налюбовался лучами его, ласкающими взоръ.

200. Отвѣдалъ плодовъ съ его деревьевъ
И возблагодарилъ (Бога) за все увидѣнное.

201. Въ концѣ концовъ я беззаботно перекочевалъ
Подъ кипарисъ прекрасный и стройный, какъ молодая красавица.

202. Здѣсь я провелъ время до вечера,
И не двинулся бы оттуда, если бы даже у меня были тысячи срочныхъ дѣлъ.

203. За это время я успѣлъ слегка закусить и слегка вздремнуть,
Но все же не переставая воздавалъ хвалу Богу.

********** **********
****

204. Когда ночная темнота перемѣнила свое убранство,
Разсѣяла сурьму и зажгла алую зарю,

205. На вершинѣ горы загорѣлось огненное солнце;
Утренняя Венера закрасовалась (на небѣ), какъ только что распускающійся цвѣтокъ (въ саду),

206. Поднялся вѣтерокъ,- онъ смелъ съ дороги пыль.
Это былъ вѣтерокъ нѣжнѣе весенняго зефира.

207. Появилась туча (прекрасная), какъ (первая) апрѣльская тучка;
Она разсыпала жемчуга на растенія.

208. Когда дорога очистилась (отъ пыли) и слегка смочилась (дождевой влагой),
Вдругъ появились на дорогѣ писанныя красавицы, и вся дорога (какъ бы) превратилась въ капище идоловъ.

209. Я увидѣлъ въ отдаленіи сотни тысячъ хурій, -
Мое терпѣніе и спокойствіе вмигъ улетучилось отъ меня.

210. Это былъ цѣлый рой блистательныхъ красавицъ
Нѣжныхъ и прекрасныхъ, какъ трава-базилика.

211. Каждая красавица прекрасна, какъ ранняя весна,
У всѣхъ у нихъ руки раскрашены хеной,

212. Рубиновыя губки у нихъ, какъ тюльпаны на лужайкѣ въ саду;
Каждый изъ этихъ рубиновъ - стоимостью цѣлой провинціи Хузистана.

213. Руки у нихъ внизу и вверху разукрашены золотыми украшеніями,
Шея же и уши увѣшаны чистымъ жемчугомъ.

214. Въ рукахъ у нихъ, какъ у царицъ, были свѣтильники,
Но онѣ равнодушны къ судьбѣ бабочекъ, летающихъ вокругъ свѣчей.

215. Онѣ подошли граціозно и изящно,
Отличаясь неописуемой красотой.

216. На головахъ эти кумиры, одаренные красотою хурій, несли
Ковры и тахты подобные тѣмъ, которые находятся въ раю.

217. Онѣ разостлали ковры, разставили тахты;
Всѣмъ этимъ онѣ испытывали, жестоко испытывали мое терпѣніе.

218. Прошло немного времени,
И вдругъ (появилась красавица), какъ бы луна, спустившаяся съ неба на землю,

219. Какъ бы появившееся на горизонтѣ солнце,
При сіяніи котораго не стало болѣе видно неба.

220. Вокругъ нея въ видѣ хурій и пери
Были сотни тысячъ утреннихъ звѣздъ.

221. Красавица эта была, какъ бы кипарисомъ, а прислужницы окружающимъ его лугомъ;
Она была розой, зелень которой составляли эти кумиры.

222. Каждая изъ дѣвицъ была какъ бы кускомъ сахару и имѣла (при этомъ) въ рукахъ свѣчу.
А какъ пріятно вкушать сладости при блескѣ свѣчей!

223. Весь садъ наполнился (этими) стройными кипарисами
И ночь была илюминована, благодаря тому что всѣ онѣ были со свѣтильниками.

224. И вотъ эта владычица, обладающая исключительнымъ счастьемъ, выступила впередъ
И усѣлась, какъ подобаетъ невѣстамъ, на тронъ.

225. Всюду (до этого) направо и налѣво царила тишина.
Но лишь только она сѣла, поднялся такой шумъ, будто бы наступилъ день Страшнаго суда.

226. Усѣвшись на своемъ мѣстѣ, она тотчасъ же
Отбросила покрывало съ лица, сняла туфли съ ногъ,

227. (И предстала взорамъ), какъ царица, вышедшая изъ своего замка,
Которую со всѣхъ сторонъ кругомъ обступаетъ войско византійское и негритянское.

228. Византійцы и негры (противоположны другъ другу), какъ борящіеся утромъ ночной и дневной свѣтъ.
На всѣхъ византійцахъ золотыя латы, цвѣта луны.

229. У нея миндалевидные глаза, но въ ней нѣтъ чувства зависти,
Всѣ кипарисы выростаютъ изъ земли, а ея существенный составъ - свѣтъ.

230. (Усѣвшись), она нѣкоторое время, подобно цвѣтку, держала головку опущенной внизъ.
Этимъ она у окружающихъ только разжигала страсть.

231. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время она подняла голову
И сказала стоявшей возлѣ себя прислужницѣ:

232. „Кажется, изъ чуждыхъ намъ земныхъ жителей
„Кто-то находится здѣсь.

233. „Встань, обойди внимательно кругомъ*),
„И, кто тебѣ ни встрѣтится, приведи сюда ко мнѣ!"

234. Эта дочь пери встала съ земли

---

*) Букв. „обойди кругомъ какъ циркуль".

И быстро, какъ пери, обѣжала кругомъ правую и лѣвую сторону.

235. Когда она увидѣла меня, она очень удивилась;
Покровительственно взявъ меня за руку,

236. Она сказала: „Встань и идемъ (съ такой быстротой), какъ (стелется) дымъ!
„Царица царицъ такъ приказываетъ!"

237. Я не прекословилъ ея словамъ,
Такъ какъ самъ желалъ того же.

238. Быстро побѣжалъ я (за нею), словно воронъ послѣдовалъ за павой,
И достигъ того мѣста, гдѣ находилась красавица-невѣста.

239. Съ ловкостью подойдя къ ней,
Я (житель земли) поцѣловалъ прахъ у ногъ ея;

240. Затѣмъ я хотѣлъ присѣсть у ея ногъ,
Хотѣлъ примоститься на нижнихъ ступеняхъ (трона),

241. Но она мнѣ сказала: „Встань! это мѣсто не для тебя!
„Недостойно тебѣ сидѣть на мѣстѣ раба.

242. „Ты (въ гостяхъ) у меня,- гостепріимной хозяйки,
„А мѣсто гостя должно быть въ серединѣ (собранія), а не гдѣ-нибудь на краю.

243. „Поднимись на тронъ и садись возлѣ меня!
„Лунѣ надлежитъ находиться рядомъ съ солнцемъ!

244. „Тѣмъ болѣе, что ты милъ, внушаешь сочувствіе
„И воспитанъ въ рыцарскомъ духѣ."

245. Я отвѣтилъ ей: „О, владычица, обладающая характеромъ гуріи!
„Не говори подобныхъ рѣчей такому, какъ я рабу.

246. „Тронъ Былькйсы (Царицы Савской) созданъ не для чудовищъ,
„И сидѣть на немъ можетъ только Соломонъ.

247. „Я, пріобрѣвшій видъ чудовища, живущаго въ пустынѣ,
„Какъ могу притязать на права Соломона?"

248. Она же сказала: „Вставай, не отнѣкивайся!

„Не мудрствуй лукаво передъ той, на кого всѣ твои рѣчи все равно не подѣйствуютъ!

249. „Здѣсь всѣ мѣста принадлежатъ тебѣ, здѣсь твоя царитъ воля!
„Со мной только ты можешь сидѣть и бесѣдовать!

250. „Этимъ путемъ только ты можешь узнать мою тайну
„И воспользоваться моей дружбой!"

251. Я отвѣтилъ ей: „Твоимъ другомъ достойна быть только твоя тѣнь.
„Моя же корона – прахъ у ногъ твоихъ!"

252. (Тогда) она сказала: „Поклянись моей душой и головой,
„Что ты тотчасъ же прійдешь въ мои объятія!

253. „Ты – мой гость, знатный человѣкъ,
„А за гостьми надлежитъ ухаживать."

254. Когда я увидѣлъ, что ничего не остается другого, какъ провиноваться ей,
Я (смирился и) сталъ передъ нею, принявъ позу раба.

255. Тогда одна изъ прислужницъ нѣжно взяла меня за руку,
Посадила меня на тронъ, а сама вернулась на свое мѣсто.

256. Усѣвшись на этомъ обширномъ тронѣ,
Я увидѣлъ (рядомъ съ собою) (красавицу, прекрасную, какъ) луна, и обнялъ ее за талью.

257. Красавица эта была очень ласкова, любезна
И наговорила мнѣ множество пріятностей.

258. Затѣмъ она приказала, чтобы принесли
Столъ, предназначенный для такого количества кушаній, которое и описать нельзя.

259. Райскія прислужницы приготовили столъ,
И (принесли) кушанья, приправленныя имбиремъ.

260. Самъ столъ былъ изъ бирюзы, чаши–изъ яхонта;
Они восхищали взоръ и радовали душу.

261. Стоило (гостю) о чемъ-либо только подумать,
Сейчасъ же поваръ приносилъ это (на столъ).

262. Когда мы окончили ѣду:
Горячія кушанья и холодные напитки,—

263. Всѣ молчаливые доселѣ (гости) разговорились;
Всякій, кто обладалъ голосомъ, запѣлъ;

264. Пришелъ музыкантъ; виночерпій сталъ обходить кругомъ (гостей);
Пробудившееся веселье вызвало и другія увеселенія:

265. Такъ, появились на сцену танцы, составился хороводъ.
Ради пляски были забыты всѣ (другіе) обѣты:

266. (Прислужницы) поставили въ надлежащее мѣсто свѣчи,
А сами встали со своихъ мѣстъ (и выстроились въ пляшущій рядъ), какъ свѣчи.

267. Когда окончили танцы,
Принялись уничтожать вино.

268. Пьяный виночерпій спѣшилъ подливать его.
Отбросили всякую завѣсу со стыда.

269. Я, увлекаемый сильной любовью и возбуждаемый дѣйствіемъ вина,
Подражалъ пьянымъ виночерпіямъ.

270. Между тѣмъ эта сладкоустая красавица, изъ любезности,
Все просила продолжать веселиться.

271. Когда я увидалъ, насколько простирается ея любезность,
Я, какъ (срѣзанный) локонъ, упалъ къ ногамъ ея

272. И поцѣловалъ ногу у своей возлюбленной.
Пока она просила меня прекратить (поцѣлуи), я успѣлъ поцѣловать ее еще нѣсколько разъ.

273. Птица надежды вспорхнула на вѣтку.
Предметы для разговоровъ у насъ расширились.

274. Я очень наслаждался поцѣлуями и виномъ,
Но въ тысячу разъ больше наслаждался пребываніемъ съ нею.

275. Я сказалъ ей: „О, любезная сердцу моему! какія у тебя желанія?

„Ты - именитая; но какъ же твое имя?"

276. Она отвѣтила: „Я турчанка, стройнаго (нâзнîн) роста,-
„Имя мое Нâзнйнъ-Торктâзъ"

277. Я отвѣтилъ: „Въ силу единодушія и единомыслія
„У насъ вѣдь и имена имѣютъ сходство!

278. „Твое имя.- „Торктâзъ"? удивительно!
„Мое прозвище тоже „Торктâзъ"!

279. „Вставай же, пустимся въ пляску какъ турки,
„Чтобы заразить огнемъ страсти даже индусовъ!

280. „Усладимъ душу (настоящимъ) виномъ Маговъ;
„Какъ влюбленные, будемъ истреблять вино и сладости!

281. „Если вино - горько, а конфеты сладки,
„То поставимъ конфеты на столъ и возьмемъ въ руки чаши съ виномъ.—

282. Ободренный ея кокетствомъ,
Я постарался сблизить наши отношенія.

283. Судьба сказала мнѣ: „Пришло тебѣ время повеселиться;
„Торопись, ибо счастіе благопріятствуетъ тебѣ !

284. Сердце (мое) ликовало, что время благопріятствуетъ:
Срывай себѣ поцѣлуи, разъ подруга поощряетъ твои ухаживанія!

285. Вѣдь она дала мнѣ разрѣшеніе на драгоцѣнные поцѣлуи:
Даже, молилъ я объ одномъ поцѣлуѣ, а она мнѣ разрѣшила сто.

286. Огонь пробѣжалъ по мнѣ, какъ это бываетъ у подвыпившаго:
Возлюбленная у меня въ рукахъ, я не могу совладать съ собою.

287. Закипѣла во мнѣ кровь.
Но когда мои просьбы достигли слуха красавицы,

288. Она сказала: „На сегодня довольствуйся только поцѣлуями
И больше этого ничего не требуй отъ неба.

289. „Все что сверхъ этого - нежелательно.
Лучшій другъ тотъ, который честенъ.

290. „Пока въ тебѣ хватитъ терпѣнія (сдерживать себя),
„Играй (моими) кудрями, бери (въ руки) чашу и лови поцѣлуи!

291. „Когда же дойдешь до того, что не сможешь
„Сдерживать порывовъ природы,

292. „То на одной изъ этихъ рабынь, изъ которыхъ каждая по красотѣ луна
„И каждая изъ которыхъ оживляетъ (человѣка), какъ разсвѣтъ влюбленнаго,

293. „Которую найдешь получше,
„Удовлетворишь на ней свои желанія.

294. „Прикажи, и я, лишивъ ее личной воли,
„Тотчасъ же подчиню всѣмъ твоимъ прихотямъ,

295. „Чтобы она была готова къ твоимъ услугамъ,
„Явилась бы въ твою опочивальнк.

296. „Увлекала и развлекала бы тебя;
„Была бы тебѣ невѣстой и прислуживала бы тебѣ.

297. „Чтобы она усмиряла бушующій въ тебѣ огонь
„И дала бы намъ возможность быть вмѣстѣ.*)

298. „Если на слѣдующій вечеръ захочешь новую невѣсту,
„То и это желаніе я дамъ тебѣ возможность осуществить.

299. „Каждый вечеръ я буду тебѣ дарить по одной изъ нихъ;
„Всякій разъ какъ будетъ тебѣ надобна новая (красавица), буду дарить тебѣ."—

300. Сказавши это, она замолкла.
Затѣмъ оказала мнѣ любезность и услугу:

301. (А именно) она посмотрѣла внимательно на своихъ рабынь
И ту, которую нашла изъ нихъ достойную любви,

302. Позвала и съ кокетствомъ препоручила мнѣ,
Сказавъ: „Встань и дѣлай съ ней что хочешь!"

303. Подаренная мнѣ красавица взяла меня за руку.

---

*) (Букв.) Оставила воды и для нашей бы рѣчки.

Что касается меня, то я былъ пораженъ красотой ея.

304. По изяществу, заманчивости и любезности
Она была подругой достойной ухаживанія и баловства.

305. Она прошла впередъ, а я слѣдовалъ за ней,
Порабощенный ея кудрями и ея родинкой,

306. Пока мы не достигли красиваго замка.
Она не захотѣла входить (въ замокъ), пока я не прошелъ первымъ.

307. Когда мы взошли въ этотъ чудный дворецъ
И остались вдвоемъ одни-одинешеньки,

308. Я увидалъ на высокихъ подмосткахъ
Постель, застланную чистымъ шелкомъ.

309. Освѣщеніе и убранство соотвѣтствовало (приготовленному) пиршеству.
Все кругомъ блистало яхонтами и благоухало амброй.

310. Меня потянуло въ постель, на подушки.
Захотѣлось крѣпко сжать въ своихъ объятіяхъ турчанку.

311. Я нашелъ ее похожей на скирду, полную цвѣтовъ ивы,
Нѣжно мягкой, розовой, обаятельно бѣлой.

312. Перламутръ былъ закрытъ печатью,
И я сорвалъ печать съ жемчужины.

313. До разсвѣта она была у меня въ объятіяхъ;
Постель моя пропиталась ароматомъ камфоры и мускуса.

314. Утромъ она, счастье мое, вставши,
Приготовила мнѣ все нужное для обмыванія.

315. Она приготовила мнѣ для купанія бассейнъ,
Сіяющій драгоцѣнностями и блистающій золотомъ.

316. Я обмылъ свое тѣло розовой водой
И, какъ цвѣтокъ, нарядился въ кафтанъ и шапку.

317. Когда я вышелъ изъ купальни,
Еще блестѣли на небѣ по-одиночкѣ звѣзды.

318. Я пріютился въ свободномъ уголкѣ
И тутъ же совершилъ священную обязанность.

319. Что же касается дворцовыхъ невѣстъ,
То онѣ всѣ вышли и никто изъ нихъ не остался во дворцѣ.

320. Я остался одинъ одинешенекъ, какъ (сухой) желтый цвѣтокъ среди зелени.
На краю луга, на берегу холоднаго ручейка.

321. Я положилъ отягченную хмѣлемъ голову
На сухіе цвѣты и на лепестки влажнаго (отъ росы) тюльпана.

322. (Въ такомъ положеніи) проспалъ я съ утра до вечера.
Счастье бодрствовало, а хозяинъ его спалъ всласть.

********* *********
****

323. Когда „Коза ночи" раскрыла свой пупокъ
И небо стало перламутромъ, испускающимъ ароматы мускуса,—

324. Я поднялъ голову съ ложа сна
И сѣлъ возлѣ воды,какъ растеніе.

325. Налетѣли туча и вѣтеръ, тѣ же что и прошлую ночь;-
Туча стала разсыпать жемчугъ, а вѣтеръ развѣвать ароматы амбры.

326. Вѣтеръ подмелъ дорогу, а туча полила ее водой.
Вѣтеръ принесъ сѣмена жасмина, а туча посѣяла фіалку.

327. Когда лугъ пропитался ароматами амбры
И розовая вода потекла по немъ ручейками,

328. (Снова) пришли, несущія съ собой веселье, красавицы,-
И небо снова стало любоваться ими.

329. Принесли (опять) тахты изъ сплошного золота,
Притащили постилки, украшенныя драгоцѣнными камнями,

330. Устроили высокій тронъ
И надъ нимъ сверху натянули шелковый балдахинъ.

331. Затѣмъ приготовили царскій пиръ
И украсили его свѣтильниками.

332. Снова поднялся шумъ и говоръ кругомъ,
Такъ какъ справа и слѣва снова явилось то же общество
(что и вчера).

333. Среди нихъ та же похитительница (сердецъ),
Которая лишаетъ влюбленныхъ самообладанія.

334. Я подошелъ,- меня пригласили на тронъ.
И посадили на подобающее мнѣ по достоинству мѣсто.

335. Въ такомъ же порядкѣ какъ и раньше
Приготовили столъ, а на немъ кушанья,

336. Такія, которыя соотвѣтствовали бы окружающей обстановкѣ
И вызывали бы веселье у ѣвшихъ ихъ.

337 (Однимъ словомъ) устроили все какъ слѣдуетъ.
Затѣмъ всякій (изъ присутствующихъ) поѣлъ и насытился.

338. Поставили (на столъ) вино; появилась арфа;
И подъ ударами (пальцевъ) запѣли струны.

339. Радущіе виночерпія и сладость чаши
Пробудили въ присутствующихъ міръ любви.

340. Ударило въ голову веселье перваго хмѣля;
Вино и любовь дѣйствовали сообща.

341. Моя турчанка проявила милость,
Пожалѣла своего вѣрнаго, какъ индуса, раба,-

342. Высказала желаніе приласкать меня.
Стала любезно ухаживать за мной;

343. Кокетливо кивнула своимъ подругамъ,
Чтобы онѣ (прислуживавшія намъ) удалились......

344. Столь уединенное мѣсто и столь увлекательная подруга.
Трепетъ моего сердца затемнилъ мнѣ разсудокъ;

345. Я подобно кудрямъ обхватилъ ее за талію,
Схватилъ ее въ объятія, какъ это всегда дѣлаютъ влюбленные.

346. Тогда она сказала мнѣ: „Не забывайся! теперь не время
распускать себя,
„И не время теперь поступать опрометчиво!

347. „Довольствуйся теперь сладостями,
„Кусай меня и осыпай поцѣлуями.

348. „Кто довольствуется малымъ,
„Тотъ всю жизнь будетъ уважаемъ;

349. „А кто дастъ волю своимъ страстямъ,
„Тотъ подъ конецъ падетъ въ нищету.-

350. Я отвѣтилъ ей: „Ради Создателя! облегчи мнѣ (мои страданія):
„Я страдаю невыносимо*)!

351. „Твои, черные какъ смоль, волосы — цѣпи,
„А я, какъ безумный, въ этихъ цѣпяхъ.

352. „Если я и просилъ тебя заковать меня въ эти цѣпи,
„То это только для того, чтобы я не буйствовалъ, какъ колодникъ!"-

353. Ночь приходила къ концу, брезжило утро,-
А нашъ разговоръ не пришелъ къ какому-нибудь заключенію.

354. (Наконецъ я сказалъ ей:) „Если хочешь убить меня, я не буду роптать:
„Вотъ тебѣ голова, а вотъ мечъ!

355. „Ради чего столько упрямствовать?-
„Вѣдь роза не засмѣется, пока не заплачетъ небо.

356. „Ты ручей, а я вода въ немъ ;
„Ты прахъ, а я вода, омывающая тебя.

357. „Спаси несчастнаго! его уноситъ теченіе;
„Онъ жаждалъ воды, а его подхватило теченіе ручья!

358. „Несчастному, у котораго пересохло въ горлѣ,
„Дай воды, разъ она у тебя подъ рукой!

359. „А не дашь воды, Богъ съ тобой!-

---

*) (Букв.) Вода уже покрыла меня съ головой, и шипы вонзились въ мои ноги.

„Моя жизнь да падетъ жертвой твоей прихоти*)!

360. „Меня ничтожнаго, (какъ капля воды), не томи въ жаждѣ,-
„Утоли алчущаго хотя бы каплею!

361. „Представь себѣ, что финикъ упалъ въ молоко,
„Или, что иголка вонзилась въ шелкъ.

362. „Если дѣло будетъ обстоять иначе, а не такъ, то я готовъ (навсегда) удалиться
„И оставить навсегда всѣ надежды**).

363. „(Я буду думать:) сидѣла птица, а потомъ взяла и улетѣла.
„(Какъ говорится:) «и оселъ не упалъ, и мѣшокъ не прорвался».

364. Она дала мнѣ отвѣтъ: „Воздержись еще сегодняшній вечеръ;
„Пусть подкова Шебдиза полежитъ еще въ огнѣ!

365. „Если на сегодняшнюю ночь отгонишь эту мысль прочь,
„То вкусишь вѣчное счастье***).

366. „Не мѣняй цѣлаго источника на одну каплю,
„Вѣдь второе причинитъ тебѣ только страданія, а первое вполнѣ удовлетворитъ тебя.

367. „Только на одну сегодняшнюю ночь обуздай свое желаніе -
„И будешь тогда вѣчно улыбаться въ счастьѣ!

368. „Лови поцѣлуи, играй моими кудрями,
„Но въ нардъ****) иди играть съ рабынями.

369. „Ты владѣешь садомъ,- оставь же лугъ,
„У тебя въ рукахъ птица,- не добивайся лучше птичьяго молока.

370. „Сердце у тебя удовлетворено, ты веселишься,-
„Чего же ты стремишься измѣнить мнѣ?!

---

*) (Букв.) Да будетъ прахомъ твоихъ ногъ.

**) (Букв.) Засыпать глаза надежды прахомъ.

***) (Букв.) „Получишь свѣтъ отъ свѣчи вѣчной".

****) Особаго рода восточная игра, вродѣ трик-трака.

371. „На эту ночь запасись терпѣніемъ и постарайся
„Удовлетвориться вчерашнимъ.

372. „Если я и спущусь (и уйду) съ этого трона,
„То все же (завтра) буду опять достижима, если даже немного опоздаю.

373. „Рыбу ты сможешь поймать въ пруду*),
„А вотъ луну схватить рукой-потруднѣе!

374. „Вообще цвѣты встрѣчаются на лугу,
„А вотъ лугъ, покрытый исключительно гвоздиками, это - дѣло другое!"-

375. Когда я увидалъ, что надъ ней не одержать верхъ въ этой игрѣ,
Я смирился и уступилъ ей.

376. Ограничился одними поцѣлуями, сладкими, какъ медъ,
И держалъ постъ относительно всего остального.

377. Забавляясь, я пилъ вино,
Снималъ горячую дичь со сковородки.....

378. И вотъ, страдающаго (любовнымъ) жаромъ снова охватилъ пламень (любви);
Снова страстно захотѣлось поцѣлуевъ и вина.

379. Когда моя возлюбленная, похитившая мое сердце, снова увидѣла
Что во мнѣ**) пылаетъ огонь (страсти),

380. Она позвала одну изъ красавицъ,
Чтобы та пришла и снова погасила во мнѣ пламя.

381. Дѣйствительно (красавица эта) вполнѣ соотвѣтствовала желаніямъ моего сердца:
Сердце жаждетъ всегда всего гармоничнаго.

382. Счастливъ тотъ у кого есть подруга,
Миловидная и увлекательная собесѣдница!

---

*) Можно эти два стиха понять также такъ:
„Отраженіе луны поймаешь въ пруду рукой,
А вотъ самую луну схватить рукой потруднѣе."

**) Букв. „Въ моей печени".

383. Въ эту ночь я поступилъ по прежнему
И получилъ еще большее удовлетвореніе.

384. До разсвѣта я сосалъ сахаръ
И въ объятіяхъ сжималъ пери.

385. Когда же день облекся въ начисто вымытое платье,
А ночь подобно красильщику разбила свою бочку (съ черной краской),

386. Всѣ эти привлекающіе взоръ цвѣточки
Удалились изъ окружавшаго насъ роскошнаго убранства.

387. А я одинъ у ствола кипариса сидѣлъ,
Покинутый подругой собесѣдницей.

388. Я мечталъ: когда-то снова наступитъ вечеръ,
И я опять буду пить вино съ красавицами Китая и Тераза!

389. Когда-то снова я окружу станъ свой локонами турчанки
И прижму къ сердцу утѣху мою!

390. То́ буду пить вино съ красавицей, у которой губы сладки, какъ сахаръ,
То́ буду удовлетворять свою страсть на краснощекой дѣвѣ!

391. Затѣмъ, когда наступила ночь, все снова было приготовлено,
И мой тронъ вознесся выше небесной выси.

---

392. Нѣкоторое время въ такой обстановкѣ, подъ звуки арфы и съ виномъ въ рукахъ
Проводилъ я каждый вечеръ въ весельѣ съ ней.

393. Тридцать девять ночей въ такомъ сердечномъ восхищеніи
Провелъ я совершенно незамѣтно.

394. Начало вечера - блистательное зрѣлище,
Подъ конецъ вечера со мной въ гнѣздышкѣ хурія.

395. Днемъ я бывалъ въ саду,- ночью въ раю,
Гдѣ земля благоухаетъ мускусомъ, а домъ изъ золотыхъ кирпичей.

396. Я (тамъ) былъ владыкой царства веселья;

Днемъ солнце свѣтило мнѣ, а вечеромъ — дѣва прекрасная,
как луна;

397. Не было для меня неисполнимыхъ желаній.
Счастливая судьба моя уготовила мнѣ все это.

398. Такъ какъ невозможно было отблагодарить за все это,
То степень благодарности была очень велика.

399. Я весь утопалъ въ весельѣ*),
Обрѣтя болѣе того, чего желалъ.

********** **********
****

400. Когда наступило сороковая ночь съ того времени, какъ красавица дала мнѣ обѣщаніе,
Мое настроеніе испортилось, несмотря на то, что меня со всѣхъ сторонъ окружали красавицы.

401. На небѣ появились черныя кудри, благоухающія амброй,
И кудри луны закрыли (отъ взоровъ) солнце.

402. Туча и вѣтеръ, которыя и раньше бывали,
Снова пронеслись и освѣжили (природу) своей прохладой.

403. Снова поднялось повсюду волненіе,
Снова небо огласилось криками,

404. И рабыни по прежнему обыкновенію,
Съ яблоками въ рукахъ и съ грудями, какъ гранаты

405. Пришли и уставили тронъ,
А сами размѣстились кругомъ и разстегнули воротники.

406. Пришла и моя красавица, сіяющая, какъ солнце,
Раскинувъ по своимъ плечамъ кудри, разливающія ароматъ мускуса.

407. Впереди, позади ея, по обыкновенію, (несли) свѣтильники.
(Отодвиньте ихъ, чтобы красавица прошла впередъ!)

408. Съ неподражаемымъ кокетствомъ и изяществомъ
Она снова усѣлась на своемъ тронѣ.

---

*) Букв.: Я омылъ свое сердце весельемъ.

409. Музыканты извлекли изъ струнъ звуки,
Прислужницы приступили къ своимъ обязанностямъ.

410. Виночерпіи при помощи пурпурнаго вина
Устроили великолѣпный пиръ, услаждаемый игрою арфы.

411. Царица сладкогубыхъ красавицъ приказала:
„Приведите ко мнѣ поскорѣе нашего товарища!".

412. Опять красавицы нѣжно привели меня
И передали своей владычицѣ.

413. Когда она увидала меня, ласково привстала
И посадила меня направо отъ себя.

414. Я привѣтствовалъ ее и, радостный, усѣлся.
И опять пришли мнѣ на умъ былыя мечты.....

415. Опять приготовили столъ
И въ должномъ количествѣ чудныя кушанья.

416. Когда покончили съ ѣдой,
Явилось вино для оживленія собранія.

417. Изъ щедрыхъ, какъ море, рукъ виночерпіевъ,
Изъ перламутровыхъ чашъ полилось жемчужное вино.

418. Пошло въ ходъ равендское вино,
Которое вкуснѣе сиропа изъ Негавенда.

419. Я опять пришелъ въ возбужденіе, и опьянѣлъ,
И обвилъ рукою ея талью.

420. Опять пробудились во мнѣ страсти*)
И всецѣло завладѣли мной.

421. Я сталъ гладить рукой чистое серебро.....
Трудно было мнѣ, не могъ я сдержаться!

422. Въ ловкости я сталъ подобенъ пауку;
Въ эту ночь я изучилъ искусство акробата.

423. Я прыгалъ отъ радости, какъ оселъ передъ овсомъ,

---

*) (Букв.) „Опять мои дивы порвали свои цѣпи
И наложили на меня - безумнаго оковы.

Или, какъ лунатикъ при видѣ молодого мѣсяца.

424. Сердце мое согрѣла чаша съ виномъ,
(Находящаяся) въ рукѣ у виночерпія — дѣвы красивой, какъ полная луна.

425. Когда это увидѣла красавица,
Она ласково положила свою руку на мою

426. И, (представь себѣ!), эта сіяющая звѣзда поцѣловала меня въ руку,
Чтобы я удалилъ руку отъ ея сокровищницы!

427. Она сказала: „Не протягивай руку къ запертой сокровищницѣ:
„Длинныя руки никогда не достигаютъ цѣли!

428. „Сорвать печати съ сокровищницы нельзя:
„Она за печатью и нѣтъ возможности сорвать ее.

429. „Потерпи,- финиковая пальма принадлежитъ тебѣ,
„А сорвать финики не торопись!

430. „Пей вино,- жаркое готово уже;
„Любуйся красавицей - луной, такъ какъ скоро (наступитъ день, и) взойдетъ солнце." —

431. Дрожа съ ногъ до головы, какъ воръ у сокровищницы,
Я задыхался у ея тальи.

432. Я сказалъ ей: „О солнце, освѣщающее мой цвѣтникъ!
„Источникъ цвѣта, ясныя очи мои!

433. „Сіянье твоего лица зардѣлось, какъ роза въ саду;
„Какъ же мнѣ не угаснуть (передъ нимъ), какъ свѣчѣ!

434. „Ты показываешь жаждущему сиропъ,
„И говоришь при этомъ: «закрой ротъ и не пей!»

435. „Когда лицо твое загорѣлось сіяніемъ,
„Когда я увидѣлъ такую пери, умъ мой помрачился.

436. „Повинуясь небеснымъ заповѣдямъ,
„Ты только разожгла во мнѣ страсть.*).

---

*) Ты бросила подкову въ огонь.

437. „Какъ я могу противиться ночнымъ чарамъ луны
„И какъ я, будучи ничтожнымъ атомомъ, могу закрыть собой сіяніе солнца?

438. „Какъ я могу не протянуть руки, разъ ты у меня въ рукахъ?
„Я ничто въ твоемъ присутствіи!

439. „Но вѣдь ты - житель земли (со всѣми ея страстями) и я тоже.
„Хотя, правда, ты - пери, а я - простой человѣкъ.

440. „До какихъ же поръ мнѣ кусать губы,
„До какихъ поръ облизывать слюнки на губахъ?

441. „Придумай средство, чтобы я, томящійся въ тоскѣ,
Хоть бы на одну сегодняшнюю ночь осуществилъ свою мечту;

442. „Довольно.- моя душа при послѣднемъ издыханіи*);
„Подари меня горячимъ поцѣлуемъ и не ледени меня холоднымъ дыханіемъ!

443. „Судьба при твоемъ содѣйствіи будетъ улыбаться мнѣ,
„А вѣдь расположеніе судьбы дѣлаетъ человѣка счастливымъ;

444. „Хотя ты и чудная красавица,
„Но зачѣмъ ты такъ долго кормишь меня „завтраками"? **)

445. „Дѣло - тѣмъ тягостнѣе, что [я, словно путникъ въ пустынѣ, у котораго] свалился вьюкъ.
„Помоги, спаси меня, такъ какъ я погибъ безвозвратно!

446. „Ты мнѣ говоришь: „Не печалься! я твой другъ!"
„Позаботься о себѣ, а я готовъ (вѣчно) служить тебѣ.

447. „Я боюсь, что этотъ старый, превосходящій въ хитрости даже лисицу, волкъ*)
„Снова начнетъ хитрить и хищничать,

---

*) (Букв.) достигла отъ страданій губъ.

**) Букв. переводъ этихъ двухъ строкъ:
Хотя у тебя бедра, какъ у дикой козы,
Но до какихъ же поръ ты будешь давать мнѣ сонъ зайца?

***) Подъ волкомъ разумѣется судьба.

448. „Снова набросится на меня, съ храбростью охотника львовъ,
„И подожметъ меня подъ себя, какъ пантеру.

449. „У меня есть другія мечты, но при тебѣ я ихъ забываю,
„(Жаждая одного),- удовлетворить въ тебѣ свою страсть!

450. „Если ты не дашь (этой) моей мечтѣ осуществиться,
„То въ эту ночь въ мечтахъ по тебѣ я умру!"

451. Красавица сказала: „Прихоти гостей
„Переносятъ даже вѣнценосцы и султаны.

452. „И если нужно будетъ, я отдамъ жизнь свою за твою прихоть,
„Хотя бы ты былъ изъ туркестанскаго Холлаха, а я изъ Абиссиніи*)

453. „Пожалуй, умѣстно ли передъ такимъ гостемъ, какъ ты,
„Поставить такой столъ?

454. „А впрочемъ, что касается того желанія, къ которому ты стремишься,
„То ты его осуществишь, но попозже; а теперь, право, ты напрасно торопишься.

455. „Если при наличности шиповъ можетъ быть рай,
„То, значитъ, и я могу осуществить это (т.е. твою мечту).

456. „Если ива можетъ испускать ароматъ алоэ,
„То, значитъ, и я могу быть виновницей этого (т.е. твоего счастья).

457. „Бери отъ меня все, что ни пожелаешь,-
„За исключеніемъ одного желанія, которое низко.

458. „Губы - твои, щеки - твои, груди - твои.
„Кромѣ одного входа; а другая сокровищница - тоже твоя.

459. „Когда же твое сердце согрѣется чашей вина,
„Я снова одарю тебя подругой красивой, какъ полная луна,

460. „Чтобы ты удовлетворилъ на ней свою страсть,
„А меня**) оставилъ бы въ покоѣ.

---

*) Т.е. ты красавецъ, а я раба-негритянка.

**) Букв. „выпустилъ бы изъ руки мою полу".

461. Когда я увидѣлъ, что она хочетъ обмануть меня,
Я выслушалъ ее, но не послушался ея.

462. Пристыженный, замолчавъ, я внималъ ей нѣкоторое время,
Я былъ (неумолимъ и) холоденъ какъ сталь, хотя огонь
страсти сжигалъ меня.

463. Я,безразсудный,стремился къ недостижимому,
Желалъ многаго и остался ни при чемъ.

464. Я сказалъ ей: „О, ты, разстроившая мои замыслы,
„Лишившая меня всякаго самообладанія!

465. „Сотни тысячъ людей погибли въ тоскѣ, подобной моей,
„Стремясь проложить себѣ путь къ сокровищницѣ.

466. „Разъ я стою уже у сокровищницы,
„Какъ я могу отнять отъ нея руку, хотя мнѣ даже и прихо-
дится страдать при этомъ?

467. „Пока я дышу, не возможно,
„Чтобы я выпустилъ изъ рукъ твои локоны!

468. „Или на этомъ ложѣ дай мнѣ силы на продолженіе жизни*),
„Или (мучь меня), какъ (мучила меня) судьба,- распни меня
на четырехъ гвоздяхъ!

469. „Или вставай подчиняйся моей волѣ**),
„Или найди себѣ другого поклонника, а меня убей!

470. „Ты-сердце мое, ты - моя душа, ты - мой разсудокъ.
„Какъ же я могу въ твоемъ присутствіи не терять самообла-
данія?

471. „Та цѣль, о, похитительница моего сердца, которую я
стремлюсь осуществить,
„Обойдется мнѣ дешево, если я даже свою жизнь отдамъ за нее.

**) Букв.:

Или подъ этотъ напѣвъ встань и танцуй,
Или выбери себѣ другой напѣвъ, а мою кровь пролей!

472. „Развѣ найдется такой человѣкъ, который бы не купилъ
такъ дешево этого сокровища?
„Который не пожертвовалъ бы жизнью за такое наслажденie?

473. „Губы у тебя - медъ, щеки у тебя - розы.
„Не можетъ быть медъ безъ мухи, такъ же какъ роза - безъ
шиповъ.

474. „Тотъ, кто не наслаждается розой, не можетъ вкусить ея
сока;
„А кто не вкуситъ сока розы, тотъ не можетъ наслаждаться
ею самой.

475. „Эту ночь я буду пылать какъ свѣча, -
„Потому что я весь, какъ свѣтильникъ, горю въ огнѣ, въ
тоскѣ по тебѣ.

476. „Твой огонь воспламеняетъ меня, какъ свѣчу;
„Я живу этимъ огнемъ, хотя скорбь убиваетъ меня.

477. „Если солнце перестанетъ согрѣвать (мiръ),
„То отъ краткости дня унынie наступитъ на землѣ.

478. „Это я не свою страсть хочу удовлетворить на тебѣ.
„Нѣтъ, это свою мечту я разсказываю тебѣ.

479. „Безъ сомнѣнiя разсудокъ мой спитъ теперь,
„А спать и умереть одно и то же.

480. „Если бы мои глаза не увидали твоего лица,
„Гдѣ бы они могли увидѣть такiе сны?

481. „Если ты рѣшила пролить мою кровь,
„То пролей ее! гнѣвайся, мой кумиръ!" -

482. Затѣмъ, побуждаемый кипѣнiемъ крови и огнемъ въ мозгу,
Я набросился на этотъ прекрасный, нераспустившiйся цвѣтокъ;

483. Снова обхватилъ ее руками.
У нея глаза томные, а у меня голова въ чаду.

484. Я схватилъ рукой входъ въ сокровищницу,
Чтобы окрасить бѣлый яхонтъ цвѣтомъ сердолика.

485. Она не ожидала такого проявленія страсти;
Горячо умоляла меня, но это не помогало.

486. Она терпѣливо просила отсрочки
Этой чаши, но я не слушался.

487. Она клялась: „Это дарохранительница твоя!
Сегодня понадѣйся (потерпи), а завтра удовлетворишь страсть.

488. „Сдѣлай одолженіе,- исполни мою просьбу,*).
Ты протерпѣлъ цѣлую эту ночь до конца, протерпи еще денекъ.

489. „Сегодня удовлетворись надеждой на кладъ,
А завтра овладѣешь самой сокровищницей.

490. „Потерпи,- сегодня не время;
Наконецъ: вѣдь одну ночь только (терпѣть), а не цѣлый годъ!" —

491. Она все говорила, а я, какъ острый кинжалъ,
Впился въ ея талью.

492. Мольбами о своемъ спасеніи
Она только неудержимо разжигала мою страсть.

493. Дошло дѣло до того, что я ловко
Ослабилъ завязанный узелъ (подпоясника).

494. Когда она увидала съ моей стороны такую дерзость,
Нетерпѣливость и торопливость,

495. Она сказала: „Закрой на секунду глаза,
Чтобы я открыла тебѣ путь къ сокровищницѣ.

496. „Когда я открою то, о чемъ ты мечтаешь,
Обними меня и раскрой глаза".

497. Я, увлеченный заманчивостью ея предложенія,
Закрылъ глаза, пересталъ смотрѣть на сокровищницу ея.

---

*) Букв. Удовлетвореніемъ моей просьбы освѣти міръ.

498. Когда я далъ ей на одинъ мигъ отсрочку,
Она сказала мнѣ: „открой глаза". Я открылъ:

499. Я приготовился, надѣясь наброситься
И заключить въ объятія невѣсту.

500. Но когда я взглянулъ туда, гдѣ должна была быть невѣста моя,-
(Тамъ ничего не оказалось), а я увидѣлъ, что я помѣщаюсь въ вышеупомянутой корзинѣ.

***

501. Никого не было возлѣ меня: ни мужчины, ни женщины.
Раздавались только мои глубокіе вздохи, да дулъ холодный вѣтеръ.

502. Я былъ одинокъ (далекъ отъ нея), какъ тѣнь далека отъ источника свѣта.
Не было больше моей красавицы, которая прельщала бы меня.

503. Вчера вечеромъ Венера и Юпитеръ,
Оба, а также красавица-луна были подвластны мнѣ.

504. Я (только то и дѣлалъ), что раскрывалъ замокъ у дверей,
Да сосалъ сладкій сокъ розы.

505. Тогда у меня въ рукахъ былъ кладъ,
А теперь змѣя подколодная грызетъ мои суставы.

506. А большая разница-кладъ и змѣя подколодная!
Когда я смотрю на настоящее, какъ бы что-то вонзается въ меня.....*)

507. Среди такихъ сомнѣній я вдругъ почувствовалъ,
Что подъ столбомъ тишина нарушилась какимъ-то движеніемъ.

508. Это пришелъ вышеупомянутый другъ изъ своего высокаго дворца
И отвязалъ веревку, на которой была привязана моя корзина.

---

*) Можно такъ перевести:
Когда я вникаю въ сущность, я вижу, что все это обманъ.

509. Судьбѣ надоѣли мои злоключенія
И корзина моя спустилась съ вершины столба внизъ.

510. Тотъ, который раньше оставилъ меня одного и убѣжалъ,
Теперь обнялъ меня и просилъ прощенія.

511. Онъ сказалъ мнѣ: „если бы я даже сто лѣтъ толковалъ
бы тебѣ о томъ, что ты видѣлъ,
Ты все же не повѣрилъ бы про его существованіе.

512. Ты лично нашелъ и увидѣлъ то, что было сокрыто....
Кому можно разсказать такое происшествіе?

513. Насъ всѣхъ настолько измучили ея чары,
Что подъ давленіемъ ихъ мы одѣлись во все черное!"

514. Я сказалъ ему: „О, мой собратъ по страданіямъ!
Я тоже одобряю твой взглядъ (на это).

515. „Я тоже, безропотно, перенесши такія страданія,
Не могу не одѣться во все черное!"

516. „Пойди, принеси мнѣ черное шелковое облаченіе."
(Мясникъ) пошелъ и принесъ мнѣ его въ ту же темную ночь.

517. Я набросилъ на себя черный шелкъ
И въ тотъ же вечеръ отправился въ путь (домой).

518. Печальный прибылъ въ свой городъ я,
Облаченный во все черное.

519. И теперь я, владыка черноризцевъ,
Проливаю слезы въ тоскѣ по ней, какъ туча (проливаетъ
дождь).

520. Не удовлетворивъ своей страсти, я разлучился
Съ такой красавицей, будучи такъ близокъ къ осуществле-
нію цѣли!

---

521. —„Такъ какъ мой владыка"(продолжала царевна Бѣhраму-гуру),
„ничего не утаивши
Разсказалъ мнѣ всю эту исторію,

522. „То я, будучи пріобрѣтена за его деньги,
Избрала себѣ участь, равную его.

523. „И, какъ Александръ въ поискахъ за водою жизни,
Погрузилась въ могильный мракъ.

524. „Луна блеститъ въ ночной темнотѣ,
А поэтому и опахало надъ шахомъ черного цвѣта.

525. „Нѣтъ другого цвѣта лучше черного,-
Голова рыбы и чешуя не могутъ быть одного качества.

526. „Черный цвѣтъ волосъ бываетъ въ молодости,
А при черныхъ волосахъ и лицо-свѣжее.

527. „При помощи черного зрачка глаза́ видятъ вселенную;
Къ черному цвѣту не прилипаетъ грязь.

528. „Если бы ореолъ ночи не былъ бы черенъ,
То на что нужны были бы солнце и луна?

529. „Семь цвѣтовъ существуетъ подъ семью небесными высями,
Но лучше всѣхъ черный цвѣтъ!

---

530. Когда индійская царевна окончила
Разсказывать шаху эту повѣсть,

531. Онъ похвалилъ сообщенное,
Затѣмъ обнялъ ее и заснулъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ИСКЕНДЕРЪ-НАМЕ" НИЗАМІЯ.

1) ПРИБЫТІЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО ВЪ СТЕПЬ КЕФЧАКА*).

Переводъ Н.Делибюрадеръ**).

Я вижу въ этомъ мірѣ двухъ бабочекъ: одна изъ нихъ отличается бѣлизною, другая примѣчательна по черному цвѣту своихъ крыльевъ. Обѣ онѣ кружатся вокругъ только моей лампады; моимъ только велѣніямъ онѣ повинуются. Освѣти же обитель сію, Низами! Озари ее свѣточемъ, пламя коего могло бы сжечь сихъ двухъ бабочекъ!

Существо, разстилающее предъ очами нашими зеленѣющійся коверъ этого луга, зажигаетъ лампаду нашихъ повѣствованій свѣтильникомъ бытописанія вѣковъ минувшихъ; оно открываетъ намъ, что съ той минуты какъ Александръ, сынъ Филипповъ, получилъ непріятную вѣсть о вторженіи Русскихъ, во всю ночь не могъ онъ предаться сну, непрестанно обдумывая средства къ отмщенію и занимаясь сокровенными помыслами всякаго рода, представлявшимися его разуму. „Какимъ образомъ, говорилъ онъ себѣ, долженъ я поступить въ этомъ случаѣ? Какъ выполню обязанность, такъ недавно еще мною принятую?"

На утро, едва свѣтило дня, подобное гордому рыжему коню, блескомъ цвѣта своего не уступающему лучшему рубину, отстегнуло подпругу, стягивавшую бедра коня ночи, чернаго, подобно Шебдизу***), Александръ сѣлъ на благороднаго жеребца своего изъ Хатля****), который помчался съ быстротою молніи.

---

*) Подъ Кефчакомъ во времена Низамія понимались половцы.

**) Напечатано было въ „Телескопѣ" 1831, №.24 (декабрь), стр. 521-542.

***) Имя вороного коня царя Хосрова.

****) Хатль - названіе земли, лежащей въ области Хотанъ.

Онъ направилъ бѣгъ его черезъ струи неукротимаго Окса, и устремился къ равнинамъ Харезма, ведя за собою воинство, подобное волнамъ разъяреннаго моря, и разсчитывая по пальцамъ всѣ мѣста, которыя должно будетъ ему проѣхать въ пустынѣ. Онъ прошелъ степи Харезма, переправился чрезъ Джигунъ, и достигнулъ Вавилона, одушевляемый желаніемъ очистить міръ отъ Русскаго рода; съ этой минуты не зналъ онъ успокоенія, ни въ нѣдрахъ волнъ, ни на поверхности земли. Во время похода сего изгналъ онъ сонъ отъ рѣсницъ своихъ, и перешелъ степь Кефчакскую, которая вся была покрыта поколѣніемъ того же имени, и юными красавицами, бѣлизною ногъ своихъ не уступающими Аселаѣ.

Ихъ лица были розовыя, подобно яркому пламени; а ланиты - вода прозрачная: онѣ сіяли несравненно болѣе, чѣмъ свѣтило дня и ночи; то были красавицы обворожительныя, имѣющія очи съуженныя, такъ что и самые духи небесные, увидя ихъ, не въ силахъ были бы противиться обольщеніямъ любви. Никакое покрывало не завѣшивало ихъ лица; онѣ не боялись ни взора братьевъ своихъ, ни супруговъ.

При видѣ сихъ красавицъ, не имѣющихъ покрывала, въ воинахъ Александровыхъ, приобыкшихъ къ безженству и увлеченныхъ порывами страсти, закипѣла кровь всѣмъ пыломъ жара юношескаго, не взирая на ужаснѣйшія усилія, кои они дѣлали, стараясь преодолѣть себя. Боясь возбудить гнѣвъ царскій, никто изъ нихъ не дерзнулъ къ нимъ устремиться; никто не осмѣлился прикоснуться къ симъ очаровательнымъ истуканамъ.

Царь, видя юныхъ дѣвъ сего края, совершенно безъ покрывала, не одобрялъ, повидимому, сего обычая; онъ смотрѣлъ на сихъ красавицъ, имѣющихъ ликъ ангела, бѣлизною равняющихся самому чистому серебру; воинство же его подобно было толпѣ людей, пожираемыхъ жаждою, между тѣмъ какъ сіи женщины казались водою свѣтлоструйнаго источника. Монархъ мысленно вообразилъ все стѣснительное положеніе, въ которомъ находились его воины, и такъ про себя подумалъ: „несомнѣнно, что человѣкъ не можетъ никогда освободиться отъ страстей и вожделѣнія; равно и женщина одарена съ своей стороны прелестями, свойственными ея полу".

Въ одинъ день внимательно занялся онъ симъ дѣломъ, и

призвалъ на совѣтъ вельможей земли Кефчака, которыхъ принялъ, какъ Монархъ, и удостоилъ своимъ благоволенiемъ. Будучи наединѣ съ старѣйшинами этого края, онъ сказалъ имъ: „Жены ваши поступили бы гораздо благоразумнѣе, если бы закрывали лице свое; женщина, являющаяся безъ покрывалъ предъ чужеземцемъ, не только не уважаетъ себя, но и покрываетъ стыдомъ своего мужа. Женщина, хотя бы она была каменная, или желѣзная, должна поступать, какъ женщина, если уже носитъ это имя".

Сiи защитники степи, упорствуя въ своемъ заблужденiи, внимательно выслушали слова Царскiя; но отреклись исполнить его велѣнiя, ибо сей обычай до нихъ еще былъ введенъ въ ихъ землѣ.

„Мы всѣ рабы твои", сказали они съ покорностiю, „и готовы совершить все, что тебѣ, Государь, угодно будетъ возложить на насъ; не наше только дѣло завѣшивать покрываломъ лица женъ нашихъ; такой поступокъ совершенно былъ бы противенъ обычаю жителей Кефчака. Если женщины твоего края имѣютъ обыкновенiе закрывать лице свое, то наши, сообразно съ нашими нравами, должны закрывать только очи. Если благоразумiе требуетъ не обращать взоровъ на чужеземца, то виновны въ этомъ одни глаза, а не лице. Впрочемъ, да не оскорбится Государь, если мы у него спросимъ: почему взгляды его преимущественно должны быть устремлены на спину (а не на лице) ему подобнаго. Достаточно будетъ и того, если мы запретимъ нашимъ юнымъ дѣвамъ входить въ горницы, опредѣленныя мужчинамъ. Не оскорбляй же ихъ лица, принуждая ихъ завѣшиваться покрываломъ; лучше самъ удостой накинуть завѣсу на твои свѣтлыя очи; тотъ человѣкъ, у кого они закрыты, не въ состоянiи созерцать ни солнца, ни мѣсяца. Если Властелинъ мiра повелитъ намъ что-либо приличное, каждый изъ насъ готовъ для него жертвовать жизнiю; да, мы безпрекословно выполнимъ всѣ приказанiя нашего Государя, но никогда не оставимъ своихъ древнихъ обычаевъ."

Когда Царь выслушалъ отвѣтъ ихъ, то языкъ его не могъ произнесть никакого приговора; онъ узналъ, какъ несомнѣнную истину, что его совѣты совершенно не имѣли вѣса въ глазахъ этого упрямаго народа.

И все происшедшее онъ разсказалъ одному мудрецу, изъ своихъ приближенныхъ, съ которымъ совѣтовался о средствахъ,

какъ пособить этому и къ чему онъ долженъ прибѣгнуть въ семъ случаѣ.- „Очень жаль", - сказалъ онъ,- „что сіи красавицы,коихъ волосы падаютъ длинными локонами, на подобіе цѣпей, не заботятся закрывать лица своего; чужеземецъ, взирающій на ихъ очи, теряется подобно мотыльку при видѣ свѣтильника. Чѣмъ можемъ убѣдить ихъ? Какимъ образомъ принудить ихъ закрывать сіи обольстительныя черты отъ взоровъ чужеземца?"

Мудрецъ, отличавшійся своею прозорливостію, отвѣчалъ ему: „Съ признательностію принимаю повелѣнія моего Государя; я воздвигну посреди пустыни талисманъ, который будетъ предметомъ всѣхъ разговоровъ; каждая женщина, взглянувшая на него хотя однажды, не отойдетъ прочь, не завѣсясь своимъ покрываломъ; но я примусь за это съ условіемъ, чтобы Ваше Величество перенесло туда свой станъ, и чтобы мнѣ доставлено было все, чего я ни потребую."

Царь, то силою, то золотомъ постепенно удовлетворилъ всѣмъ, какъ дѣльнымъ, такъ и пустымъ требованіямъ мудреца; а сей благоразумный совѣтникъ, видѣвшій свѣтъ, и путеводимый своею счастливою звѣздою, сталъ выискивать средства, какъ бы привести къ окончанію дѣло, за которое онъ взялся.

Онъ изсѣкъ въ черномъ утесѣ, на самомъ пути поколѣній сей степи, юную дѣву, красоты удивительной, для которой сія равнина служила брачною комнатою: она была завѣшена покрываломъ изъ бѣлаго мрамора, подобно листку лилеи на вѣтви ивы, благоухающей: мускусомъ. Каждая женщина, созерцавшая сіе скромное изображеніе, смущалась стыдомъ при семъ зрѣлищѣ; не медля накидывала на себя покровъ, и скрывала свои ланиты отъ взоровъ любопытныхъ.

Съ того дня, какъ сей искусный художникъ изсѣкъ въ утесѣ это изображеніе, жители Кефчака стали употреблять покрывала.

Однажды Монархъ спросилъ искусника: „Отъ чего эта статуя произвела столь сильное дѣйствіе на окаменѣлое сердце сихъ народовъ? Они не хотѣли выполнить моихъ повелѣній,между тѣмъ какъ нынѣ, только взглянувъ на этотъ камень, въ ту же минуту дѣлаются разсудительными".

Мудрецъ, надъ судьбами коего непрестанно бодрствовало счастіе, отвѣчалъ:

„Женщины Кефчакскія имѣютъ сердце столь же нечувствительное, какъ утесъ, хотя ихъ тѣло равняется серебру бѣлизною: отъ того онѣ и чувствуютъ наклонность къ тѣмъ, у кого сердце, какъ у нихъ, каменное. Когда онѣ проѣзжаютъ верхомъ близъ этой статуи, твердое сердце ихъ мгновенно умягчается, и каждая изъ нихъ говоритъ самой себѣ: „если изображеніе, изсѣченное въ утесѣ, можетъ чувствовать стыдливость, не взирая на свою твердость, и закрываетъ лице свое, то и намъ также прилично скрывать наши лица отъ обидныхъ взглядовъ чужеземца, и отъ стыда, который должны мы имѣть при видѣ нашихъ супруговъ".- Эта статуя, продолжалъ мудрецъ, имѣетъ также небесное вліяніе, которое не могу открыть тебѣ; ибо таинство сіе непроницаемо."

Чрезъ посредство этого великаго талисмана, покрывало завѣшиваетъ нынѣ черты обитательницъ сего края. Сей талисманъ, воздвигнутый въ пустынѣ, остался неприкосновеннымъ и до нашего времени. Частая дуброва, дерево коей способно къ дѣланію стрѣлъ, а листья столь же густы, какъ трава, растущая по берегамъ пруда, со всѣхъ сторонъ его окружаетъ. Въ окрестностяхъ онаго можно видѣть орловъ въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ перья въ стрѣлахъ, коими ихъ поражаютъ. Всѣ поколѣнія Кефчака, приходящія въ сіе мѣсто, поклоняются сей волшебной статуѣ. Каждый путешественникъ, пѣшій ли онъ, или конный, воздаетъ ей почести наравнѣ съ идолопоклонникомъ. Всякій всадникъ, направляющій коня въ сію сторону, вынимаетъ изъ своего колчана стрѣлу и вкладываетъ ее въ колчанъ статуи. Пастухъ, гонящій туда свое стадо, приноситъ ей въ жертву ягненка; и въ то же мгновеніе туча орловъ, устремляясь съ высоты небесной, пожираетъ жертвоприношеніе, не оставляя даже малѣйшаго клочка мягкой волны. Никто не дерзаетъ блуждать вокругъ сего камня, боясь острыхъ когтей сихъ птицъ. Можно ль не дивиться сему въ утесѣ искуснымъ художникомъ изсѣченному идолу, видя какъ чрезъ него разрѣшился вопросъ и образовался совершенно новый?!

Чашникъ, поднеси мнѣ сію сладостную влагу, какъ дѣву подъ покровомъ сосуда заключенную, если только она жаждетъ поцѣлуевъ супруга. Это чистое вино омоетъ руки мои отъ всякаго земного оскверненія: можно ли неомовенныя подать дѣвѣ невинной?

ДЕЛИБЮРАДЕРЪ.

Въ предыдущемъ изданіи (1906) здѣсь слѣдовала большая перепечатка:

г) ОПИСАНІЕ РУСОВЪ И ИХЪ НРАВОВЪ.

(Изъ брошюры М.Тебенькова: „Древнѣйшія сношенія Руси съ прикаспійскими странами и поэма „Искандеръ-наме" Низами, какъ источникъ для характеристики этихъ отношеній". Тифлисъ 1896,- вѣроятно, оттискъ изъ газеты „Кавказъ"; стр.44-47, 50-52, 55, 56-59, 69-70, 73-75, 77-78).

Въ нынѣшнемъ изданіи (1912) мы изъ брошюры М.Тебенькова приведемъ извлеченій вдвое меньше.

.....Затѣмъ перейдемъ, пользуясь французскимъ переводомъ оріенталиста Шармуа, къ разсмотрѣнію содержанія поэмы „Искандеръ-Наме".

Русы нападаютъ на Абхазію. Царь абхазовъ Дували жалуется Александру Великому въ слѣдующихъ выраженіяхъ на Русовъ (разграбившихъ между прочимъ цвѣтущій прикаспійскій городъ Берзаа*):

„Соблаговоли, великій царь, отомстить за меня несправедливымъ русамъ, которые похитили нашихъ юныхъ красавицъ съ супружескихъ ложъ Абхазіи. Они явились и опустошили эту прекрасную страну до такой степени, что изъ всѣхъ благъ, которыми мы обладали, они не оставили намъ даже зубочистки. Русъ, жадный къ битвамъ, явился къ намъ ночью изъ страны алановъ (осетиновъ) и герковъ и ударилъ на насъ, какъ градъ. Не смог-

---

*) Событіе это, конечно, грубый анахронизмъ. Набѣгъ Русовъ по Каспійскому морю на г. Берзаа (лежавшій на Курѣ) относится къ X вѣку, именно къ 944 году. Но тогда Берзаа не относилась къ Абхазскому царству, которое только въ XI вѣкѣ стало простираться до Каспійскаго моря подъ правленіемъ Абхазско-Грузинской династіи.

ши пробить себѣ путь черезъ Дербендъ и его окрестности, онъ пустился въ море на палубахъ своихъ судовъ, совершилъ вторженіе, результаты котораго не поддаются вычисленію, и пробудилъ въ этой странѣ ненависть, которая издревле раздѣляла наши двѣ народности, предавши опустошенію эту прекрасную страну. Ахъ, если бы доступъ разрушительной ступни этой народности могъ бы навсегда сдѣлаться запретнымъ! Кромѣ убитыхъ, число коихъ неисчислимо, онъ произвелъ большія опустошенія и вынесъ богатую добычу. Онъ не оставилъ ничего, что было собрано въ Абхазіи; ни одинъ драгоцѣнный предметъ не остался въ сокровищницѣ; онъ окончательно отнялъ у насъ всѣ наши богатства, похитивъ жемчуга изъ ихъ футляровъ и шелковыя матеріи, покрывавшія тронъ. Этотъ народъ опустошилъ всю территорію Бердаа, разграбилъ городъ, наполненный сокровищами, похитилъ Наушабе (царицу Бердаа) и разбилъ хрупкій сосудъ о камень. Изъ всѣхъ привлекательныхъ по красотѣ предметовъ, которыми ты любовался въ нашей родинѣ, онъ не оставилъ ни одного на мѣстѣ его рожденія. Онъ разорилъ всѣ наши города и провинціи и предалъ огню селенія съ ихъ обитателями. Ахъ, если бъ я находился въ то время въ этомъ государствѣ, я бы не оплакивалъ теперь подобныхъ утратъ! Въ то время, когда я имѣю честь быть привязаннымъ къ тебѣ службою, наши жены и наши дѣти стонутъ въ оковахъ и въ темницахъ.

„Если нашъ державный повелитель отомститъ за насъ нашимъ врагамъ, пусть божество ему въ томъ поможетъ своимъ содѣйствіемъ; если же нѣтъ, то ты увидишь черезъ малое число лѣтъ - русы внесутъ опустошеніе и въ Грецію, и въ Арменію. Достигнувъ такимъ образомъ возможности похищать богатыя сокровища, они выкажутъ при нападеніи на другихъ такую же стремительность, каковую выказали, нападая на насъ.

„Это ничто иное, какъ разбойники, подобные волкамъ и львамъ. Они никогда не предаются веселію пировъ и не умѣютъ выказывать мужество иначе, какъ въ смыслѣ пролитія крови. Они овладѣваютъ странами и покоряютъ города. Эти люди самые варварскіе и существа самыя гнусныя во всемъ свѣтѣ. Никто не подумаетъ искать человѣколюбія въ сердцѣ руса, потому что въ нихъ ничего нѣтъ человѣческаго, кромѣ наружности. Когда однажды эти разбойники находятъ дорогу къ сокровищамъ, они

производятъ самыя страшныя опустошенія въ странѣ, въ которой она находится. Они распускаютъ свои крылья, чтобы летѣть на грабежъ и отнимаютъ у купцовъ всѣ ихъ богатства. Такъ какъ уже они осмѣлились опустошать эти страны, то и Хорасанъ, и Грецiя точно также возбудятъ ихъ алчность".

Пропускаемъ, сравнительно съ предыдущимъ изданіемъ „Исторіи Персіи" (1906, стр. 227-232), ту выписку изъ М.Тебенькова, гдѣ приводится изъ Низамія описаніе войска Кинтала,вождя русовъ, равно какъ нѣкоторыхъ героевъ русскаго войска; имена ихъ - Гупелъ, Джаудере, Туртоусъ. Изъ нихъ Туртоусъ напалъ въ пылу битвы на одного изъ доблестныхъ воиновъ Александра и свалилъ его.

Проливъ всю его кровь, онъ ногами топталъ его тѣло,какъ разбиваютъ сосудъ о камень, послѣ того, какъ выпили его содержимое....

.....Александръ двинулся впередъ съ быстротою Нила и повергалъ головы враговъ къ ногамъ своего слона. Онъ напалъ на русовъ, какъ яростный драконъ, который показываетъ своей жертвѣ свою разверстую пасть. Побѣда высказалась за него, и войско Кинтала обратилось въ бѣгство. Съ перваго удара онъ повергъ ихъ въ прахъ, разрубая ихъ на части. Этотъ властитель, ужасный,какъ слонъ, обернулъ голову Кинтала петлей своего аркана и взялъ его въ плѣнъ. Врагъ бѣжалъ, и вселенная признала за Александромъ власть надъ цѣлымъ свѣтомъ......

Десять тысячъ какъ буртасовъ, такъ и русовъ, искусныхъ въ обращеніи съ оружіемъ, были захвачены въ плѣнъ. Другіе погибли отъ желѣза и вражьихъ стрѣлъ. Малому числу изъ нихъ безъ оружія и безъ припасовъ удалось убѣжать на родину.

Далѣе въ поэмѣ перечисляется добыча, захваченная войсками Александра въ лагерѣ русовъ:

Видны были также набросанныя другъ на друга одѣянія изъ

льна, цѣною каждое въ золотую монету (мискаль), которыя всѣ были тканы у русовъ: эти груды вышиною равнялись знаменитой горѣ Кафъ (Кавказу). Разостланы были также матеріи, тканыя золотомъ, еще не сшитыя, и щиты, блестящіе какъ свѣтила; покрывала изъ расшитыхъ шелками тканей въ такомъ количествѣ, что не уступали любому рынку; цѣлыя кипы бобровыхъ шкуръ; безчисленное количество черныхъ соболей; тюки горностаевъ, число каковыхъ было такъ велико, что трудно было даже его опредѣлить; шкуры бѣлокъ, отличавшіяся своимъ прекраснымъ отливомъ, и мѣха лисицъ, имѣвшіе оттѣнокъ рубина; молодые скакуны, ноги которыхъ еще не знали желѣза; рысьи шкуры цвѣта столь блестящаго, что ихъ видно было даже впотьмахъ. Кромѣ того, масса драгоцѣнностей, которыхъ разумъ не въ силахъ исчислить.

.....Александръ увидѣлъ вдругъ одинъ мѣхъ, котораго нельзя было себѣ и представить.

Онъ былъ составленъ изъ головокъ бѣлокъ, перемѣшанныхъ съ мордами соболей, и былъ настолько ветхъ, что потерялъ всѣ шерстинки, которыя его покрывали, а между тѣмъ онъ былъ вывѣшенъ на самомъ видномъ мѣстѣ.

Властитель, разсматривая различные мѣха, не могъ отдать себѣ отчета въ значеніи этого послѣдняго. Онъ спросилъ: для какого рода украшенія могутъ служить эти ветхія шкуры? и одинъ русъ почтительно отвѣтилъ ему:

„Этотъ мѣхъ служитъ намъ средствомъ для пріобрѣтенія всевозможныхъ драгоцѣнныхъ предметовъ, и потому не взирай на него съ пренебреженіемъ, несмотря на то, что онъ вылинялъ, такъ какъ онъ-то въ дѣйствительности и есть мозгъ костей нашихъ странъ. На мой взглядъ эта шкура, которая кажется тебѣ такой противной, драгоцѣннѣе всѣхъ мѣховъ самыхъ нѣжныхъ. Можно при помощи этой кожи, совершенно лишенной волосъ, пріобрѣсть всевозможные мѣха, которые только находятся у насъ на родинѣ. Если количество серебра, изъ котораго состоитъ всякая монета, подвержено во всѣхъ странахъ колебаніямъ, подобнымъ колебаніямъ фортуны, то мы съ нашей стороны не имѣемъ никакихъ иныхъ денегъ, какъ эти шкуры, которыя не теряютъ ни волоска своей стоимости".

Властитель былъ проникнутъ уваженіемъ къ идеѣ боязни и подчиненія этого народа, который былъ рабомъ повелѣній своихъ князей. Онъ сказалъ мудрецу, его сопровождавшему:

„Во власти исполнительной заключается сила монарховъ. Восхищайся уваженіемъ, которое могла внушить эта власть, такъ какъ она достигла того, что заставляетъ предпочитать подобную шкуру самому золоту. Вотъ что я видѣлъ самаго мудраго въ этихъ странахъ, и этотъ обычай заслуживаетъ мое одобреніе. Если бъ этотъ народъ не былъ одаренъ такимъ характеромъ, ни одинъ бы изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, не согласился бы носить поясъ повиновенія, подчиняя себя повелѣніямъ другого. Никто изъ нихъ не получилъ отъ неба добродѣтелей дѣйствительно царскихъ; властители ихъ царствуютъ, слѣдовательно, только вслѣдствіе этого отличительнаго свойства своихъ подданныхъ".

Въ заключеніе поэтъ описываетъ въ самыхъ яркихъ краскахъ черты державнаго великодушія, присущія славному герою Искандеру. Онъ велитъ снять оковы съ захваченныхъ имъ въ плѣнъ русскихъ военачальниковъ, облекаетъ ихъ въ богатыя одежды и ласковымъ обращеніемъ склоняетъ къ себѣ ихъ сердца. Освобожденную имъ царицу Нушабе онъ выдаетъ замужъ за Дували и, осыпавъ молодыхъ драгоцѣнными подарками, отпускаетъ ихъ на родину въ славный городъ Бердаа.

Этими событіями и заканчивается тотъ эпизодъ поэмы, въ которомъ упоминается о русахъ.

Слѣдующій извѣстный намъ военный походъ русовъ на Каспій состоялся во второй половинѣ 12-го вѣка. Ни одинъ изъ историческихъ источниковъ объ этомъ походѣ не упоминаетъ, и

вообще мы имѣемъ о немъ свѣдѣнія крайне туманныя и неопредѣленныя, но, тѣмъ не менѣе, для характеристики свѣдѣній, сообщаемыхъ Низами, на этотъ походъ слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ, быть можетъ, изъ этого-то современнаго ему событія поэтъ и черпалъ матеріалъ для своихъ характерныхъ описаній, пріурочивая лишь ихъ къ памятному для народа событію, случившемуся за два слишкомъ вѣка ранѣе.

Всѣ наши свѣдѣнія о походѣ ограничиваются лишь нѣсколькими строками изъ хвалебной пѣсни современника Низами, также персидскаго поэта Афзаль-эддина Х а к а н и, который, воспѣвая доблесть и славу правителя Ширвана - Ахситана, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Владыка (Ахситанъ), съ усердіемъ Гуда и краснорѣчіемъ Ноя! ты, какъ буря, посѣтилъ хазаръ и, какъ потокъ, (нахлынулъ на) аланъ..... Ты сдѣлалъ изъ Дербента адъ и заставилъ возгласы раздаваться до Шабрана*).... Ты сдѣлалъ Хизванъ (т.е. Ширванъ) похожимъ на Багдадъ и Каиръ. Въ то же время онъ - халифъ Багдада и Каира, и вслѣдствіе щедрости его руки Ефратъ протекаетъ черезъ Саадунъ, а Нилъ - черезъ Гердаманъ.

„Ты видѣлъ, какъ воины его произвели ночное нападеніе на дивовъ-русскихъ, когда изъ засады гнѣва своего онъ спустилъ льва Систанскаго (т.е. Рустема)....

Всѣ эти ястребиныя сердца шли ночью какъ журавли и какъ птицы Ката изгнали Симурговъ изъ ихъ гнѣздъ. Они преслѣдовали ихъ до конца ночи.... Утромъ ты вынулъ изъ ноженъ мечъ свой, и ты обратилъ его противъ невѣрныхъ, пока мечъ покрылъ ихъ всѣхъ пылью

---

*) Шабранъ, нѣкогда знаменитая крѣпость, а нынѣ груда развалинъ въ Кубинскомъ уѣздѣ.

безчестія.... Твой конь ринулся, какъ осенній вѣтеръ. Каждый изъ твоихъ воиновъ въ своей крѣпости изъ бронзовой кольчуги былъ какъ Исфендіаръ: они произвели на морѣ опустошенія....

„Левъ обнажилъ свой мечъ, какъ солнце въ созвѣздіи Льва, но вздохи, которые испустили враги, превратили сердце лѣта въ первый мѣсяцъ осени. Сердце невѣрныхъ какъ градомъ было побито оспинами величиною въ виноградное зерно, и йеменская сабля цвѣта зеленаго винограда обратила кровь ихъ въ вино. Сабля голубого цвѣта разостлала по морю слой марены до острова Руинаса и до Лемберана. На островѣ она изъ крови русскихъ сдѣлала море, и волна этого моря походила на высокую гору; она разметала корабли, и можно было сказать, что тамъ посѣяны яхонты; пожинались головы, и тѣла кричали: аманъ! Одна половина была умерщвлена, другая половина, разбитая, убѣжала, и смерть изгнала жаръ ихъ изъ немощныхъ душъ.....

„Знамена шаха со словами „Инна̂ фатаḥна̂" распространили въ мірѣ новость, породившую радость. Онъ накидалъ столько же пыли на голову русскихъ, сколько Алпъ-Арсланъ накидалъ ее на головы жителей Рума (грековъ). День или два эти сердца собачьи (т.е. свирѣпыя) успѣли произвести въ Ширванѣ безпорядки, подобные тѣмъ, которые Арджекгъ произвелъ въ Мазандаранѣ, но ужасъ, распространяемый теперь шахомъ въ Дербендѣ и въ Россіи, произвелъ тамъ смущеніе, подобное тому, которое эти собачьи сердца навели на Ширванъ".

فريد الدين عطّار

ж) ФЕРЙДЕДДЙНЪ ʻАТТÂРЪ (1119-1230).

Ф е р й д - э д - д й н ъ ʻА т т â р ъ Н й ш â п ŷ р с к і й (1119-1230, Мохаммедъ ибнъ-Ибрâһймъ)*), великій поэтъ суфіевъ, ихъ наставникъ - шейхъ и житіеписатель, прозванный ими تازيانهٔ اهل سلوك = „арапникъ для людей мистическаго пути", - родился во владѣніяхъ восточно-сельджукскаго султана Синджара подъ Нишапуромъ въ первую четверть сельджукскихъ и вообще тюркскихъ междоусобій (въ томъ числѣ — нашествія свирѣпыхъ гузовъ) и былъ болѣе ста лѣтъ свидѣтелемъ междоусобныхъ бѣдствій, которыя онъ могъ наблюдать и тогда, когда велъ подъ Нишапуромъ богатую парфюмерную торговлю, и тогда, когда въ рубищѣ дервйша много поскитался по бѣлу свѣту. А погибъ шейхъ тогда, когда тюркскія усобицы были прекращены ударомъ еще болѣе грознаго бича Азіи - монголовъ; при взятіи Нишапура одинъ монголъ убилъ старца. Впрочемъ, „весь погруженный въ океанъ познанія Божія", какъ выражается Довлетъ-шâһъ, ʻАттâръ подъ конецъ жизни ужъ и не могъ чувствовать бѣдствій міра, потому что дошелъ до той степени мистическаго единенія съ Богомъ, которую называютъ فنا („уничтоженіе", „исчезновеніе", то же, что нйрвâна), и жилъ въ полномъ отшельничествѣ.

Чрезвычайно характерная разсказывается самая исторія

---

*) Годъ рожденія 1119 возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Не преувеличиваютъ ли біографы? Не позже ли ʻАттâръ родился?

его обращенія въ суфизмъ; похожа она на обращеніе Сенâîя.

Эта исторія, въ высшей степени образно и драматически, изложена въ „Біографіяхъ поэтовъ" Д о в л е т ъ - ш а х а (ум.1495)*) въ главѣ объ Аттарѣ; и еще прежде чѣмъ былъ изданъ весь трудъ Довлетъ-шаха, біографія ʿАттâра съ этой исторіей его обращенія была отдѣльно извлечена и отпечатана европейцами: Сильвестромъ де-Саси въ его предисловіи къ изданію „Le livre des conseils" ʿАттâра (Пар. 1819) и А.Болдиревымъ въ I части „Персидской христоматіи" (Москва 1833, стр.197-208).

И въ основѣ всѣхъ европейскихъ біографій ʿАттâра лежитъ та же статья Довлетъ-шаха; срв. по-нѣмецки у Х а м м е р а въ „Geschichte der schönen Redekünste Persiens" (Вѣна 1818),по-французски у С и л ь в. д е - С а с и въ упомянутомъ предисловіи къ „Le livre des conseils" (Пар.1819); по-англійски у Ouseley: „Biographical notices of persian poets" (Лонд.1846). Изъ вторыхъ рукъ, черезъ „Redekünste" Хаммера 1818, черпаетъ Довлетъ-шаха С. Н а з а р ь я н ц ъ въ „Фердауси", ч.II (М.1851), стр. 68, причемъ безсознательно повторяетъ (въ 1851-мъ году-то!) дикую ошибку Хаммера, будто ʿАттâръ родился въ 1216 г., а погибъ въ 1318-мъ (!!),- на столѣтіе позже дѣйствительности. На Довлетъ-шахѣ же основывается и И т. П и ц ц и: „Storia della poesia persiana", т.I (Торино 1894, стр.219-226), да отчасти и Г. Э т é въ „Grundriss der iranischen Philologie", т.II (1896, Страссб.), стр. 284-287, поскольку Этé вообще считаетъ нужнымъ коснуться біографіи ʿАттâра (онъ вѣдь больше говоритъ о сочиненіяхъ ʿАттâра, а не о его жизни). Э д в. Б р а у н ъ во II томѣ своей „A literary history of Persia" (Лонд. 1906, стр. 505-515), затрагивая біографію ʿАттâра, желалъ бы не слишкомъ

---

*) Лучшее, критическое изданіе Довлетъ-шаха далъ Эдв.Браунъ (Лейд. 1901).

довѣряться такому позднему источнику, какъ Довлетъ-шахъ XV в., и старается использовать тѣ автобіографическія данныя, какія изъ собственныхъ произведеній Аттара извлекъ мирза-Мохаммедъ въ предисловіи къ лейденскому изданію Аттаровыхъ „Житій святыхъ" (1905). Но вѣдь тѣхъ данныхъ - недостаточно, и самъ Браунъ поневолѣ не обходится безъ Довлетъ-шаха.

Впрочемъ, Довлетшахова разсказа объ обращеніи Аттара въ суфійство Браунъ не приводитъ. Я не считаю нужнымъ подражать его примѣру — и, безъ особыхъ мудрствованій и оспариваній, предлагаю этотъ характерный разсказъ такъ, какъ мы его находимъ у Довлетъ-шаха.

Въ молодости нельзя было отъ 'Аттâра, какъ и отъ Сенâîя, ждать будущаго подвижничества. Двадцать девять лѣтъ жилъ онъ въ одномъ пригородѣ или деревнѣ (قريه) подъ Нишабуромъ, зажиточной жизнью съ отцомъ, потомъ переѣхалъ въ другой пригородъ Шâдіяхъ,- городокъ (شاذ) теперь не существующій*), гдѣ его отецъ открылъ богатую лавку аптекарско-москотильныхъ снадобій и парфюмерныхъ товаровъ. Сынъ Ферûдеддûнъ тоже подучивался искусству врачеванія**), а по

---

*) Но во времена халифата Шâдиâхъ-Нûшâпурскій былъ городокъ довольно извѣстный, напр. въ исторіи династіи Тâhиридовъ при халифѣ аль-Ма'мÿнѣ (813-833). См. у ибнъ-Халликâна (ум.1282) въ біографическомъ словарѣ, егип.изд. 1310 = 1893, т.I, стр. 350 : 6-8 = англ.перев. Слэна II, 295, въ біографіи поэта 'Аліи ибнъ-Джаhма. См. также (на основаніи Якÿбія X в.) у В.Бартольда: „Историко-географическій обзоръ Ирана" (Спб. 1903), стр. 67.

**) У Довлетъ-шаха этой подробности нѣтъ, но она видна изъ

смерти отца унаслѣдовалъ его магазинъ и самъ сдѣлался „ʻаттâромъ" (москотильщикомъ-аптекаремъ*). Магазинъ ʻАттâра былъ красиво убранъ, передъ нимъ любила останавливаться публика и съ удовольствіемъ любовалась душистыми предметами роскоши и втягивала въ себя ароматы.

Какъ-то однажды ʻАттâръ, полный хозяйскаго величія, сидѣлъ у своего магазина, а возлѣ него стояли на вытяжку его приказчики въ ожиданіи его приказаній. Вдругъ подошелъ юродивый дервишъ, остановился у дверей и зорко-зорко (تیزتیز) поглядѣлъ на роскошный магазинъ; - тутъ на его глаза набѣжали слезы, и онъ вздохнулъ.— „Ну, чего глазѣешь!" проговорилъ Аттаръ: „убирался бы вонъ!" - „Эхъ, хозяинъ!" отвѣчалъ дервишъ, „мнѣ-то убраться легко: нести мнѣ нечего, только и

произведеній самого Аттара. Онъ, напримѣръ, вспоминаетъ, что щупалъ пульсы приходящихъ. См. цитаты (собранныя мирзою-Мохаммедомъ) у Эдв. Брауна; „A literary history", т.II (1906), стр. 507-508.

*) На востокѣ лавка или даже лавченка „ʻаттâра" есть своего рода универсальный магазинъ, гдѣ можно найти все, что угодно: „духи-помаду, все, что надо", какъ у Некрасовскаго дядюшки-Якова. Духи-духами, инбирь-инбиремъ, но тутъ же вамъ и стекло въ очкахъ поправятъ, и бумагу и конверты продадутъ, и почтовой маркой снабдятъ. Характерна сирійско-арабская пословица о невозможности добиться любви насильно: „Все, что хочешь, у ʻаттâра найдешь; только снадобья для „полюби меня противъ воли" - не найдешь" (Кӳлл шî ʿанд ʻл-ʻаттâр фî, бӓсс ḥӧбб-нî ġасбан ʿаннак-мӓ фî).

есть, что рубище. Ну, а тебѣ, хозяинъ, съ твоими мѣшечками и пряностями,—каково-то тебѣ будетъ собраться, если понадобится убраться? Мнѣ съ этого базара недолго уйти, а вотъ тебѣ — какъ быть съ твоимъ дорогимъ товаромъ? Подумай-ка про сборы..... да и про себя пораздумай!" Грустно и больно стало Аттару отъ словъ юродиваго, и оказались они для него словно камфорное снадобье, охлаждающее пылъ, и опротивѣлъ ему міръ съ его наркотическимъ запахомъ поддѣльнаго мускуса. Онъ отдалъ свою торговлю на разгромъ, а самъ пошелъ въ скитъ къ одному почтенному суфійскому шейху, поступилъ къ нему на послушаніе и, вмѣстѣ съ другими его послушниками, отрекся отъ міра и занялся познаніемъ Бога.

Совершенно уйти отъ міра шейху- Аттару не пришлось, пока онъ, подъ конецъ ужъ жизни, не удалился въ полное затворничество. До того жъ времени онъ и въ своемъ городкѣ Шâдіяхѣ не могъ избѣжать общенія съ почитателями; и въ Меккѣ, гдѣ онъ, послѣ богомолья, прожилъ нѣкоторое время, и гдѣ, повидимому, ему случилось быть даже больше одного раза, онъ встрѣчался со многими людьми; и вообще онъ странствовалъ изрядно, отъ Египта до Индіи и Туркестана, и людей на своемъ вѣку перевидалъ немало, пока опять вернулся въ Шадіяхъ. Однако, въ общемъ, у шейха было чрезвычайно много досуга — и не только для того, чтобы отдаваться пантеистическому созерцанію, но и для того, чтобы проявить самую плодовитую писательскую дѣятельность: его сочиненія, въ стихахъ и прозѣ, могли бы составить цѣлую библіотеку. Пріурочиваютъ число ихъ къ числу суръ

Корана, т.е. насчитываютъ заглавій 114. Но если сочиненій и было столько (а въ этомъ усумниться очень позволительно), то многое до насъ не дошло. Во всякомъ случаѣ и то, что дошло, представляетъ почтенную цифру: Аттаровыхъ сочиненій сохранилось болѣе двадцати, чуть не три десятка, и отлитографированный въ Индіи полный сводъ: „К о л л і й й â т" (Лакно, 1872) отличается исполинскимъ размѣромъ.

Одно изъ солидныхъ Аттаровыхъ произведеній прозаическое, плодъ долголѣтняго научнаго труда. Это прозаическое сочиненіе - تَذْكِرَةُ الْأَوْلِيَاء („Ж и т і я с в я т ы х ъ")**), трудолюбиво составленное на основаніи всевозможныхъ источниковъ. „Житія святыхъ" долго служили и востоку, и оріенталистамъ за лучшее сочиненіе, по которому можно изучать исторію суфійства: въ нихъ содержатся біографіи 97 знаменитѣйшихъ шейховъ. Только въ послѣднее время оріенталисты принялись издавать самые источники Аттаровыхъ „Житій святыхъ", начиная хоть бы съ біографіи

---

*) Обзоры произведеній Ферûдеддûна ʿАттâра имѣются въ каталогахъ рукописныхъ книгохранилищъ; Rieu, Этé (India Office), Шпренгера. См. также у Этé въ „Grundriss der iranischen Philologie", т.II (Страссб. 1896), стр.284--287.

**) Арабскія заглавія для книгъ, писанныхъ по-персидски, вещь, очень обычная. Такъ и Аттаровы „Житія святыхъ" снабжены арабскимъ титуломъ. Издалъ научно Никольсонъ: „Tadhiratu l-Awliyâ, with preface, indices etc. (Лейденъ 1905), съ критическимъ введеніемъ мирзы-Мохаммеда Казвинскаго. Восточныя литографированныя изданія - Лахоръ 1889, 1891.

XII в. старца Абу-Саʻида Мейһенскаго*).

Изъ стихотворныхъ произведеній ʻАттâра прекраснѣйшее, хотя на востокѣ и не самое популярное - „Б е с ѣ д а п т и ц ъ" (=مَنطِقُ الطَّير**), ок. 1175 г., на содержаніи которой мы остановимся съ большей подробностью.

Въ „Бесѣдѣ птицъ" сперва разсказывается, какъ птицы, собравшись вмѣстѣ по призыву удода (هُدهُد), обсуждаютъ свое положеніе. Каждая птица олицетворяетъ извѣстную человѣческую страсть или направленіе или классовое міровоззрѣніе, причемъ, конечно, всегда будетъ говорить въ защиту своего суетнаго направленія.

И кого тутъ нѣтъ! Вотъ с о л о в е й: онъ очень соблазнительно защищаетъ свою изнѣженность и сладострастіе; подъ стать ему и п о п у г а й — такой же типъ сибарита-богача. Вѣчно занята поисками за золотомъ к у р о п а т к а, стяжатель-

---

*) Старинную эту біографію Абу-Саʻида, изъ которой черпалъ Аттаръ, издалъ проф. В.А.Жуковскій. См. выше стр.100-101. Изъ изданной имъ біографіи Абу-Саʻида мною переведены по-русски довольно обширныя извлеченія въ „Исторіи Персіи", т.I, вып. 4 (М. 1909), стр. 318-338.

**) Арабское — заглавіе; „M á н т̣ в q а т̣ - т̣ а й р", но книга писана по-персидски. Х а м м е р ъ въ „Redekünste" (Вѣна 1818) предложилъ изъ „Бесѣды птицъ" довольно многочисленные образцы въ своемъ стихотворномъ нѣмецкомъ переводѣ (стр.141-154, in 4°), но переводъ его плоховатъ. Критическое изданіе персидскаго текста, а затѣмъ и прозаическій французскій научный переводъ исполнены были Гарсеномъ де-Тасси (G a r c i n d e T a s s y); а) персидскій текстъ, Парижъ 1857; б) переводъ: „Mantic uttaïr, ou le langage des oiseaux" (1863). Ему же, Гарсену де-Тасси, принадлежитъ анализъ этого Аттарова произведенія въ связи съ очеркомъ идей суфійства: „La

ная скряга. Тутъ и гордый h о м â й*) - самодовольный властелинъ, и с о к о л ъ - раболѣпный слуга властелиновъ. Есть среди птицъ и болѣе интеллигентныя, но тоже суетныя. Завистливый самолюбивый п а в л и н ъ, бывшая райская птица, выгнанная изъ рая за дружбу со змѣей, терзается отъ досады, что у нея, въ наказаніе, теперь безобразнѣйшія ноги; всѣ мечты его сводятся къ тому, какъ бы вновь попасть въ райскую обстановку, а мыслей о томъ, какъ познать Всемірное Единство, конечно, у него нѣтъ. У т к а - образецъ самоупоенной обрядовой набожности и святости: она всегда чиста, потому что строго и въ избыткѣ совершаетъ всѣ предписанныя омовенія; ее постоянно можно увидѣть на водѣ въ молитвенной позѣ, словно усерднаго богомольца на молитвенномъ коврѣ (سجاده); въ награду за ея

---

poésie philosophique et religieuse chez les Persans" - сперва журнальной статьею въ „Revue Contemporaine" 1856, т.XXIV, вып.93 (и тогда же отдѣльн. отт.), потомъ со значительными дополненіями особой книжкой (Пар. 1864). В о с т о ч н ы х ъ литографированныхъ изданій „Мантыq ат-тайр" есть нѣсколько: Бомбей 1280 = 1863; Лакно 1288 = 1871; Ташкентъ 1893, 1894 и др. Имѣются переводы на другіе восточные языки, какъ хиндустанійскій. Въ XVI вѣкѣ османскій филологъ Ш е м ъ и شمعی (ум. ок. 1600-1602) далъ къ „Мантыq-ат-тайр" турецкія толкованія.

*) Баснословная райская птица, очень извѣстная и старорусскимъ космографіямъ подъ именемъ „гамаюнъ"; на кого упадетъ тѣнь ея крыльевъ, тотъ навѣрно будетъ царемъ (отсюда همایون = августѣйшій). Ее охотно вышивали на кисетахъ, отчего и кисеты назывались гамаюнами (срв. въ „Урядникѣ сокольничья пути" - временъ Алексѣя Михайловича),- слово, которое и до сихъ поръ живетъ въ устахъ малороссовъ въ формѣ „гаманець", „гамáн".

святость, ей ужъ и при жизни данъ даръ чудесъ: она можетъ сидѣть на водѣ и не тонуть; послѣ смерти она пойдетъ въ рай, а при жизни пользуется ровнымъ душевнымъ настроеніемъ, полнымъ спокойствіемъ духа; неужели же ее должны тревожить еще какіе-нибудь запросы о Единствѣ?! Не далеко отъ утки ушла и с о в а, этотъ гордый отшельникъ, жительствующій въ пещерахъ, вдали отъ презрѣннаго міра. Полна міровыхъ философскихъ запросовъ л е т у ч а я м ы ш ь; но какъ жалокъ со своимъ корпѣніемъ въ темной клѣти этотъ философъ, который лишенъ лучезарнаго солнечнаго свѣта и думаетъ, слѣпецъ, дойти до познанія истины своимъ ограниченнымъ умомъ!...

Всѣ эти птицы и еще птицы разныхъ другихъ типовъ, собравшись потолковать о своемъ положеніи, восхваляютъ каждая свой идеалъ. Но верхъ одерживаютъ воззрѣнія удода (hýдhуд, hодhод). Удодъ - птица опытная, видавшая на своемъ вѣку славныхъ представителей мудрости: нѣкогда она сопровождала Соломона въ его путешествіи къ царицѣ Сабейской (Савской); у Аттâра она олицетворяетъ собою суфійскаго „старца".

Гýдhудъ убѣждаетъ всѣхъ птицъ стремиться къ ихъ царю, сказочному лучезарному С ӥ м о р ѓ у, живущему за далекими горами, за семью глубокими долинами*). - „Знаете ли, какъ вы сами произошли?" спрашиваетъ удодъ у птицъ: - „Когда Сӥморѓъ откроетъ свое лучезарное лице, которое блеститъ словно солнце, отъ этого на землѣ ложатся тысячи тѣней. Эти тѣни и есть вы, птицы! Вы лишь тѣнь или темное отраженіе Симорга. Такъ не лучше ли вамъ стремиться къ своему источнику, къ самому свѣту, и перестать быть тѣнями, а слиться съ тѣмъ солнечнымъ свѣтомъ?! Ты не разъ видишь, какъ тѣнь теряется въ солнцѣ; уви-

---

*) Птица Симоргъ играетъ важную роль въ „Книгѣ царей", въ исторіи главнаго богатыря Ростема, равно какъ еще его предковъ.

дишь, что и самъ ты весь — солнце, да и только! *). Поймите же, птицы, свое отношеніе къ Симоргу, къ своему Богу! Если вы потеряетесь въ Богѣ, вы не станете Богомъ, но вы навсегда погрузитесь въ Бога"....

„А ты, добровольно заблудшійся!"- обращается ху́дхудъ къ павлину, въ виду имѣя при этомъ и утку и прочихъ, мечтающихъ о раѣ: - „дворецъ того царя, Симорга, о которомъ я говорю, лучше рая. Истинное Бытіе - обширный океанъ, въ которомъ рай съ его блаженствами является лишь мелкой каплей. Если ты можешь обладать воднымъ океаномъ, зачѣмъ тебѣ гнаться за каплею ночной росы?!"...- „Да и вы",- говоритъ онъ къ заносчивымъ птицамъ-отшельникамъ типа совы: - „помните, что подвижничество только внѣшняя форма, а не цѣль. Цѣль - это достичь Симорга. Въ своей гордости вы, положимъ, говорите, что вы и такъ не подъ стать прочему міру, что значеніе Симорга вы понимаете, что Симорга вы любите....... Но вѣдь необходимо, чтобы и Симоргъ васъ полюбилъ. Не забывайте и этого!".....

Птицы рѣшаютъ устремиться въ путь къ Симоргу и единодушно избираютъ удода своимъ проводникомъ - „мо́ршидомъ" (оттого у него и теперь вѣнецъ на головѣ), и этотъ мо́ршидъ разъясняетъ имъ, что́ за семь долинъ, одну недостижимѣе другой, надо будетъ имъ пройти въ тяжеломъ странствіи по крутымъ горамъ, съ изнуреніемъ своей плоти. Эти семь долинъ - семь стадій мистическаго тари́ка́та („пути"), изъ которыхъ седьмая - фа̂на̂ (فنا „исчезновеніе", - это, какъ выше сказано**), есть ни́рва̂на)***).

---

*) Такъ я перевожу, съ нѣкоторою вольностью, стихъ 1102:

سایه در خورشید گم بینی مدام * خود همه خورشید بینی والسّلام

**) См. стр. 86 и слѣд., въ обзорѣ суфійскихъ мистическихъ стадій.

***) Предшествующія шесть долинъ: 1) долина исканія, 2) люб-

Ужасъ и уныніе охватили птицъ, когда онѣ услыхали отъ удода всѣ трудности пути: онѣ поняли, что „этотъ тугій лукъ не по рукѣ слабаго бойца"*). Напрасно удодъ ужъ и раньше внушалъ имъ, что отъ смерти все равно вѣдь не уйдешь, что надо смерть презирать, что „нѣтъ средства противъ смерти какъ только смерть же"**),- часть птицъ умерла отъ одного ужаса.

Остальныя двинулись въ походъ.

Много лѣтъ шли путники въ изнурительномъ пути, то по долинамъ, то по высотамъ, среди неописанныхъ страданій. Большинство ихъ не пережило трудностей странствованія: они погибли, то отъ голода и жажды, то отъ палящаго зноя, то отъ дикихъ звѣрей, то отъ переутомленія; иные отказались итти дальше и отстали, иные жъ хоть и хотѣли бъ итти дальше, но изнемогли. Отправилось ихъ въ путь сотни тысячъ, а къ Долинѣ исчезновенія и къ царю Симоргу прибыло

ви, 3) познанія (достигши которой путникъ „увидитъ уже ядро сквозь скорлупу" (مغز بیند از درون پوست او ст. 3469), 4) долина довлѣнія, 5) единства, 6) экстатическаго изумленія. Экстатическое изумленіе (ḥейрäт, „изступленіе") описано какъ остолбенѣніе. Сознаніе единства, которое путникъ пріобрѣтетъ въ предыдущей долинѣ, заполнитъ здѣсь его всецѣло. Онъ перестанетъ понимать, день сейчасъ, или ночь; онъ и самого себя не будетъ помнить. Спросите его: „Ты существуешь, или не существуешь? Ты это, или не ты?" - онъ отвѣтитъ: „Я ничего не знаю, я самого себя не знаю. Я влюбленъ, но не знаю, въ кого; да я не сознаю даже и любви своей!"....... (ст.3779-3791). Дополненіемъ къ соотвѣтствующимъ страницамъ „Бесѣды птицъ" служитъ особое (короткое) произведеніе ʿАттâра же: „Семь долинъ" („Хäфт вâдî").

*) Ст. 4105:

جمله دانستند کین مشکل کمان * نیست بر بازوی مشتی ناتوان

**) Ст. 2338: نیست درمان مرگرا جز مرگ روی

из всѣхъ птицъ (по-персидски „м о р γ" مرغ) только тридцать („с î " سی), наиболѣе закаленныхъ.

Да и тѣ въ какомъ видѣ! Безъ крыльевъ и перьевъ, изстрадавшіяся, ослабленныя, съ разбитымъ сердцемъ, съ истомленной душею, съ больнымъ тѣломъ! *)....

Но оказывается, что видѣть Симорга въ смыслѣ чувственномъ, очами тѣла, нельзя: онъ, возлюбленное божество, есть с о л н ц е - з е р к а л о, и эти тридцать птицъ (сî морγ), созерцая Сîморγа, могли видѣть только „сî морγ" = „тридцать птицъ", т.е. самихъ себя. Иначе сказать, онѣ, достигши седьмой долины, отождествились со своимъ божествомъ, и имъ для завершенія блаженства оставалось только броситься въ долину „исчезновенія", чтобы окончательно расплыться и потонуть въ Симоргѣ, словно капля въ океанѣ.

Такова интересная нить „Бесѣды птицъ". Нельзя сказать, конечно, чтобы эта нить, эта фабула, была придумана исключительно творчествомъ самого шейха ʿАттâра. Напротивъ, тема о собравшихся птицахъ, бесѣдующихъ другъ съ другомъ (или съ людьми) и воплощающихъ тѣ или другія черты людского характера и людскихъ профессій, есть тема бродячая, которая извѣстна съ разными варіаціями какъ въ мірѣ древне-классическомъ, такъ и въ средневѣковомъ восточномъ и европейскомъ**). Лѣтъ за двѣ-

---

*) Ст. 4125:

سی تن بی بال و پر رنجور و سست * دل شکسته جان شده تن نادرست

**) Въ „Памятникахъ Древней Письменности" (= N.116, СПБ.1896) Хрисанѳъ Лопаревъ издалъ „Древнерусскія сказанія о птицахъ"; туда входятъ великорусскій „Совѣтъ птичій, како они межъ собою говорили" и малорусское „Слово о птицяхъ небесныхъ, якъ почали жити, о Христѣ бесѣдовати, а грѣхи свои споминати" (стр. 1-7, 8-12). Оба сказанія имѣютъ

сти до ʻАттâра большую популярность получила притча на арабскомъ языкѣ: „Споръ между человѣкомъ и животнымъ", гдѣ у пѣвчихъ птицъ есть свой царь (Шахморгъ), а у хищныхъ - свой, и оба царя собираютъ къ себѣ своихъ пернатыхъ подданныхъ, чтобы устно посостязаться въ присутствіи царя людей - Биверсепа Мудраго; тему эту популяризовала басрійская философская энциклопедія „Вѣрныхъ Друзей" X в.*). У ибнъ-Сины (А в и ц е н н ы, ум. 1037) философская „Повѣсть о птицахъ" изображаетъ сперва ловлю птицъ, потомъ однѣхъ птицъ, вырвавшимися изъ тенетъ и клѣтокъ, а другихъ - сидящими въ клѣткахъ; первыя научаютъ вторыхъ, какъ добиться свободы и имъ всѣмъ вмѣстѣ достичь Далекаго Царя (который живетъ за семью горами на восьмой**). Все же эти обѣ варіаціи имѣютъ къ ʻАттâру скорѣе лишь косвенное отношеніе, и — по нити разсказа — наиболѣе

развѣ отдаленное сходство съ „Бесѣдою птицъ" ʻАттâра; но предисловіе Хр. Лопарева (стр. У-XXX), гдѣ онъ предлагаетъ матеріалъ для исторіи развитія вообще фабулы „Бесѣды птицъ", оно касается, если не прямо Аттаровой поэмы, то одного изъ послѣдующихъ подражаній (стр. УII). Про ибнъ-Сину и Газâлія, о которыхъ у насъ рѣчь ниже, Лопаревъ не знаетъ и не говоритъ. Изъ рецензій на Лопарева отмѣтимъ Ив. Франка въ „Записках Науковогс Товариства імени Шевченка" 1897, т. XXX.

*) Fr. Dieterici; „Der Streit zwischen Mensch und Thier, übersetzt" (Берл. 1858). Объ энциклопедіи Вѣрныхъ Друзей см. у меня въ „Исторіи арабовъ", ч. I (М. 1912), стр. 148-149.

**) Повѣсть ибнъ-Сины издана по-арабски (безъ перевода) въ іезуитскомъ араб. журналѣ „аль-Машрыкъ" (Бейрутъ, 1901, годъ IV, стр. 882 и слѣд.). Раньше вышелъ въ лейденскомъ „Mu-

близкой параллелью къ его произведенію надо считать коротенькую арабскую „Повѣсть о птицахъ" славнаго имâма Ґ а з â л і я (ум.1111), гдѣ дѣйствіе такъ и открывается (какъ у ʻАттâра) съ того, что птицы собираются съ цѣлью выбрать себѣ царя, и единодушно рѣшаютъ, что такимъ царемъ можетъ быть только ʻАнкâ (фениксъ-птица), живущая на одномъ заморскомъ островѣ. Птицы,- заканчиваетъ повѣсть Газалія,- послѣ трудныхъ странствованій, доходятъ до своего Царя; но Царь говоритъ, что Онъ въ нихъ не нуждается, и лишь послѣ отчаянія онѣ снискиваютъ Его милость*). Тутъ сходства съ ʻАттâромъ больше. Зато повѣсть Ґазâлія совсѣмъ коротка и вовсе не содержитъ дѣленія птицъ по породамъ, воплощающимъ разные типы людей. ʻАттâръ, очевидно, соединилъ басрійскую тему „Бесѣды птицъ" X в. съ темою Ґазâлія (ум.1111), и изъ сочетанія далъ новую, очень интересную канву для своей собственной книги.

Но не только канва здѣсь занимательна. Эта талантливая поэма Аттара: „Бесѣда птицъ" (составленная, по разнымъ показаніямъ списковъ не то около 1175 г., не то въ 1187-мъ или даже въ 1190 г.) сплошь изобилуетъ также занимательными притчами, поучительными разсказами, лирическими обраще-

---

séon"-ѣ французскій переводъ A.Mehren'a; „L'oiseau. Traité mystique d'Avicenne" (Muséon, VI, 383-393, и отд. оттискъ, Лейд. 1891).

*) И Газâліева повѣсть издана тамъ же въ „Машрыкѣ", вмѣстѣ съ предыдущей. Европейскаго перевода, кажется, нѣтъ.

ніями и т.п., въ силу чего читается съ неослабѣвающимъ интересомъ*),- въ особенности, если у читателя есть соотвѣтствующее мистическое или пессимистическое настроеніе.

Читатель, настроенный пессимистически и грустно изнывающій отъ разбитаго сердца и т.п., найдетъ также большое удовольствіе и нравственное успокоеніе въ чтеніи многихъ главъ другого поучительнаго стихотворнаго сочиненія Аттара: „К н и г а с о в ѣ т о в ъ" („Пенд-нâме" پندنامه или просто پند). Это, - самое популярное изъ всѣхъ его произведеній. Тутъ, въ рядѣ отдѣльныхъ статей, даются всевозможныя увѣщанія и практическіе совѣты, какъ устроить свою жизнь, чтобы имѣть душевное равновѣсіе, и рекомендуется цѣлая нить принциповъ добродѣтелей, среди которыхъ вездѣ выступаетъ практическое превосходство одной: именно - надо обуздать себя отъ страстей и потребностей и пріобрѣсти такимъ путемъ нравственную свободу. Впослѣдствіи Саʻдій (если это былъ онъ) написалъ по образцу книги ʻАттâра одноименную свою „Книгу совѣтовъ". И вообще книга эта не переставала находить обильныхъ читателей и подражателей у послѣдующихъ поколѣній, больше даже, чѣмъ „Бесѣда птицъ". Въ XVI в., въ расцвѣтшей литературѣ османовъ дѣлались стихотворные турецкіе переводы Аттаровой „Книги совѣтовъ", и изучалась, понятно, она сама. Тогда фи-

---

*) Чтобы избѣжать упрека въ излишнемъ личномъ пристрастіи и субъективности, сошлюсь на Хорна: Gesch. d.pers.Litt., (Лейпц.1901), стр.159. Срв. также мнѣніе Этé (Grundriss, 1896, т.II, 285).

дологъ Шемъ'й (ум.ок.1600-1602 г.) далъ на нее турецкія толкованія подъ заглавіемъ „Книга счастія" = „Сеадет-наме".

Печатно „Пенд-наме" была сперва издана Хайндли (J.H. H i n d l e y): „The counsels of Attar" (Лонд. 1809). Но изданіе Хайндли оказалось полно ошибокъ; и воспослѣдовало съ переводомъ, изданіе С и л ь в. д е - С а с и: Pend-Nameh, ou le livre des conseils de Férideddin Attar, traduit et publié par le bar. Silv. de Sacy, Пар. 1819; франц. переводъ снабженъ массой полезныхъ ученыхъ примѣчаній; въ предисловіяхъ къ персидской и къ французской части дана по-персидски и по-французски біографія поэта, извлеченная изъ Довлетъ-шаха.

Н ѣ м е ц к і й переводъ: Buch des Rats - Нессельманна (Кенигсбергъ 1871).

По- р у с с к и есть отрывокъ: „О пагубныхъ для человѣка вещахъ, перевелъ съ перс. С-въ" - въ Журн. Департамента Народн. Просв. 1821 (ч.1,стр.380-383); къ переводу приложена краткая біографія Аттара.

В о с т о ч н ы х ъ и з д а н і й „Пенд-наме" (сверхъ „Коллійййат"), которыя ярко свидѣтельствуютъ о неугасающей популярности этого произведенія, есть многое множество: Калькутта безъ даты; Калькутта 1825 съ хиндустанійскимъ переводомъ; Булакъ 1244 = 1828; Константинополь 1250 = 1834 съ турецкимъ комментаріемъ шейха Исмаила Хаккы; Констант. 1251 = 1835; Констант. 1252 = 1836 съ турецкимъ комментаріемъ Хафыза Махеммеда Мюрада подъ заглавіемъ: „Вода Хызра" آب خضر; Булакъ 1253 = 1838 (повтореніе изданія 1828); Булакъ 1257 = 1842; Лакно 1264 = 1848; Константинополь 1267 = 1851 съ извлеченіемъ изъ комментарія шейха Исмаила Хаккы;..... Лахоръ 1887, 1888; Бомбей 1887; Каунпоръ 1888; Казань 1308 = 1891, и т.д.

Тѣ же идеи, что въ „Бесѣдѣ птицъ" и „Книгѣ совѣтовъ", проводятся и въ богатой притчами „К н и г ѣ б ѣ д с т в і я"

(Мосîбэт-нâмé)*), и въ напоминающихъ собою длиннѣйшій, повторительный акаѳистъ о „Сущностяхъ естества", جواهر الذات „Джевâhир-аз-зâт"**). Конечно, дѣло при этомъ не обходится безъ возвращеній къ одному и тому же, такъ что Хаммеръ (стр.154) характеризуетъ „Сущность естества", какъ „Sündfluth von schleppenden Tautologien und mystischem Unsinne", а Пицци, говоря про 50.000 стиховъ „Сущностей естества", позволяетъ себѣ сдѣлать нелестное замѣчаніе, что тамъ „много стиховъ и словъ, а мало мыслей"***). Между тѣмъ Толукъ, съ его мистическимъ настроеніемъ, находитъ, что рѣдко кто изъ пантеистовъ съумѣлъ такъ хорошо, какъ Аттаръ, выразить единство бытія при видимомъ многообразіи міра.

„Книга соловья" (Больболь-нâмé) аллегорически рисуетъ мистическую любовь къ Богу подъ видомъ любви соловья къ розѣ,—образъ, впослѣдствіи заѣзженный поэтами. Такая же тоска по Божествѣ иносказательно выражена и въ „Кни-

---

*) Нѣм. стих. переводъ изъ „Мосîбет-нâмé", въ извлеченіи, Ф.Рюккерта: Buch der Schicksalsfügungen - въ Zeitschr. d. Deutschen Morg.Gesch., т.XIV (= 1860), 280-287.

**) Нѣм. переводъ изъ „Джевâhир аз-зâт" въ извлеченіи см. у Хаммера: „Redekünste" (1818), стр.154--156 in 4°, и у Толука: - въ его Blüthensammlung aus der persischen Mystik (Берлинъ, 1825), стр. 265-287: Substanz der Wesenheit. По-итальянски даны извлеченія, въ стихотворномъ переводѣ, у Ит. Пицци: „Storia della poesia persiana", т. I (1894), стр. 260-262.

***) „Molti versi e molte parole, ma assai poca sostânza di pensiero". It. Pizzi: Storia d.poes.pers.,1894,т.I,стр.223.

г ѣ в е р б л ю д а" (Шотор-наме́), гдѣ описывается, какъ верблюдъ, съ путникомъ-паломникомъ на спинѣ, мчится по пустынѣ въ Мекку.

Одно изъ сочиненій Аттара „К н и г а т а й н ъ"(Эсрâр-нâме́)*) легендой связано съ именемъ великаго суфійскаго поэта XIII вѣка —Джелâледдйна Рýмй. Разсказываютъ, будто ʿАттâръ подарилъ эту „Книгу тайнъ" трехлѣтнему (или пятилѣтнему) мальчику Джелâледдйну. Оказывается, что, когда тотъ въ 1210 (или 1212) году заѣхалъ съ отцемъ въ Нишапуръ, то Аттаръ ужъ провидѣлъ его судьбу и предугадалъ себѣ въ немъ достойнаго преемника.—Но прожилъ престарѣлый Аттаръ еще и послѣ того довольно долго: лѣтъ чуть не двадцать.

Когда полчища Дженгизъ-хана взяли въ 1230 году городъ Шâдіяхъ, гдѣ жилъ ʿАṭṭâръ, и предали его жителей всеобщему избіенію, старцу было болѣе ста десяти лѣтъ, и ему самому не жаль было разставаться съ жизнію: „попугай его благословенной души", по извѣстному вычурному выраженію Довлетъ-шаха, „черезчуръ соскучился быть заключеннымъ въ тюремную клѣтку тѣла и пожелалъ, наконецъ, очутиться среди саҳарныхъ тростниковъ Свиданія": طوطئ روحِ مُبارکش از زندانِ قفسِ بَدَن مألول شُد و میخواست که بشکرستانِ وِصال رسد
Среди суеты и разгрома, сопровождавшихъ взятіе города, одинъ грубый монголъ схватилъ ʿАṭṭâра и собирался его убить, но другой, разсчитывая, вѣроятно, что за почтеннаго старца можно будетъ получить хорошій выкупъ, остановилъ его, предлагая ему 1000 червонцевъ.- „Не бери такой дешевой платы", сказалъ

'Аттâръ, „другіе тебѣ дадутъ за меня побольше". Однако въ головѣ у него было другое соображеніе. Монголъ потащилъ его за собой, и когда они отошли на нѣкоторое разстояніе, еще одинъ монголъ предложилъ за плѣнника куль соломы.- „Продавай!" сказалъ шейхъ: „это и есть моя цѣна". Раздосадованный монголъ покончилъ съ нимъ.

Однако для жизни идей 'Аттâра какъ разъ началась въ Персіи новая эра.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ.

Стр. 22, послѣдняя строка. На Брауново критическое изданіе „Ч е h â р м е q â л é" 1911 далъ рецензіи Cl.Huart въ „Journal Asiatique" 1911, іюль-авг., стр. 159-162.

Стр. 29, сноска 1. Пропущено: Вслѣдъ за Хаммеромъ и Назарьянцъ („Фердауси", II, М.1851, стр.67) перевелъ „Ветвâт" черезъ „Ласточка".

Тамъ же, стр. 29, пропущена 4-ая сноска къ 10-ой строкѣ: Дипломатическія письма Ветвâта изданы у В.Бартольда въ „Туркестанѣ",т.I;срв. у него т.II (Спб. 1900), стр. 33-34.

Стр.31 : 4 снизу. Техранское изданіе дивана Зеhӣра Фâръâбія 1324 = 1906 - 1907.

Стр. 50 : 3. Къ библіографіи объ Абу-Хâшимѣ Куфійскомъ,

---

*) Довлетъ-шаҳъ (изд. Эдв.Брауна, 1901, стр. 191) точно фиксируетъ дату умерщвленія 'Аттâра: 10 джомâди ль-охрâ 627 г. = = 26 апрѣля 1230 г.

первомъ „суфіѣ", полезно прибавить „Байâн" Джâхыза (ум.869), Каиръ 1311 = 1894, ч.I, стр. 218.

Стр.71. Мода на суфійство - по Газâлію = Кремеръ: Ideen, стр.437.

Стр. 109 : 23. Надо читать: Ethé.

Стр. 114 : 19. Въ арабскомъ заглавіи при литографированіи отлетѣли точки. Надо читать: „Аш -шифâ" الشّفاء

Стр. 161 : 3. Добавить надо: Оду Хâкâнія въ честь побѣды Эхситâна надъ русскими см. на стр. 239-240.

Стр. 161, сноска 2: ميرزا محمّد آخوندوف: «شيخ نظامى». ١٣٢٨ = ١٩٠٩ (20 стр.).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ ПЕЧАТНОЙ ЧАСТИ I-ОЙ.

(ВЫП. I-ый, М. 1909).

I, 4 : 11. Надо читать: Б е й х ä к і й писалъ дошедшую до насъ часть въ 1058-1059 г.; род. 996, ум. ок.1077.- Далѣе I, 4:14 надо читать такъ: Изъ мемуаровъ Бейхäкія одна часть: „Târîх-и Мäс‘ӯдî" дошла до насъ.

I, 4, сноски 1-ая и 2-ая. Изъ британскихъ рукописей Г я р д й з і я (писалъ ок. 1050 г.) одна - кембриджская, другая - оксфордская. Срв. „Исторію Персіи", I, вып. 4-ый, стр. 209-210.

I, 60 : 3. Къ характеристикѣ бовейhида ‘А д у д ъ - - о д - Д о в л е (949-983) можно здѣсь же добавить его почтеніе къ грамматисту Фâрисію (см. напр. у Флюгеля: Grammatische Schulen, стр. 110-111), увлеченіе авторомъ „Книги пѣсенъ" Абульфараджемъ Испаhанскимъ (Флюгель, стр.241) и лич-

ное авторство (тамъ же, стр.235).

I, 61. Въ таблицѣ Бовейһидовъ, во 2-мъ столбцѣ (государей Ирâка), вмѣсто „Солтâнъ изъ Ирâка, 1012-1021" надо читать, какъ видно впрочемъ и изъ контекста: „Солтâнъ изъ Фâрса".

I, 62 : 2 = I, 55 : 7. Имя послѣдняго сâмâнида Монтасыра (уб.1005), обычно называемаго Ибрâһîмомъ (напр. у Стэнли Лэнъ-Пуля: „Мусульм. династіи", Спб. 1899, переводъ В.Бартольда, стр. 109), на самомъ дѣлѣ есть Абӯ-Ибрâһîмъ (срв. „Туркестанъ" В.Бартольда, Спб. 1900, стр. 282, сноска).

Выпускъ XXI: Исторія Сасанидовъ и завоеваніе Ирана арабами, съ указаніемъ главныхъ моментовъ литературной исторіи христіанъ-сиріянъ и политической исторіи вассальныхъ Ирану арабовъ. Съ обзоромъ источниковъ и пособій и приложеніемъ главы объ Аршакидахъ и Парѳіи. Лекціи *А. Крымскаго*. М. 1905. Ц. 2 р. Изд. 2 ое.

Выпускъ XXII: Пособіе по арабскому языку для студентовъ Лазаревскаго Института въ переводахъ съ русск. языка на арабскій, *М. О. Аттая*. 1905. Ц. 75 к.

Выпускъ XXIII: Трапезундская хроника Михаила Панарета съ предисловіемъ, переводомъ и примѣчаніями *А. Хаханова*. М. 1905. Ц. 1 р.

Выпускъ XXIV и XXVI: Татскіе этюды, ч. I. Тексты и татско-русскій словарь. *Всев. Миллера*. М. 1905. Ц. 1 р.—ч. II. Грамматика. М. 1907. Ц. 1 р.

Выпускъ XXVII: Сказка о Камарезземанѣ изъ 1001 ночи, подъ ред. *М. Аттаи*. М. 1908. Ц. 75 к.

Выпускъ XXVIII: Исторія Турціи и ея литературы, отъ возникновенія до начала разцвѣта. *А. Крымскаго*. (Готовится.) Есть студ. литогр. изд. 1909. Ц. 1 р.

Выпускъ XXIX: Исторія Турціи и ея литературы. отъ разцвѣта до начала упадка. *А. Крымскаго*: а) Золотой XVI й в. (М. 1910). Ц. 1 р. 50 к.;—б) XVII-й в. (печатается.)

Выпускъ XXX. Очеркъ исторіи Арменіи. I. Древній періодъ. Лекціи *Г. А. Халатьянца*. М. 1910. Ц. 3 р.

Выпускъ XXXI. Матеріалы по грузинской агіологіи по рукописямъ X вѣка. Изд. *А. Хахановъ*. М. 1910. Ц. 80 к.

Выпускъ XXXII. Пѣсни крымскихъ турокъ (съ переводомъ и музыкою) *А. Олесницкаго*, подъ редакціей *В. А. Гордлевскаго*. М. 1910. Ц. 2 р.

Выпускъ XXXIII. Матеріалы для изученія тайной персидской секты „Люди Истины" *В. Ѳ. Минорскаго*. Часть I, М. 1911. Ц. 3 р.

Выпускъ XXXIV. Тексты по османской народной словесности. *В. А. Гордлевскаго*. М. 1912. (печатаются).

Выпускъ XXXV. Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ *А. Е. Крымскаго*. I. Общій очеркъ исторіи араб. литературы. II. О доисламской поэзіи. III. Авторы свода моаллакъ и свода: „Стихотворенія шестерыхъ". М. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

Выпускъ XXXVI. Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ. IV. Хамаса (съ Тааббатой-шярромъ и Шанфарой). V. Хозейлитскія стихотворенія. VI. „Книга пѣсенъ" X вѣка. М. 1912. (печат.)

Выпускъ XXXVII. Абанъ Лахыкый. Изъ исторіи арабской повѣствовательной литературы индоперсидскаго характера. *А. Крымскаго*. Съ приложеніемъ арабскаго текста Сулія (нач. 900-хъ г.) по уникатной рукописи Хедивской библіотеки. Печатается.

Въ Правленіи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ имѣются для продажи слѣдующія большею частію рѣдкія изданія *):

1) 75-лѣтіе Лазаревскаго Инстит. Вост. Яз. (1815—1890), историческій очеркъ *Г. Кананова*, съ приложеніями и портретами, М. 1891 . . 1 р. 50 к.
2) Тридцатилѣтіе Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Инст. В. Яз., *А. Хаханова* съ 10 фототипическими портретами. М. 1903 . . . 1 „ 50 „
3) *Каталогъ* книгъ и рукописей библіотекъ Лазарев. Инстит. Вост. Яз.: а) библіот. спеціал. клас. и восточ. отдѣл. фундам. библ. М. 1888;— б) библіотека Н. О. Эмина, М. 1896;— в) библіот. Г. И. Кананова, М. 1901;— г) 4-ое добавленіе. М. 1903. . . . . . за 4 выпуска 1 „ 50 „
4) Объ искусствен. образованіи парныхъ словъ—М. Джафара. М. 1900 . — „ 25 „
5) *М. Аттая*: а) Арабская хрестоматія. Казань, 1886 . . . . 1 „ 50 „
6) „ в) „*Калила и Димна*", переводъ съ арабскаго М. Аттая и М. Рябинина, съ введеніемъ. XLIV+285. М. 1889. 2 „ 50 „
7) „ г) Практич. руков. для изуч. *арабскаго* яз. Казань. 1910. 3 „ — „
8) Ключъ *А. Крымскаго* къ переводамъ руководства *Аттая*—М. 1907. — „ 95 „
9) Таблица поправокъ *А. Крымскаго* къ руководству Аттаи — въ V выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію" 1912. . . . . 2 „ — „
10) *А. Крымскій*: а) Школа, образованность и литература россійскихъ мусульманъ. Переводъ съ малорусскаго. М. 1905. . . . — „ 50 „
11) „ б) لفظ الجيم العربيّة أحلقيّة هي ام شجرية («المشرق»=1898, № 11) 1 „ 50 „

---

*) Цѣны книгъ назначены со включеніемъ стоимости за ихъ пересылку; выписывающіе **наложеннымъ платежемъ** прилагаютъ сверхъ того отъ 15 до 5 коп. за каждую книгу, смотря по вѣсу.

13) *А. Крымскій.* в) (и *В. Минорскій*). Очерки изъ исторіи востоковѣдѣнія въ XVI и XVII вв. М. 1903 . . . . — р. 50 к.

14) „ г) Лекціи по Корану. Суры старѣйшаго періода (переводъ съ объясненіями). Изд. 2-е. М. 1905 . . . . — „ 50 „

15) „ д) Мусульманство и его будущность. М. 1899 . . . . — „ 80 „

16) „ е) Дополненное малорусское изданіе (Львів. 1904) . . . . . . — „ 85 „

17) „ ж) О книгѣ пастора І. Гаури: Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. М. 1896 . . . . — „ 20 „

18) „ з) Очеркъ развитія суфизма. М. 1895 . . . . 1 „ — „

19) „ и) (и *Б. Миллеръ*). Всемусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность (съ 3 рис. М. 1903). — „ 75 „

20) „ і) Шаг-наме. Львів. 1896 . . . . — „ 50 „

21) „ к) Народні казки та вигадки. як вони блукають та перевертаються. Переклад з англійської мови, з Клоустона, з увагами й додатками. Львів. 1896 . . . . — „ 60 „

22) „ л) (и *Горстеръ*). Изъ исторіи 1001 ночи. М. 1900 . . . . . . — „ 50 „

23) „ м) О бродячемъ сюжетѣ турецкой сказки про удачливаго самозванца—изъ сборника И. Куноша: здѣсь же *Вл. Гордлевскаго:* Обзоръ турецкихъ сказокъ. М. 1900. . . . . 1 „ — „

24) „ н) Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. Кіевъ. 1896 . . . . — „ 15 „

25) „ о) Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія. К. 1895 . . . . — „ 50 „

26) „ п) О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на енне и інне. М. 1900. . . . . — „ 25 „

27) „ р) Отзывъ, представленный въ Академію Наукъ, о книгѣ И. Стешенка: Поэзія Котляревскаго. Спб. 1904 . . . . — „ 20 „

28) „ с) Филологія и Погодинская гипотеза (Судьбы кіевскаго малорусскаго нарѣчія XI—XVI в.). Кіевъ. 1904 . . . . . . 1 „ — „

29) „ т) Критерії для діалектологічної класіфікації староруських рукописів. Львів 1905 . . . . 1 „ — „

30) „ у) Древне-кіевскій говоръ. Спб. 1907 (отт. изъ „Извѣстій“ Акад. Наукъ) . . . . — „ 50 „

31) „ ф) Украинская грамматика, т. І, вып. 1-й—1 р. 10 к.; вып. 2-й и 6-й—65 к.; т. II, вып. 1-й . . . . — „ 65 „

32) „ х) Два любопытныхъ арабскихъ документа изъ коллекціи А. Е. Крымскаго, *Г. Чиркова*, и изъ области древне-арабской лирической поэзіи, *С. Олферьева*. М. 1900. . . . . — „ 50 „

33) „ ц) Къ описанію арабскихъ рукописей собранія А. Е. Крымскаго: а) Изъ бейрутской церковной лѣтописи; б) Полемика мусульманъ противъ христіанъ М. 1907 г. . . . . 1 „ 50 „

34) *Вл. Минорскій:* а) У русскихъ поддан. султана. Оч. исторіи и соврем. быта казаковъ-раскольн. въ Малой Азіи. М. 1902. . . — „ 75 „

35) „ б) Константинопольскія увеселенія (Карагёзъ и пр.). Тиф. 1903. — „ 25 „

36) „ в) Поэзія Эминъ-бея въ связи съ новымъ направленіемъ осман. поэзіи (съ прил. неизд. сборника: „Гёз йашым“). М. 1903. 1 „ — „

37) *А. Хахановъ:* а) Очерки по исторіи грузинской словесности: Вып. І. (Народ. эпосъ и апокр.)—2 р.; Вып. II. (Древ. литер. до конца XII в.)—2 р. 40 к.; Вып. III. (XIII—XVIII в.)—3 р. М. 1895—1901; Вып. IV, (19-й вѣкъ). 1907 . . . . 3 „ 50 „

38) „ б) Грузинскій отрывокъ Калилы и Димны. М. 1899 . . . . . — „ 60 „

39) „ в) Номоканонъ І. Постника въ его ред.: груз., греч. и славянск. . 2 „ — „

40) „ г) Древн. предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи. Тифлисъ. . 1 „ — „

41) „ д) Католикосъ Антоній І, жизнь и дѣятельность. М. 1903 . . — „ 50 „

42) „ е) О сванетскихъ рукописныхъ евангеліяхъ М. 1904. . . . . — „ 60 „

43) „ ж) Аѳонскій списокъ 978 г. грузинской библіи. М. 1905 . . . — „ 60 „

44) „ з) Правила VI всел. собора въ груз. редакціи. М. 1903 . . . 1 „ 20 „

45) „ и) Груз. рукописная поэма „Барсова кожа“. . . . . — „ 60 „

46) „ Грузинскія рукописи въ европ. книгохранилищахъ . . . . . — „ 60 „

47) з) *A. Khakhanof:* Histoire de Géorgie. Paris. 1900 . . . . 1 „ 50 „

48) Фототипическое изданіе древне-армянскаго Евангелія 887 г. М. 1899 20 „ — „

Цѣна 2 руб.

Складъ изданій (кромѣ вып. VI) въ Правленіи Лазар. Инст. В. Яз. въ Москвѣ и въ магазинахъ „Новаго Времени“.